06:9(5)
А 382
П-66

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Академия наук СССР.
Институт Востоковедения. Труды
Вып. 36.

ТРУДЫ ВТОРОЙ СЕССИИ АССОЦИАЦИИ АРАБИСТОВ

19—23 октября 1937 г.

В 36

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

П-66в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ВТОРОЙ СЕССИИ АССОЦИАЦИИ АРАБИСТОВ

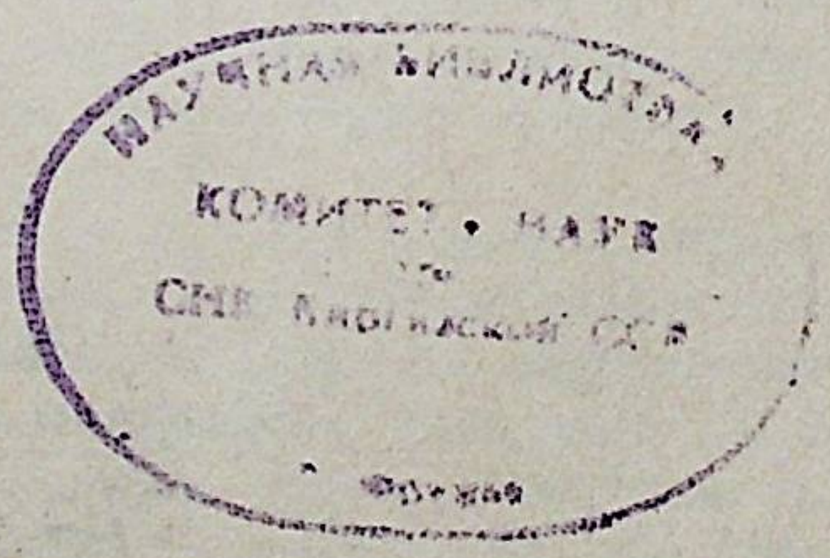
19—23 октября 1937 г.

ИНВ. № 194

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
АКАД. И. Ю. КРАЧКОВСКОГО

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, вып. XXXVI

ИНВ. № 1206



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
акад. И. Ю. Крачковский

А/3608

П 5306
Библиотека Ленинградского
Филиала А.Н. СССР
5709

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая Сессия Ассоциации арабистов происходила 19—23 октября 1937 г. в Ленинграде и была созвана согласно постановлению первой Сессии 1935 г. Сессия ставила себе задачей осветить достижения советской арабистики к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции как в докладах обзорного характера, так и в сообщениях, посвященных конкретным актуальным вопросам из различных областей советской арабистики. Сессия не могла пройти мимо исполнявшегося в этом году 900-летия со дня смерти великого бухарца Авиценны, жизнь и творчество которого были освещены в ряде общих и специальных докладов. Сессия специально остановилась на вопросах всемирной истории и в особенности истории народов СССР, оттенив значение арабских источников в этой области, в частности материалов по изучению арабов Средней Азии.

Согласно пожеланию первой Сессии, к открытию второй была подготовлена специальная выставка с тремя разделами, посвященными печатной продукции советской арабистики за 20 лет, рукописному собранию Института востоковедения Академии Наук СССР и материалам, относящимся к Авиценне. В связи с выставкой, была подготовлена на карточках библиография работ советских арабистов за 20 лет, которая хранится в Арабском кабинете Института востоковедения.

Вторая Сессия Ассоциации нашла свое отражение в печати еще до выхода в свет настоящих „Трудов“. О подготовке к ней было известно по статье в „Вестнике Академии Наук СССР“ (1937, № 4—5, стр. 82). В начале Сессии были напечатаны „Тезисы и содержание докладов“ (32 стр.) и три листовки: „Арабские рукописи Института востоковедения Академии Наук СССР“, „К 900-летию со дня смерти Авиценны“, „О библиографии «Советская арабистика за 20 лет» (1917—1937)“.

По окончании Сессии была напечатана „Резолюция, принятая на заседании 23 октября 1937 г.“ (15 стр.). Общая характеристика работ Сессии дана в статье „Вторая Сессия Ассоциации арабистов“ (Вестн. Акад. Наук СССР, 1938, № 1, стр. 38—43).

Отдельные доклады, прочитанные на Сессии, которые представляли интерес для широких кругов читателей, были опубликованы до напечатания „Трудов“. По желанию президиума Отделения общественных наук Академии Наук СССР, сообщения, посвященные Авиценне (А. Ю. Якубовского, Е. Э. Бертельса, А. Я. Борисова), были помещены в „Известиях Академии Наук СССР“ (Отд. общ. наук, 1938, № 1—2, стр. 51—94, № 3, стр. 93—108).

В виду доступности этих изданий, перепечатывать их в настоящем не представлялось необходимым. Доклад акад. А. Е. Крымского составляет главу I подготовляемой им к печати книги по истории арабской литературы в XIX—XX вв., и поэтому в „Трудах“ не публикуется;

точно так же и сообщение И. Н. Винникова должно послужить введением к изданию материалов, собранных им во время экспедиции к среднеазиатским арабам. Доклад И. Ю. Крачковского „Арабистика в СССР за 20 лет“ был в сокращенном виде повторен на заседании Отделения общественных наук Академии Наук СССР 23 ноября 1937 г. и напечатан в „Известиях Академии Наук СССР“ (1937, № 5, стр. 1255—1279); в „Трудах“ он печатается полностью в том виде, как был подготовлен для Сессии, с некоторыми дополнениями. Другие сообщения публикуются также с дополнениями, накопившимися у авторов со времени прочтения их на Сессии.

Можно надеяться, что по своему содержанию „Труды второй Сессии Ассоциации арабистов“ представят некоторый интерес не только для узкого круга специалистов, но и для более широких слоев научных и общественных работников.

Июль 1938 г.

И. Крачковский

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

АРАБИСТИКА В СССР ЗА 20 ЛЕТ[1]

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ. ОБЪЕМ ОБЗОРА

Арабистика — понятие шаткое и отживающее в такой же мере, как и более широкое понятие востоковедения. Однако, при малой дифференциации и разработанности отдельных научных дисциплин в этой области, оно еще очень долго будет служить удобным и понятным термином, вызывающим вполне определенные представления, хотя не без труда поддающиеся формулировке. Под научной арабистикой, с начала ее возникновения еще в XVII в., понималась обыкновенно арабская филология приблизительно в том объеме, который в своей области был определен ее учительницей — античной филологией. В настоящее время этот объем значительно расширился: теперь под научной арабистикой мы разумеем весь комплекс общественных наук в той их части, которая исходит из разработки арабских материалов. Область ее, таким образом, и шире и у́же, чем изучение арабских стран в их прошлом и настоящем, особенно в обычном, ходячем представлении. Изучение арабских источников для истории народов СССР, например, с полным правом входит одной стороной в область арабистики, хотя в основном это — дело историков соответствующих эпох и стран. Арабистика может заниматься исследованием эволюции арабской математики, входя здесь в соприкосновение с историей науки. Со временем арабистика вольется как составная часть, в соответствующие дисциплины: при настоящем положении, представляя собою комплекс с не вполне дифференцированными частями, она может сохранять свое удобное название с тем же правом, как сохраняют его, например, античная филология, германистика и т. д.

В обычных представлениях значение этого термина очень часто совершенно искажается: нередко под арабистикой разумеется практическое владение — прирожденное или усвоенное — арабским языком. Нередко можно, например, читать и слышать о кавказских „арабистах“, причем, как выясняется, имеются в виду представители отдельных кавказских народностей, у которых до революции арабский язык был одним из литературных, иногда даже основным, и которые, пройдя соответствующую схоластическую школу, часто владели им совершенно свободно.

[1] Настоящий обзор был составлен в январе 1937 г. и прочитан полностью на заседаниях Ассоциации арабистов 11 и 23 сентября 1937 г.; вторая часть его (главы V—VI) была доложена на заседании второй Сессии арабистов 25 октября и, с незначительными изменениями, повторена на юбилейном заседании Отделения общественных наук Академии Наук СССР в Москве 23 ноября и на юбилейном собрании Филологического факультета Ленинградского Государственного университета 1 декабря. С некоторыми изменениями, внесенными редакцией, обзор был напечатан без моей корректуры в „Известиях Отделения общественных наук Академии Наук СССР“ (1937, № 5, стр. 1255—1279) и теперь публикуется впервые целиком с мелкими накопившимися дополнениями.

Это обстоятельство само по себе, без знакомства с научными методами, принятыми в определенных областях, конечно, еще не дает права на звание арабиста. В такой же мере нельзя включать в эту категорию лиц, посвящающих свои работы современным арабским странам, если они не считаются с арабскими материалами и соответствующими методами. Категория эта очень обширна: здесь мы найдем и путешественников, и политиков типа Лоуренса или Фильби, и газетных корреспондентов, и авторов многочисленных журнальных статей. Их произведения, иногда сохраняющие исключительное по важности значение, в научную арабистику тем не менее не входят.

Мой обзор будет иметь в виду то понимание, которое было охарактеризовано и которое представляется мне наиболее целесообразным. В основе оно исходит из двух незыблемых критериев — разработки арабских материалов и применения соответствующих научных методов. Обзор этот не имеет в виду ни библиографического принципа, ни библиографической полноты. С достаточной тщательностью библиография по арабистике в СССР до 1927 г. собрана в издании Научной ассоциации востоковедения — „Библиография Востока", равно как обстоятельно реферирована в трех статьях журнала „Islamica"; полная библиография за 20 лет подготовлена Г. Г. Гульбиным на карточках ко второй сессии арабистов в октябре 1937 г. Настоящий обзор ставит задачей обрисовать в общих чертах состояние арабистики в России к 1917 г., проследить основные линии ее развития в СССР после этого и подвести некоторый итог ее достижениям как в области мировой науки, так и практической работы в своей стране, ограничиваясь, главным образом, теми дисциплинами, которые входят в состав исторического и филологического факультетов университета.

2. СОСТОЯНИЕ АРАБИСТИКИ В РОССИИ К 1917 г. ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ. ПОСОБИЯ И ИЗДАНИЯ

К эпохе Великой Октябрьской социалистической революции русская арабистика едва заканчивала первое столетие своего существования, отстав почти на два века от Западной Европы. Бóльшая близость к Востоку и доступность материала не составили здесь преимущества, при отсутствии научного метода. Условия развития Московской Руси в XVII в. были не таковы, чтобы до нее могли дойти сведения о возникновении на Западе крупных собраний арабских рукописей, об укреплении голландской школы арабистики, организационное значение которой в истории нашей науки оказалось таким длительным и плодотворным. Правда, в XVIII в., около периода основания Академии Наук, стали появляться и у нас отдельные фигуры, приносившие из Европы новые подходы: таков был акад. З. Т. Байер (1694—1738), который изучал семитические языки и привлекал арабские материалы в своих исторических трудах; таков был переводчик Коллегии иностранных дел в Москве Г. Я. Кер (1692—1740), первый в Европе арабист, дешифровавший куфический шрифт, автор замечательного по своему времени проекта Восточной академии. Деятельность их не находила поддержки в окружающей среде и осталась без продолжателей; едва ли кто-нибудь в России мог оценить тот факт, что во второй половине XVIII в. арабистика в Европе не без ожесточенной борьбы превратилась в самостоятельную дисциплину, отказавшись от своей второстепенной роли служанки богословия и библейской экзегетики, вместе с тем укрепив, благодаря античной филологии, принципы текстуальной критики. Политические причины вызвали в конце XVIII в. появление в Петербурге

первого печатного издания Корана, повторенного на пространстве 11 лет (1787—1798) несколько раз. Однако и этот факт, нашедший некоторый отклик на Западе, у нас в арабистике не отразился. Начало ее мы можем датировать только первой четвертью XIX в., когда арабистика впервые в России взошла на кафедру недавно основанных университетов: прежде всего в Казани (1807), где начал свою деятельность знаменитый Х. Д. Френ (1782—1851), несколько позже в Москве (1811), где действовал А. В. Болдырев (1780—1842), питомец германской и французской востоковедной школы, жестоко пострадавший под конец жизни в связи с напечатанием известного „Философического письма" Чаадаева, и еще позже в Петербурге (1818), где главную роль в создании научной школы сыграл тот же Френ, хотя университетским преподавателем здесь он никогда не был.

Много перемен пережили три основных центра русского востоковедения за XIX в., но показательно, что Великая Октябрьская социалистическая революция застала только три серьезных школы арабистики в тех же городах: Казани, Москве, Петрограде. В двух из них арабистика сосредоточивалась уже не в университете. В Казани у Френа достойных преемников не нашлось; его собственная деятельность здесь была слишком кратковременна, чтобы создать школу, и вскоре после него арабистика в общем комплексе казанского востоковедения заняла подчиненное положение. Когда в конце 40-х годов на кафедре здесь опять появился серьезный арабист с европейским образованием И. Ф. Готвальд (1813—1897), все университетское востоковедение уже клонилось к закату: в 1855 г., с открытием Факультета восточных языков в С. Петербурге, Восточное отделение в Казанском университете было ликвидировано. Впоследствии отдельные кафедры, правда, были здесь восстановлены, но преимущественное внимание уделялось другим отраслям востоковедения и научная арабистика носила провинциальный характер. Не спасло ее укрепление второго востоковедного центра в Казани — в Духовной академии. Созданное со специальными целями так называемое противомусульманское отделение развило, особенно с 70-х годов, усиленную издательскую деятельность и часто имело в своей среде преподавателей арабистов. Конечно, арабская филология здесь ни в какой мере представлена не была: все дело ограничивалось исламоведением, притом в совершенно специфическом аспекте. Отличительной чертой работ этой, довольно многочисленной, школы является почти полное игнорирование исторического метода, смешение теоретических учений и явлений жизни, стремление объяснять из Корана факты современности в мусульманском мире. С европейской научной литературой нового времени представители этой школы были знакомы плохо, обращаясь преимущественно к старой, главным образом полемического или апологетического характера. Миссионерские тенденции не всегда шли у них рука об руку с хорошим знанием первоисточников и их языка. В 80-х годах глава петербургского востоковедения бар. В. Р. Розен потратил не мало труда, разъясняя на страницах основанного им востоковедного органа все несоответствие этих работ современным требованиям научной критики. Для развития нашей арабистики деятельность казанской школы прошла, можно сказать, бесследно. Положительные исключения, конечно, бывали и здесь. Достаточно вспомнить учителя Чернышевского — Г. С. Саблукова (1804—1880), которому принадлежит единственный до сих пор русский перевод Корана с подлинника; нельзя забывать и того, что тоже единственный русско-арабский словарь составлен арабом (П. К. Жузе), получившим образование в Казани, и в Казани же напечатан (1903).

В Москве центром арабистики к Великой Октябрьской социалистической революции оказался тоже не университет, а другое учреждение. После катастрофы с Болдыревым арабистика постепенно замирала, хотя и влачила свое существование еще несколько десятилетий. Для крупнейшего из его преемников П. Я. Петрова (1814—1875), санскритиста по специальности, арабистика была только побочным предметом преподавания. Уже к его времени она стала постепенно переходить в недавно организованные (1872) специальные классы Лазаревского института. Подъем научного уровня в преподавании арабистики происходил здесь, конечно, не сразу: первый профессор — араб Г. А. Муркос (1846—1912) и питомец казанской школы арабист и иранист И. Н. Холмогоров (1825—1891) мало считались с прогрессом западной науки. Перелом наступил к началу XX в., когда стала развертываться педагогическая и издательская работа А. Е. Крымского, быстро обеспечившая московской арабистике достойное место и закрепившая за ней определенный облик. Особенно важную роль приобрела его популяризаторская деятельность. Она была посвящена трем основным разветвлениям мусульманского мира — арабам, персам и туркам, но главное внимание уделяла первым. Большинство работ возникло у него из потребностей преподавания и выдерживало по несколько изданий, распространяясь далеко за пределами его непосредственной аудитории и, вообще, учащейся молодежи. Крымский обладал даром вовлекать в научную работу начинающих арабистов с первых же шагов, и не малое количество их работ появилось в печати благодаря ему. Вообще для популяризации науки он сделал больше, чем все предшествующие и современные ему поколения арабистов: можно без преувеличения сказать, что основные научные сведения об арабском мире, которыми располагали неспециалисты до революции, обязаны своим происхождением его работам. Достаточно отметить, что ему принадлежат единственные до сих пор на русском языке общие курсы истории арабского языка и арабской литературы, которые в свое время стояли на уровне всей арабистической науки. Заслуга большая, и она одна обеспечила достойное место московской арабистике в эпоху до 1917 г.

Единственным дореволюционным центром, где научная арабистика в течение всего века не покидала стен университета, оказался Петербург. Обстоятельства сложились так, что Петербург явился и главным центром, получив ту базу, которой не удалось создать в других местах. Одновременно с началом преподавания в университете был основан Азиатский музей (1818), во главе которого стал Френ; в ближайшие же годы было положено начало большому рукописному собранию, которое сразу дало возможность России сравняться с государствами Запада, составлявшими свои коллекции еще с XVII в. Азиатский музей обеспечил арабистов первоклассным материалом для работы не на один, а на несколько веков. Одновременно и в нем и в университете стали складываться серьезные библиотеки по востоковедению, хорошо восполнявшие друг друга. Известное участие в этой работе приняло и основанное около этого времени (1823) „Учебное отделение восточных языков при Министерстве иностранных дел“, хотя, вообще, в развитии арабистики почти за столетнее существование оно серьезного следа не оставило. Однако это отделение сконцентрировало очень хорошее собрание арабских рукописей, которое было единственным в Петербурге обладавшим полным научным описанием. Таким образом уже в 20-х годах база начала создаваться; нашлись и люди с организаторским дарованием. В первой половине века, благодаря Френу, арабистика тяготела не столько к университету, сколько к Азиатскому музею. На своем примере Френ показал все значение разработки рукописных собраний и могучей рукой выдвинул ту задачу, которая и до настоящего дня является одной из основных тем советской арабистики — изучение арабских источников для истории народов СССР. Планомерная фундаментальная деятельность Френа несколько затенила своеобразную фигуру действовавшего (1822—1847) параллельно с ним в университете О. И. Сенковского, знаменитого барона Брамбеуса (1800—1858), вносившего в арабистику свой темперамент, литературный дар и остроумные теории. Экзотическим цветком на русской почве оказался преемник Сенковского — египетский Шейх Тантави (1810—1861), человек с основательными знаниями и глубоким схоластическим образованием; бóльшую пользу извлекли из него не русские, а финские ученики, показавшие себя в ту эпоху более подготовленными и приходившие с бóльшими самостоятельными запросами. Вторая половина века, со смертью Френа (1851) и открытием Факультета восточных языков (1855), дает окончательный перевес университету, который сохраняет это значение до революции. Крупные деятели в области арабистики появились в нем не сразу, но 70—80-е годы выдвинули скромную фигуру В. Ф. Гиргаса (1835—1887), обеспечившего преподавание прекрасными по своему времени пособиями, и его талантливого ученика бар. В. Р. Розена (1849—1908), крупнейшего, наряду с Френом, арабиста во всей нашей истории, одного из крупнейших востоковедов вообще, влияние которого, благодаря старшим и младшим ученикам его, сказывалось не только до революции, но в значительной мере до наших дней. Уже Гиргас был европейским арабистом в полном смысле слова, а Розен занял одно из первых мест среди своих западных коллег. Как Френ, он уделял большое внимание разработке рукописных собраний Петербурга и некоторых заграничных центров; как Френ, значительную часть своих трудов он посвятил изучению арабских источников, связанных с восточной Европой, расширив свои интересы и в сторону Византии. Своими исследованиями он систематически подчеркивал, что русская арабистика не является провинциальной, местной наукой, а может с достоинством высказывать суждение по всем вопросам, встающим в мировом масштабе. Благодаря ему окончательно закрепилось у нас университетское значение арабистики. Внимание к ней стало определенно сказываться не только в византиноведении или русской истории: с ней стали считаться и кавказоведение и романистика. В своей собственной области, идя по линиям, в основном намеченным Розеном, петербургская арабистика направлялась преимущественно в сферу истории, истории литературы и исламоведения. Лингвистика почти совершенно отсутствовала, если не считать специальных работ по еврейско-арабской грамматической теории. Объяснялось это, с одной стороны, некоторым отрывом от современного арабского мира с его живыми диалектами, что сказывалось в известной мере в Петербурге после Гиргаса до 900-х годов, а с другой — таким же отрывом от успехов научной семитологии, школу которой не все арабисты считали для себя обязательной. После Розена этот недостаток в некоторой степени начал сознаваться и сглаживаться; в общем же можно сказать, что русская арабистика встретила революцию на тех установках, которые были заложены Розеном.

Вспомогательные средства, которыми эта арабистика располагала к 1917 г., были более или менее достаточны для выполнения намеченных тогда задач. Учебными пособиями она была обеспечена лучше, чем многие другие отрасли востоковедения. Если до 70-х годов приходилось обходиться значительно устаревшей хрестоматией А. В. Болдырева (1824 и 1832), то в 70-х она была заменена совместным трудом В. Ф. Гир-

гаса и В. Р. Розена (1875—1876), который с момента своего появления приобрел почетную известность и популярность, вошел в употребление как одно из лучших пособий в ряде западных университетов и даже теперь сохраняет все свое значение авторитетного и критического подбора текстов при изучении классического языка. Составленный В. Ф. Гиргасом около того же времени (1881) словарь вполне удовлетворял своим задачам и для учебных целей служил надежным руководством. Хуже обстояло дело с грамматикой: первый и единственный опыт систематического научного изложения свойств арабского языка был дан М. Т. Навроцким еще в 1867 г. и совершенно устарел, тем более, что был изложен в очень расплывчатой системе, не всегда стоявшей на уровне даже современной ему науки. Все появлявшиеся после него грамматики составлялись практическими знатоками языка, которые не считались с требованиями семитской филологии и ее научными достижениями. В области истории литературы несколько устарелый очерк В. Гиргаса (1873) был заменен различными трудами А. Крымского; они же восполняли отсутствие общего курса истории арабов, если не считать перевода „Истории ислама“ А. Мюллера (1895—1896), издание которого явилось одной из многочисленных культурных заслуг Л. Ф. Пантелеева.

Издательские возможности арабистики были невелики, но с ростом науки постепенно расширялись, и 1917 г. застал здесь значительный ряд востоковедных серий, в которых арабистика находила себе место. Руководящим органом в этой области и единственным периодическим изданием являлись „Записки Восточного отделения Русского археологического общества“, основанные (1886) В. Р. Розеном и сохранявшие свое значение некоторое время после революции. Менее регулярно выходили „Древности восточные“ — аналогичный орган Восточной комиссии Московского археологического общества, группировавшей вокруг себя московских востоковедов, а среди них и немногочисленных арабистов. В 1912 г. в Петербурге возникли почти одновременно два периодических органа, в которых находили место арабистические статьи „Мир ислама“ и „Христианский Восток“; первый просуществовал только год, второй прекратился уже после революции на томе VI (1917—1922). Печатались арабистические статьи и в других периодических органах Академии Наук (как например, „Известия“ и „Византийский временник“). Отдельные, обыкновенно крупные работы появлялись в других сериях Академии Наук и в „Изданиях Факультета восточных языков“. Параллельная последним серия „Трудов по востоковедению“, издаваемая Лазаревским институтом в Москве, приобрела очень важное значение благодаря многочисленным работам А. Е. Крымского. Серия Казанской духовной академии „Противомусульманский сборник“ носила слишком специфический характер, стояла в стороне от научного движения в арабистике и не оказывала на него влияния. Изредка материалы и хроника живого арабского Востока попадали в „Сообщения Палестинского общества“, обыкновенно в специальной обработке; иногда статьи, связанные с арабистикой, появлялись в „Журнале Министерства народного просвещения“ и в среднеазиатском органе „Туркестанские ведомости“.

Научно-исследовательских учреждений, в которых была бы представлена арабистика, если не считать Академии Наук, до революции не существовало. Единственным востоковедным объединением являлось „Восточное отделение Археологического общества“ со своими ежемесячными заседаниями и печатным органом; для всех петербургских востоковедов с конца 80-х годов оно было основной научной школой. Аналогичную роль играла и упомянутая „Восточная комиссия“ Московского археологического общества, основанная (1887) почти одновременно с реорганизацией „Восточного отделения“ В. Р. Розеном; арабистическая струя в ней почувствовалась более сильно с начала XX в., когда секретарем стал А. Е. Крымский. Академия Наук в этом периоде в арабистике особой организующей роли не играла, в противоположность первой половине XIX в. Преемник Френа Б. А. Дорн (1805—1881), трудолюбивый и разносторонний востоковед, не мог в этом отношении заменить его; Розен направил свою энергию на Восточный факультет и Восточное отделение; после его смерти (1908) кафедра в Академии оставалась незамещенной до первых лет революции (1921). Азиатский музей ограничивался ролью книгохранилища и тоже только после революции начал опять приобретать значение организующего центра.

3. НОВЫЕ ФОРМЫ И СРЕДСТВА ПОСЛЕ 1917 г.

После революции арабистика, как и другие научные отрасли, не сразу нашла новые формы и средства своего выражения. Искания продолжались долго и не могут считаться законченными еще и теперь. Естественно, в них замечался подъем и упадок, ошибки и увлечения, отражавшие и слишком оптимистическое представление о возможностях науки на современной стадии разработки и переоценку своих собственных сил.

Отчетливо эти искания сказались в новых соотношениях между центрами преподавания арабистики. Период 20-х годов в целом можно считать временем ослабления старых центров и возникновения новых, иногда в значительном количестве. Первое нередко было связано со вторым: достаточно сказать, что в 1920 г. на все учреждения Петрограда остался единственный представитель арабистики. В противовес этому, она находила себе место почти во всех университетах и институтах, возникавших в столицах новых республик, особенно в областях, связанных раньше с мусульманской культурой: так было в Ташкенте, Баку, Симферополе, Казани, Киеве. В Петрограде, после некоторого перерыва в практическом преподавании, уже в 1920 г. возник Институт живых восточных языков; то же происходило в целом ряде других городов. Нигде, однако, арабистика надолго не упрочилась. Там, где нашлись достаточно серьезные силы (в Ташкенте, Киеве, Баку), она оказалась несколько долговечнее, но все же не утвердилась окончательно; в последнее время к новым центрам присоединяется Тбилиси, где в университете проектируется специальная кафедра семитологии, с должным вниманием в первую очередь к арабистике. Для Ленинграда 20-е годы оказались периодом известного затухания в преподавании арабистики. Если практическое, благодаря Институту восточных языков, продолжалось непрерывно, то с базой научного преподавания обстояло хуже. Частые реформы университета после 1917 г. и окончательное выделение арабистики, как и всего востоковедения, за его пределы сильно ослабили ее; присоединилось к этому недоразумение, сыгравшее некоторую роль в национальных республиках и отразившееся в Ленинграде. Переход ряда языков на новый латинизированный алфавит вызвал несколько подозрительное отношение не только к арабскому шрифту, но и арабской культуре и арабскому языку вообще; внимание и интерес к ним стали смешиваться с поддержкой арабского шрифта и ислама. В результате, даже в основном учреждении, где сосредоточилось тогда научное преподавание востоковедения, — в Ленинградском институте истории философии и лингвистики, арабистика была в течение ряда лет лишена самостоятельного значения и сведена к элементарному курсу арабского языка, приноровленному исключительно для нужд иранистики и тюркологии. Только в 1933 г., с восстановлением

самостоятельной кафедры семитологии, арабистика вновь получила должное значение, причем в некоторых областях в таком объеме, как никогда раньше: история арабской литературы, например, рассчитана на 4-летний курс, вместо одногодичного, существовавшего в университете до 1917 г. В Москве, как и прежде, после ряда различных исканий, преподавание арабистики, преимущественно с практическим уклоном, создало свой центр естественно в Институте восточных языков, а не в университете. В других городах оно носит случайный характер, обыкновенно в зависимости от наличия отдельных специалистов. Таким образом показательно, что 20-летие Великой Октябрьской социалистической революции застает преподавание арабистики сосредоточенным в двух тех же самых городах, Ленинграде и Москве, что и в 1917 г. В этом нельзя не признать известной исторической закономерности, обусловленной серьезными причинами.

Совершенно переменилась за 20 лет роль в арабистике научно-исследовательских учреждений и обществ. Если до революции известное значение имели только Академия Наук и Восточное отделение Археологического общества, то теперь появляются в громадном количестве другие: почти каждое учреждение, занятое вопросами истории культуры, в той или иной мере дает у себя место арабистике. Институт истории искусств, Академия истории материальной культуры, Гос. Эрмитаж, „Всемирная литература", Украинская Академия Наук, ряд учреждений в Москве и в союзных республиках — отражают это внимание. Не везде находятся силы, могущие дать ответ на сложные и разнообразные запросы, и не везде арабистика упрочивается; после периода своеобразной широкой экспансии наступает, как и в преподавании, известная консолидация и укрепление немногих более стойких ячеек. Коренные изменения происходят в обществах, связанных с востоковедением: Восточное отделение Археологического общества, постепенно замирая после революции, переходит в Коллегию востоковедов при Азиатском музее Академии Наук, которая заканчивает свою деятельность томом V „Записок", характеризующим более других востоковедных дисциплин состояние арабистики к 1930 г. Возникающие в 20-х годах „Ассоциации востоковедения" в Москве и на Украине выдвигают на первый план изучение современного Востока, в частности новой истории и экономики арабских стран. К концу этого периода, к 30-м годам, замечается еще одно явление, раньше не имевшее места и говорящее об естественном росте науки: стремление отдельных областей востоковедения к дифференциации и объединению в более узкие по специальности группы. В январе 1928 г. при Академии Наук возникает кружок ленинградских арабистов, впервые объединяющий последних в самостоятельный центр. Он продолжает деятельность до половины 1930 г., и его почти 3-летнее существование находит свое отражение в томе V „Записок Коллегии востоковедов", составленном преимущественно из арабистических статей, принадлежащих, в основном, участникам кружка. С возникновением в составе Академии Наук Института востоковедения и Арабского кабинета в нем постепенно созревает мысль о более широком, чем кружок, объединении арабистов. В начале 1934 г. организуется при институте Ассоциация ленинградских арабистов, начинающая свои научные собрания в день смерти В. Р. Розена. Через полтора года ассоциация делает попытку расширить объединение на представителей арабистики в других центрах: летом 1935 г. созывается первая Сессия арабистов, в которой принимают участие в значительном числе представители арабистики в Москве и отдельные арабисты из Киева и Тбилиси. Установить организационную связь между отдельными учреждениями и лицами еще не удается, и работа идет

в значительной мере обособленно. Можно полагать, что периодические сессии помогут найти и здесь правильный путь к объединению. Следующая сессия состоялась в октябре 1937 г. и была посвящена 20-летию советской власти и 900-летней годовщине смерти Авиценны. Несомненно, что основные вопросы придали сессии бóльшую организованность; желательность их периодического созыва, повидимому, признана всеми.

20-летняя история арабистики показала относительно исследовательской работы то же, что и относительно учебной: основными центрами ее становятся Ленинград и Москва, в первом с бóльшим уклоном в сторону арабской филологии, во второй — изучения новой истории и экономики арабских стран. Возможности непосредственного общения с представителями их, в небольшом количестве живущими в Москве, в научном отношении используются еще не достаточно. В других центрах Союза арабистика, вероятно, будет разрабатываться лишь по тем или иным линиям, в зависимости или от местных интересов, или наличия отдельных специалистов.

За 20 лет, параллельно с учебной и научной работой, сильно менялась картина издательских возможностей, которыми располагала наша дисциплина. Основной орган старого востоковедения, где главным образом находила себе место арабистика,—„Записки Восточного отделения Археологического общества", — закончил свое существование в 1921 г.; на 5-летие, с 1925 по 1930 г., его заменили „Записки Коллегии востоковедов", продолжавшие ту же традицию. Последний, пятый, том этих „Записок" оказался любопытным опытом, проведенным едва ли не впервые и стоящим до сих пор одиноко — опытом объединения научных работ вокруг арабистического стержня: участие 29 авторов, не всегда арабистов по основной специальности, но всегда с темами, подходящими к вопросам арабского языка и арабской культуры, говорит о том, что создание такого специального органа может быть вполне оправдано и построено на прочном основании, не менее солидном, чем специальный арабистический журнал в Испании до последней войны. Других попыток в этом направлении у нас до сих пор сделано не было; меньшим по объему опытом является издание трудов первой и второй сессий арабистов, в принципиальном отношении, быть может, более важным. Вообще же арабистам попрежнему приходится пользоваться общевостоковедными изданиями. С 1932 г. организуются три серии Института востоковедения („Записки", „Труды", „Библиография Востока"): построенные по своей идее вполне рационально, по выполнению они значительно отстают от тех требований, которые может предъявлять, в частности, и наша арабистика. Медленность печатания не дает возможности быстро вводить в научный обиход открытия и исследования в этой области; оттесняемая более актуальными, иногда лишь по видимости, или представленными бóльшим количеством специалистов областями, арабистика нередко чувствует это особенно болезненно, несмотря на свой удельный вес в нашем востоковедении. С 1922 г. появилась в Ленинграде новая серия изданий Восточного института, которая посвящена преимущественно учебным пособиям или работам, связанным с научно-методическими вопросами; только один раз она включила сборник научных статей. Во всей этой серии арабистика заняла должное место; некоторые издания приобрели здесь далеко не преходящее значение, и о них придется еще говорить. Такое же близкое участие приняла арабистика в 1919—1925 гг. в послереволюционном издательстве „Всемирная литература" — предприятии, не имевшем себе предшественников и показавшем, между прочим, насколько после 1917 г. стали меняться самые формы востоковедной работы, что еще придется

отметить. Преемницей „Всемирной литературы", хотя лишь частично, явилась „Academia", с которой арабистика была связана в начале достаточно близко. Семь лет (1924—1931) просуществовал новый орган Академии Наук „Доклады -В". Возникший в связи с затруднением печатания больших работ, он ставил задачей знакомить науку в кратких статьях с частичными открытиями или с готовящимися крупными трудами. В значительной мере „Доклады" стали востоковедным органом, в котором арабистика принимала живое участие особенно в 20-х годах. Какое значение этим статьям придает западноевропейская наука, — достаточно показывают выходящие теперь дополнительные тома к известной „Истории арабской литературы" Броккельмана, где все они зарегистрированы с исчерпывающей полнотой, несмотря на незначительный в большинстве случаев объем. Картина востоковедных серий в Москве после 1917 г. тоже совершенно переменилась: „Древности восточные" прекратились, так же как и „Труды по востоковедению" Лазаревского института; с переездом их основного организатора А. Е. Крымского в Киев востоковедение нашло себе на некоторое время значительное место в изданиях Украинской Академии Наук, однако арабистика заняла там подчиненное положение сравнительно с изучением Ирана и туркологией. Вновь возникшие в Москве и на Украине издания „Ассоциации востоковедения", равно как „Революционный Восток" и ряд серий в союзных республиках, не прошли бесследно для изучения новой истории и экономики арабских стран, которые они впервые поставили в центр внимания, хотя, как все первые опыты, печатаемые работы часто стояли на грани журналистики, не всегда руководствуясь арабскими первоисточниками. Издания Московского восточного института, заменившего Лазаревский, обыкновенно ограничивались учебными пособиями, редко распространявшимися и мало доступными за пределами той среды, для которой они непосредственно предназначались.

4. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РАБОТА. РОСТ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Характеристика издательских возможностей и вновь возникших организаций дает отчетливое представление о том, насколько после 1917 г. переменилась в области арабистики самая форма научной работы. В ней совершенно особое значение приобретает не игравшая раньше существенной роли популяризация, направляясь в первую очередь на переводы литературных произведений. Очень слабый почин в этом направлении сделало незадолго до революции издательство „Огни", благодаря действовавшему в нем писателю С. Кондурушкину, который сам жил некоторое время в арабских странах. Дело, однако, не успело развернуться и ограничилось изданием одной книжки по новой арабской литературе и обсуждением вопроса о полном переводе с подлинника „1001 ночи". Исключительное значение, в противоположность этому, имела деятельность возникшего, по инициативе М. Горького, издательства „Всемирная литература". За свою 6-летнюю жизнь (1919—1925) оно выполнило лишь незначительную часть намеченных планов, но и то, что сделано, крайне важно и по результатам и в особенности по принципиальной установке. В печатном плане издательства была намечена программа переводов памятников арабской литературы как мирового, так и национального значения, которая и теперь, почти через 20 лет, в случае осуществления едва ли потребует серьезных изменений. Издательство выпустило суммарные очерки ряда восточных литератур, куда вошла и арабская; отдельными изданиями оно напечатало несколько томов переводов с арабского знаменитой автобиографии современника первого

крестового похода эмира Усамы, философского романа Ибн Туфейля, мелких произведений, игравших большую роль в мировой литературе: повести об Ахикаре, басен Лукмана. Далеко не все подготовленное удалось выпустить в свет: кое-что было издано преемниками „Всемирной литературы"; кое-что еще ожидает своей очереди. На ряду с переводами, очень важное значение приобрел созданный „Всемирной литературой" периодический орган „Восток", давший пять сборников преимущественно литературно-художественного содержания в научно-популярной форме (1922—1925). Кроме переводов небольших произведений или отрывков, „Восток" содержал и самостоятельные статьи, посвященные литературным или историческим сюжетам. Почти через 100 лет, в другой форме, он возобновил традицию „Азиатского вестника", выходившего в начале XIX в. (1825—1827), и целого ряда общих журналов той эпохи („Московский телеграф", „Вестник Европы", „Северный архив" и др.), когда так силен был интерес к Востоку среди рядовой читающей публики того времени. „Восток" за 5-летнее существование сделал не мало и для арабистики во всех своих отделах. Его пример вызвал аналогичную попытку в Москве, где „Восточный сборник" (1924), на ряду с другими восточными литературами, уделил некоторое внимание и арабской. Деятельность „Всемирной литературы" с конца 20-х годов стала отчасти продолжать „Academia": ее крупнейшей заслугой является издание первого полного перевода „1001 ночи" с подлинника. Законченная печатанием серия восьми томов в соответствующем оформлении представляет крупное культурное дело, выходящее далеко за пределы арабистики, но стоящее на уровне всего ее опыта. „Academia" выпустила перевод и другого мирового памятника „Калила и Димна", подготовленный еще для „Всемирной литературы", выпустила своеобразный памятник испанско-арабской литературы — изящное „Ожерелье голубки". Издательство „Художественной литературы" обратило некоторое внимание и на современную арабскую литературу, дав переводы автобиографической повести слепого каирского профессора Таха Хусейна и романа молодого египетского писателя Тауфика ал-Хакима. Сравнительно со всем фондом арабской литературы сделано, конечно, очень мало, и сделанное далеко не исчерпывает возможностей наличных арабистических сил, но важно то, что серьезное начало положено, и еще важнее, что продуманно и основательно намечены и принципы этой работы и ее главные линии.

Такое же значительное оживление сказалось в области подготовки пособий для изучения арабского языка: за 20 лет после 1917 г. их появилось значительно больше, чем за все предшествующее столетие. Важен был не только количественный прирост, но и те новые запросы, которым стремились удовлетворить возникавшие издания. Быстрее всего почувствовалась нужда в подборе текстов и в специальных хрестоматиях в новых центрах, где не было традиции, а прежние пособия оказывались недоступными. Иногда для быстроты приходилось прибегать к перепечатке старых пособий: так, в Ташкенте в 1921 г. была перепечатана начальная хрестоматия В. Гиргаса и В. Розена (словарь к ней появился здесь же в 1924 г.); интересы к вопросам исламоведения и новым течениям в арабских странах вызвали здесь же перепечатку отрывков из традиционной биографии Мухаммеда (1923), а вслед затем (1927) описания путешествия в Сицилию и Палермо крупного египетского деятеля XIX— XX в. Мухаммеда Абдо — едва ли не первый появившийся у нас в оригинале образчик современной арабской письменности. Баку стремилось удовлетворить потребности своей зарождающейся арабистической школы двумя хрестоматиями: первая (Л. А. Зимина, 1920), составленная спешно в связи с неотложными задачами, исходила, главным образом,

из старого материала; вторая (П. К. Жузе, ок. 1923) включила уже некоторые любопытные отделы: если помещенные здесь отрывки из мировой повести о Варлааме и Иоасафе впервые были представлены в „Арабском изборнике“ М. О. Аттаи и А. Е. Крымского, вышедшем в Москве за год до революции, то отрывки из арабских произведений основателя бехаизма оказались новостью в учебной литературе. В области классической литературы Ленинград обходился попрежнему частью образцовой хрестоматией В. Гиргаса и В. Розена, частью средствами своих сравнительно богатых библиотек; новые потребности стали постепенно вырабатывать новые, так сказать дифференцированные или специализированные пособия, которых, собственно говоря, не знал предшествующий период. Уже в начальную хрестоматию, изданную Восточным институтом (1926б), были включены отрывки из произведений одного современного писателя; большая хрестоматия, выпущенная тем же издательством (1928), посвящена исключительно новой литературе и знакомит более чем с двумя десятками авторов. Она была первым опытом в своей области не только у нас, но и, вообще, в арабистическом мире. Этим объясняется ее успех во всех странах, где изучают арабский восток; в известной мере она создала эпоху в занятиях новой арабской литературой. Дореволюционная Россия располагала пособиями для изучения только литературного языка; теперь получает права гражданства и разговорный язык. Хрестоматия образцов сирийского диалекта, составленная Д. В. Семеновым (1929) как из произведений фольклора, так и тех писателей, которые пользуются диалектом, тоже оказалась первым опытом в арабистике вообще, суммирующим значительный материал. Интересную попытку дать свод текстов, отвечающих на местные запросы, представляет арабско-грузинская хрестоматия Г. В. Церетели (Тбилиси, 1935), выбравшего историко-географические источники, относящиеся непосредственно к Грузии и Кавказу. Специальным уклонам удовлетворяет и хрестоматия по политико-экономическим вопросам в отрывках из современной прессы, составленная также Д. В. Семеновым (1935).

Рост учебной литературы нашел свое отражение и в грамматиках: увеличивается не только их количество, но появляются работы, показывающие значительное повышение лингвистического уровня. Прогресс здесь все же не так заметен, как в хрестоматиях, вероятно потому, что иногда попрежнему для составления грамматики считается достаточным практическое владение языком. Стоящим на высоте научного уровня, как увидим, приходится признать только один опыт. На первых порах пробел восполняется переработкой старого материала со старыми установками. Известный интерес представляла дополненная обработка краткого очерка немецкого ориенталиста Г. Штумме, вышедшая в Москве (1922) и составленная внимательно, хотя в пределах элементарных требований. Нельзя сказать того же про связанный с дореволюционной туркестанской традицией учебник И. Д. Ягелло (Москва, 1926), отличающийся и чрезмерной краткостью и мало пригодной системой. Вышедшая в 1928 г. в Киеве грамматика Т. Г. Кезмы полезна своим популярным изложением, приноровленным для начального практического изучения, но мало считается с достижениями европейской лингвистической науки вообще и семитологии в частности. Таким образом первым опытом в новом направлении оказалась вышедшая вскоре после нее грамматика Н. В. Юшманова (1928) — первая после очерка М. Навроцкого (1867) полная грамматика, стремившаяся строить все изложение на научной основе. Везде она исходит из законов общего языкознания, с привлечением историко-сравнительного метода, не упуская связи арабского языка с другими семитическими и отношения литературного языка к диалектам.

Она — единственная на русском языке, которая дает представление о выводах, добытых до последнего времени западной наукой. В ряде пунктов она идет дальше нее, освещая некоторые моменты самостоятельными изысканиями автора. В этом смысле мы имеем в ней труд не только учебный, но и научный, показывающий воочию, что после революции у нас появилась ранее не представленная дисциплина — арабская лингвистика.

На ряду с систематическими обзорами грамматики, педагогические требования за последний период вызывают еще новую форму — учебники, распределяющие материал по урокам в комплексном объединении теоретического изложения и практических упражнений. Уже в 1923 г. М. О. Аттая выпустил интересное по замыслу „Руководство“ для изучения сирийского диалекта; к сожалению, выполнение его, с переносом в упражнениях центра тяжести на искусственные фразы и не всегда отчетливое разделение между литературным и разговорным языком, едва ли можно признать удовлетворительным. Учебник, изданный Ленинградским восточным институтом (1936), ставит едва ли осуществимую задачу иллюстрировать отличия разговорного языка параллельно с изучением литературного материала, но имеет ценное хрестоматийное приложение — ряд документов, характеризующих современный административно-дипломатический стиль, и отрывков из произведений современного писателя, рисующих новые социальные отношения в Аравии. Московский институт тоже перешел на линию составления учебников: по примеру выпущенного под редакцией Х. К. Баранова (1933) можно судить, что они преследуют, главным образом, элементарные задачи; литографская система воспроизведения делает их малодоступными для других центров.

Большинство вновь выходивших хрестоматий и учебников сопровождалось специальными словарями. Это избавляло от нужды в полном словаре и когда встречалась необходимость, попрежнему обращались к старой работе В. Ф. Гиргаса (1881) или мало удовлетворительному опыту М. О. Аттаи (1913), хотя они ставили себе задачи, слабо отвечавшие тем, которые выдвигала революционная эпоха. На первый план теперь стало изучение современного литературного языка, современной письменности, публицистики и литературы во всех ее разветвлениях, в живом неустанном развитии. Словарей, которые полностью удовлетворяли бы этой потребности, не было у нас, нет их и на Западе. Частичные словари, приложенные к изданиям Ленинградского восточного института, направлены по определенной линии только тех материалов, которые помещены в сборниках, и не могут исчерпать значительной доли лексического запаса всего современного языкового богатства. Эту задачу ставит себе большой словарь проф. Х. К. Баранова. Рационально ограничивая свою сферу современным литературным языком и не стремясь исчерпать всего состава классической эпохи, автор основал свою работу на долголетнем изучении современной продукции, главным образом газетно-журнального стиля, в значительной мере господствующего во всем литературном развитии современности. Словарь с такой установкой заполнит пробел не только в нашей литературе, но окажется новым и для Западной Европы; подготовленный к печати еще в начале 30-х годов, он до сих пор не нашел издателей, очевидно осторожно относящихся к самому его объему. Можно надеяться, что осуществление издания будет по силам Академии Наук, и послереволюционная арабистика получит фундаментальное пособие по лексике современного литературного языка. [Первый выпуск вышел в Издательстве Академии Наук в 1940 году].

5709
3608.
п5306
Библиотека Ленинградского Филиала А.Н. СССР
КОМИТЕТ НАУК при СНК Киргизской ССР

Характеристика обоих обрисованных разделов — переводческой деятельности и учебно-педагогической литературы — ставила главной задачей показать, насколько после 1917 г. изменялись самые формы арабистической работы и средства ее выражения. Однако уже при этом на каждом шагу легко было видеть, что дело не ограничивалось одной формой, а в такой же мере захватывало и содержание — самую тематику этой работы. Еще яснее это станет теперь, когда мы перейдем к характеристике научных достижений нашей арабистики за 20 лет.

5. НАУЧНАЯ РАБОТА

Лингвистика, история литературы. Не ставя себе при характеристике этих научных достижений, как и в предшествующем разделе, задач библиографического свода и библиографической полноты, мы попытаемся осветить то новое в смысле фактов или приемов, что наша наука внесла в мировую сокровищницу, в особенности показать те специальные задачи, к разрешению которых она стремилась в нашей стране, исходя из специальных установок в ней или связанного со страной материала. Мы увидим, что строгого разграничения между двумя этими отделами, естественно, провести нельзя и работа в обеих областях представляла обыкновенно органическое целое, доказывая невозможность разрыва их механическим путем. Порядок нашего изложения в первой части последовательно коснется лингвистики, истории литературы в широком смысле, со включением письменности вообще, истории со вспомогательными дисциплинами и историей науки. И здесь существо дела не будет приноситься в жертву библиографической полноте или стройности изложения.

Уже в предшествующем изложении нам приходилось отмечать, что лингвистика была едва ли не наиболее слабой стороной дореволюционной арабистики в России. Если упомянуть значительно устаревший „Очерк грамматической системы арабов“ В. Ф. Гиргаса (1873) и ряд капитальных работ П. К. Коковцова в области еврейско-арабских грамматических теорий, этим будет исчерпано почти все, что можно отметить в данной области до 1917 г. В настоящее же время в Союзе насчитывается ряд арабистов с определенной специализацией в области лингвистики, прошедших высшую школу уже после революции, работы которых представляют интерес не только для нашей страны, но в значительной мере оценены и за ее пределами. Можно с удовлетворением отметить, что грамматика Н. В. Юшманова была признана критиками имеющей самостоятельное научное значение; справедливо была оценена творческая инициатива в освещении ряда вопросов, выделение сторон, оставленных прежними исследователями в тени. Она могла возникнуть только на базе ряда монографических исследований автора и, в свою очередь, стимулировала дальнейшие работы. Эти монографии затрагивали разнообразные темы, начиная от фонетики, кончая корневыми разновидностями, классовыми показателями, первоячейками в арабском и других семитических языках. Автор объединяет в себе семитолога с хамитологом и, вообще, языковедом очень широкого диапазона. Работы его выходят далеко за пределы арабистики, но всегда бывают для нее полезны. Только с той подготовкой, которой он располагает, возможно было построение остроумного очерка грамматики иностранных слов в русском языке, первого у нас, где наш арабист или просто читатель, интересующийся судьбами перехода арабского материала в свой родной язык, найдет много поучительного, нигде до сих пор не суммированного. [Не меньшее значение имеет и выпущенная им в 1938 г. книжка „Строй

арабского языка“]. Теория в исследованиях Н. В. Юшманова все время соприкасается с практикой, и твердая база арабиста-лингвиста помогает ему принимать близкое участие в языковом строительстве СССР не только на кафедре, но и в широкой повседневной работе.

Если построение грамматики дало повод Н. В. Юшманову оформить свои выводы в полной системе, то словарь явился основным стержнем работы Я. С. Виленчика [ум. 1 июля 1939 г.]. Задуманный давно, с первых шагов его научной деятельности, в середине 20-х годов, он потребует еще многих лет для своего завершения, но его непосредственные результаты получили реальное воплощение уже с самого начала. Словарь этот ставит своей задачей подвести итог всему лексическому запасу живого арабского языка Сирии и Палестины, с привлечением языковых материалов и других арабских стран Ближнего Востока. Исчерпывая все доступные в записях или изданиях продукты языкового творчества, он не имеет предшественников в своей области. Самая идея его сразу была признана очень удачной и своевременной: рано погибший семитолог Бергштрессер (1933) просил автора взять на себя обработку его дамасских материалов. С первых шагов в ходе работы над словарем стали отлагаться отдельные заметки и монографии по фонетике, исторической грамматике живых языков, семантике. И здесь теория не могла остаться в стороне от практики: вопросы словаря оказались близко связанными с вопросами о соотношении литературного языка и диалектов, о реформах орфографии, о проблемах латинизации на арабском востоке. Отдельные статьи составляют теперь уже солидную серию работ, внесших не мало в арабистическую науку как раз по таким темам, которые редко находят исследователей на Западе. На очереди стоит опубликование двух больших монографий, тоже выросших при классификации словарных материалов — о происхождении арабского определенного члена *ал* и о названиях пород арабских лошадей. Второе исследование лишний раз показывает, насколько кажущиеся иногда отвлеченными лингвистические изыскания близко связываются с изучением реальной жизни и обстановки. Работа над словарем находится теперь в такой стадии, что есть уже возможность подумать о составлении на основе его практического подручного словаря живой арабской речи: осуществление этого издания потребует небольшого сравнительно количества лет.

Советские арабисты-лингвисты до сих пор почти не имели возможности вести лингвистические наблюдения в сплошной массе арабского населения, не могли и производить записей народного творчества в сколько-нибудь значительном количестве. Спорадически и случайно это иногда делалось, например, в фольклорных и этнографических записях из Палестины, однако представлявшиеся изредка возможности в Москве полностью не использованы; отдельные записи, произведенные студентами в Йемене, оказались не вполне удовлетворительными и для своей обработки требуют значительного срока, может быть, даже проверки на месте. Более широкое поле деятельности предстоит с открытием языка среднеазиатских арабов, в изучении которого приняли близкое участие и арабист-лингвист и арабист-этнограф; об исследованиях их будет сказано в связи со специальными задачами советской арабистики.

В противоположность лингвистике, история арабской литературы для нашей страны — дисциплина старая и в некоторых областях со славным прошлым. Традиция ее, однако, не задавила, и она, продолжая свое участие и после революции в развитии мировой науки, сумела ввести в нее не только новый материал, но и выдвинуть новые про-

блемы, создавшие новое течение. Нет нужды и здесь перечислять отдельные памятники или новые рукописи, благодаря нашей арабистике вошедшие в науку, равно как частичные монографии, освещавшие вопросы или детальнее или с новой точки зрения, — список получился бы слишком громоздкий, однако некоторые моменты выделить нужно. В области изящной литературы мы опубликовали остроумную сатиру на мусульманские представления о загробном мире поэта и философа-вольнодума Абу-ль-Аля; мы ввели в обиход науки неизвестную антологию современника первого крестового похода, сирийского эмира Усамы, уцелевшую у нас в его автографе. „1001 ночь“ нашла своего исследователя в известном переводчике ее М. А. Салье; ряд монографий он посвятил отдельным моментам ее литературной истории и текстуальной критики. В области поэзии сделано тоже не мало: появился общий очерк ее с точки зрения эволюции стиля, монография о роли персов в раннем периоде арабской поэзии, значительно подвинулось изучение поэтики с изданием первого трактата в этой области (1935). В других отделах письменности интересных моментов не меньше. В исторической литературе достаточно отметить открытый В. И. Беляевым аноним XI в., который еще ждет своей идентификации; в области философии совершенно исключительные находки дал известный и раньше арабско-еврейский фонд Фирковича в Публичной библиотеке Ленинграда. Здесь обнаружилась арабская версия знаменитой Теологии псевдо-Аристотеля, которая послужила оригиналом для латинского перевода, игравшего большую роль в развитии средневековой мысли почти на всем ее протяжении. Не меньшее значение для истории мусульманской религиозной философии имеют обнаруженные здесь же значительные фрагменты произведений мутазилитского направления; важность их для европейской науки можно сравнить только с недавно открытыми в Европе сочинениями того же течения в Йемене у господствующего там толка зейдитов. Исламоведная литература различных эпох тоже нашла у нас своих исследователей: этюды московской арабистки К. С. Кашталевой [ум. 15 июля 1939 г.] по терминологии Корана, хотя остались незаконченными, тем не менее внесли много нового не только в смысле реальных результатов, но и обоснования нового приема в изучении коранического языка и стиля; это сразу почувствовал Н. Я. Марр, всегда вовлекавший арабские материалы в круг своих построений, который откликнулся на один из этюдов Кашталевой своим анализом термина „ханиф“. На Западе, хотя независимо от Кашталевой, но позже ее, стал пользоваться тем же приемом изучения Д. Кюнстлингер. Ряд новых памятников, рисующих различные аспекты внутренних течений в мусульманском мире и их реакции в окружающей среде анализировал и опубликовал А. Э. Шмидт [ум. 9 августа 1939 г.]. Любопытная, мало освещенная в науке попытка примирения между суннитами и шиитами при Надир Шахе в XVIII в. впервые им выдвинута в ясном свете; фигура шейха-полемиста Зияде ибн Яхьи, вероятно из той же эпохи, с которым познакомил еще А. Е. Крымский, охарактеризована А. Э. Шмидтом на целом ряде его произведений, с детальным анализом их истоков и тенденций.

Однако из всех областей истории литературы и письменности наибольшее влияние на арабистическую науку оказали русские работы по новой литературе, которые на Западе и даже в арабских странах вызвали большое оживление и своего рода школу. Проследить этапы этих работ не безинтересно. К революции они имели уже известную давность. Начавшись на рубеже XX в. отдельными упоминаниями и статьями А. Е. Крымского, они несколько оживились с 1910 г., хотя не выходили

за пределы специальных изданий и журналов. После революции, летом 1918 г., в Петроградском университете впервые был прочитан общий курс этой новой литературы, подводивший итог тому, что сделано в этой области и что возможно сделать в условиях отрыва от Востока и Запада, в котором тогда находилась наша арабистика. С тех пор курс неоднократно повторялся в университете и Восточном институте; благодаря издательству „Всемирная литература“, основанному М. Горьким, в первой половине 20-х годов, знакомство с новой арабской литературой вышло из узкого круга специалистов и стало проникать в более широкие слои читателей. С другой стороны, большая хрестоматия произведений современных писателей в оригиналах, опубликованная в 1928 г., подвела под изучение серьезную базу, которой до тех пор недоставало, облегчив в то же время первоначальное изучение новой области. Это очень хорошо почувствовал Запад и Восток. Предисловие к ней было переведено на ряд языков; сама она принята в качестве учебного пособия в таких разнообразных пунктах, как Упсала, Берлин, Гамбург, Лондон, Алжир, Нью Йорк; влияние ее перекинулось в Америку, где в разное время был напечатан перевод ряда помещенных в ней произведений; в Бейруте по ее образцу была составлена хрестоматия для старших классов средней арабской школы, в Алжире готовится аналогичный опыт университетского пособия. Когда в Дамаске реорганизовался Французский научный институт, в составе предметов, подлежащих его специальному изучению, особенное внимание было уделено новой арабской литературе. Хрестоматия дала толчок переводам ряда русских статей из этой области на иностранные языки, включая и арабский. По предложению Арабской Академии в Дамаске в ее органе была дана нашим ученым на арабском языке статья о методах и задачах изучения новоарабской литературы (1930); им же, по поручению международного издания „Энциклопедии ислама“, составлен общий очерк истории этой литературы (1935) — первый на европейских языках. Почти во всех крупных европейских странах появились теперь специалисты в этой области, которые неоднократно заявляли об их связи с нашими работами, иногда послужившими для них исходным пунктом. Их бóльшая близость к современным арабским странам и бóльшая легкость сношений с ними дают им значительные преимущества в широкой постановке изучения, но тем не менее и в Союзе мы можем указать ряд ценных монографий Д. В. Семенова и др. Есть надежда, что в ближайшие годы мы получим первую фундаментальную историю новой арабской литературы уже в нескольких томах, акад. А. Е. Крымского. Мировая наука не забывает, что основной и первый толчок в этой области был дан нашей страной.

История, вспомогательные исторические дисциплины, история науки. В области истории арабов дореволюционная арабистика обращала основное внимание на русско-арабские или византийско-арабские отношения; ранние эпохи зарождения ислама и арабского государства, вопросы мусульманской культуры в целом — отступали сравнительно с ними на задний план, хотя тоже дали несколько важных, обыкновенно необъемистых трудов. С 1917 г. хронологические масштабы расширяются, иногда совершенно неожиданно, в сторону глубокой древности. Какие запросы предъявлялись здесь по временам к советскому арабисту, — будет ясно по одному небольшому примеру. В связи с нашими сношениями с Йеменом, в Ленинград в 1930 г., попали две бронзовые таблички с так называемыми сабейскими (южноарабскими) надписями, относящиеся ко времени около нашей эры. Трудность их дешифровки обусловливалась не только полным

отсутствием до этого аналогичных памятников в Ленинграде, не только редкостью их в других собраниях — достаточно сказать, что до 1930 г. в европейских музеях было известно лишь четыре аналогичных экземпляра, причем один с отломанной половиной,— трудно было решить вопрос об их подлинности, так как подделка предметов древности в Йемене — обычное явление и производится, можно сказать, фабричным путем. Внутренний анализ памятников убедил издателя в их подлинности; опубликование их вызвало живой интерес почти всех современных немногочисленных сабеистов на Западе; по поводу них даже возникла специальная литература; скептические голоса быстро замолкли, и в вышедший в прошлом году выпуск издаваемого Парижской Академией надписей „Репертуара семитской эпиграфики" они включены уже без всяких оговорок и, таким образом, раз навсегда вошли в этот строгий и авторитетный канон южноарабских надписей.

Первые годы революционного периода в области истории арабов ознаменовались не имевшим себе раньше аналогий фактом — выходом в свет трех популярных брошюр В. В. Бартольда „Ислам", „Культура мусульманства", „Мусульманский мир". Являясь популярными по установке, они много давали и для специалиста, так как не только суммировали достигнутые наукой выводы, но знакомили и с важными результатами, добытыми в отдельных, не всегда опубликованных исследованиях самого автора. Затрагивая и другие области, они ярко показали, что советская арабистика имеет право своего суждения по истории арабов на всем ее протяжении. Это доказал и сам В. В. Бартольд рядом монографий, отчасти возникших в ходе подготовки упомянутых брошюр. Анализ личности и эпохи Мусейлимы, соперника Мухаммеда, мог быть основан только на тех же источниках, которыми располагали и западные исследователи, но тем не менее он впервые открыл ряд незамеченных раньше деталей и дал в значительной мере новое построение всего очень сложного в истории Аравии периода. То же приходится сказать про небольшой этюд „Коран и море", быстро переведенный на немецкий язык, и в особенности про ряд монографий из эпохи династии омейядов. Насколько старый материал может осветиться новыми лучами под анализом не применявшегося ранее метода, — говорит монография И. Н. Винникова о легенде о призвании Мухаммеда в свете этнографии (1934); в противоположность этому, неудачной приходится признать попытку Н. А. Морозова приурочить эпоху возникновения ислама к другой дате, равно как опыт некоторых московских ученых установить коллективность в создании Корана. Известное значение для антирелигиозной пропаганды имеют работы последних по вопросу о классовой сущности ислама и его происхождении; полезна в некоторых частях составленная Е. А. Беляевым хрестоматия по истории раннего ислама и библиография исламоведных работ. История халифата нашла со средины 20-х годов нового исследователя в лице проф. А. Ю. Якубовского. Постепенно расширяя рамки своего внимания преимущественно к истории Средней Азии на другие страны, он близко подошел к существенным моментам в жизни халифата вообще, с углубленным анализом социально-экономических отношений в серии крупных монографий. Есть надежда, что от него мы получим и общий курс истории халифата, стоящий на высоте современных научных требований. По примеру В. В. Бартольда наша арабистика не забывала популяризации в области истории: на испанские события она откликнулась брошюрой об арабской культуре в Испании (1937). Значительно возросло после революции количество работ, посвященных новой истории арабских стран; обыкновенно они появлялись в виде статей в журналах

(„Новый Восток", „Схидний свит", „Революционный Восток" и др.) и до сих пор не дали фундаментальных по своему значению исследований. За последние годы в этой области замечается растущее стремление обращаться к первоисточникам и вводить в оборот науки новые материалы в переводах с арабского (работа по истории Египта в конце XIX в. Х. И. Кильберг).

Развитие истории после 1917 г. сильно сказалось на вспомогательных исторических дисциплинах. Нумизматика, например, познакомила Запад с колоссальным новым материалом, найденным в пределах нашего Союза, и дала ряд монографий, в особенности по истории Закавказья в арабский период, где нумизматические данные позволили уточнить, проверить и дополнить показания повествовательных источников. Нельзя не отметить факта, который говорит про высокую оценку этих нумизматических работ. Когда за границей был задуман подручный, энциклопедического типа, словарь нумизматики (1930), то составление всего восточного отдела было поручено сотруднику Гос. Эрмитажа. Сильно двинулась вперед эпиграфика: если раньше она ограничивалась изданием и переводом отдельных надписей с их реальным или историческим комментарием, то теперь значительно расширила филологический подход привлечением искусствоведческого и палеографического метода. Издание и исследование арабских погребальных стел эпохи первых веков ислама, хранящихся в собрании Академии, признано капитальной работой, с которой считаются все эпиграфические труды западных специалистов. В области палеографии начато изучение арабских папирусов Ленинграда и Москвы, для которого в дореволюционный период не находилось подготовленного исследователя; оно обещает богатые результаты не только для специальных проблем палеографии, но также для административной и экономической истории раннего арабского Египта, к которому эти папирусы относятся.

В противоположность большинству исторических дисциплин, в области истории науки прогресс с 1917 г. мало заметен. То оживление, которое сказывается за последние 10-летия в истории арабской медицины, математики, вообще точных и естественных наук, нашу страну до сих пор серьезно не затрагивало, если не считать одной статьи о медицинской школе в Джундишапуре и главы в общем курсе истории химии Б. Меншуткина. Крупное значение имеют работы по истории орошения в Средней Азии и добычи полезных ископаемых, с привлечением арабских источников (А. Э. Шмидт, М. Е. Массон), однако подготовка больших корпусов арабских медиков и арабских алхимиков проходит без нашего непосредственного участия. Единственное, что следует отметить, — это издание ряда памятников, с привлечением наших рукописей, иногда уникального характера: приобрел уже почетную известность в науке знаменитый сборник трактатов по офтальмологии, составленный одним арабским врачем в XII в. для своего употребления и поступивший в Академию Наук после 1917 г.; полностью опубликованы алхимические сочинения Мухаммеда ибн Умейля, с привлечением нашей рукописи, и т. д. К истории науки у арабов, особенно к вопросам об ее влиянии на европейское средневековье, неоднократно подходил в своих статьях через греческие и латинские источники специалист по античным литературам М. А. Шангин; в последнее время в исследованиях по истории военной техники, в частности о так называемом греческом огне, обращено внимание на давно хранящуюся у нас рукопись по стратегии с очень ценными для иллюстрации этого дела миниатюрами; в связи с этим подготовлен к печати комментированный перевод имеющегося здесь отдела о пиротехнике. Открытия и приобретения последних лет, не говоря

уже о прежних собраниях, показывают, что источники в этой области у нас разнообразны и богаты; достаточно упомянуть недавно поступившую в Академию Наук из Уфы рукопись XII в. с минералогией Псевдоаристотеля, значительно восполняющую единственный известный до сих пор парижский экземпляр, или присланную из Стерлитамака обработку Эвклида в старой, так называемой „до-Тусиевской", редакции. Ждут своего исследователя трактаты по оптике знаменитого в средние века аль-Хазена, которые не успел издать за смертью известный физик Э. Видеманн, или морские маршруты эпохи Васко да Гамы, связанные с той же традицией арабских пилотов, которая помогла ему обогнуть Южную Африку. Работа здесь нужна планомерная, и можно надеяться, что инициатива Московского университета, подготовлявшего молодого специалиста по истории математики у арабов, найдет подражателей и в других дисциплинах. То, что у нас опубликовано в этой области до сих пор, ограничивается передачей результатов европейских исследований или, наоборот, обнаруживая некоторое знакомство с арабской традицией, как изданная в Казани книжка Юсупова, совершенно не считается с богатой научной литературой последних десятилетий.

Единственная отрасль истории науки, в которой у нас сделано сравнительно много после 1917 г., — это история арабской филологии, главным образом в России. Раньше, когда перспектива была невелика и исчерпывалась одним-двумя поколениями, эти вопросы особого интереса не возбуждали даже среди специалистов: в необходимых случаях они ограничивались обыкновенно заметками или статьями некрологического и юбилейного характера. Переломным этапом явилась и здесь эпоха Розена, которая сейчас же после его смерти потребовала подведения известных итогов. После революции необходимость итогов в истории нашей науки сказалась еще шире: надо было не только произвести полный учет сделанного, но и выяснить, что́ из него может быть использовано и теперь, какие уроки для будущего могут быть извлечены из прошлого. Благодаря большому интересу к этим вопросам, история научной арабистики в основном центре Петербурге-Ленинграде может считаться теперь освещенной более или менее удовлетворительно. Помимо отдельных статей о недавно отошедших деятелях ее, создан некоторый ретроспективный взгляд в прошлое, где движение направляется в глубь от той же фигуры Розена. В настоящее время учтены и описаны полностью все известные био-библиографические материалы о нем; для того, кто возьмет на себя труд посвятить ему специальное исследование, почва в значительной мере расчищена. В отдельных монографиях освещены фигуры двух наиболее характерных его предшественников на протяжении XIX в., очень непохожих друг на друга — представителя схоластической учености, египетского Шейха Тантави и первого европейского арабиста из русских Гиргаса. Исследование литературной деятельности Сенковского (бар. Брамбеуса), данное В. А. Кавериным, бросает новый свет и на его арабистический облик; изучение одной из первых публикаций Френа еще раз заставляет вспомнить трудный ранний период его работы в Казани. Вопрос о начале книгопечатания арабским шрифтом в России, исследованный московским библиографом, ведет нас к истокам арабистики, даже в XVIII в. Туда же влекут исследования первых русских переводов Корана, рукописных и печатных; один из этих переводов подводит нас в анализе К. С. Кашталевой (1930) к источникам „Подражаний Корану" Пушкина. Так, история арабистики, как и всегда, смыкается с историей культуры; маленькая специальная область входит в большую картину и сама придает

ей полноту жизни. Сравнительная разработанность этой истории позволила в последние годы приступить к подготовке большого предприятия: био-библиографического словаря русских и советских арабистов за два века, над которым трудится Г. Г. Гульбин. Задуман он по тому же образцу, как известный словарь русских писателей С. А. Венгерова, но со значительным расширением биографической части, и потребует для своего окончания, конечно, несколько лет упорной работы. Наличие его выдвинет, на ряду с крупными, известными и теперь в науке фигурами, средних и мелких деятелей, часто не известных или совершенно забытых, число которых доходит до 300. Когда все эти материалы станут доступными для общего пользования, тогда явится возможность дать не только внешнюю описательную историю нашей арабистики, но проследить и ее внутреннюю эволюцию на фоне всей культуры и общественной жизни. Сделать осталось много, но серьезное основание уже заложено и надо только поддержать ведущуюся работу.

6. УЧАСТИЕ В КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ СССР

Обработка рукописных и музейных собраний, изучение арабских источников для истории народов СССР. Работы по истории нашей науки не в меньшей мере, чем другие предшествующие разделы, показывают, насколько те проблемы, по линии которых направилось ее развитие в русле мировой арабистики, связаны с нашей страной, с культурным строительством, с разработкой всех наших культурных богатств. Оторвать одно от другого нельзя; плодотворное развитие обеих сторон возможно только в их органической связи; повышение уровня в одной области содействует прогрессу другой, и наоборот, невнимание или незнакомство с успехами одной линии сейчас же отзывается и в другой. Если для большей наглядности суммировать те области нашей арабистики, которые имеют особенное значение в аспекте культурных задач нашего Союза, то здесь придется выделить, главным образом, три линии: изучение наших рукописных и музейных собраний, исследование арабских источников для истории народов СССР, равно как форм арабской литературы среди них, и наконец, изучение языка среднеазиатских арабов.

В предшествующем изложении нам приходилось говорить о роли рукописных собраний нашего Союза почти на каждом шагу: благодаря им, арабисты далеко еще не исчерпали возможностей научных открытий в нашей стране. Эти собрания, возникшие на два века позже, чем в других государствах, теперь не беднее своих старших собратий; именно они явились основной базой нашей арабистики, которая успешно развивалась только в тех центрах, где такие собрания складывались. За время революции они значительно выросли: в Академии Наук в прежние коллекции влилось крупное собрание Учебного отделения Министерства иностранных дел и небольшое по составу, но очень ценное по подбору собрание Зимнего дворца. Экспедиции и отдельные приобретения сделали академическое собрание самым большим в Союзе, не уступающим по своему достоинству крупнейшим библиотекам Европы, Америки и арабских стран. Самостоятельные крупные собрания возникли в Казани, Ташкенте, Баку, Тбилиси и других городах. Для изучения их за 20 лет сделано много, но, конечно, еще далеко не достаточно. Ленинградские собрания получили печатные списки некоторых отдельных коллекций с достаточно подробной характеристикой их состава. Из других городов только Ташкент приступил к постепенному опубликованию научного каталога рукописей, опередив в этом Ленинград, и Харьков получил всем доступное

и исчерпывающее описание своей, в общем незначительной, коллекции. В Тбилиси подготовлен уже к печати каталог сложившихся здесь за последнее время фондов. Относительно других городов в большинстве случаев мы имеем только отдельные статьи или заметки о каких-либо выдающихся экземплярах: так обстоит дело с Казанью, Киевом, Бахчисараем, Ялтой, Евпаторией, Баку. Между тем, даже случайная статья о казанском собрании, составленная на основе поверхностных выписок из инвентаря, показывает, какое количество ценных, иногда уникальных, материалов там хранится. Эта статья, переведенная в извлечениях на немецкий язык, обратила внимание одного французского ученого, обнаружившего здесь давно его интересовавшую биографию того поэта-философа, который многие годы являлся предметом его специальных занятий. Благодаря вниманию Наркомпроса Татарии, он мог получить копию рукописи, и этот памятник оказался одним из немногих в казанском собрании, который стал доступным европейской науке в издании парижского ученого. По этому случайному примеру видно, как много сокровищ хранится в наших коллекциях и как много еще предстоит работы нашим ученым для их планомерного обследования и опубликования каталогов.

Не менее важное значение представляют наши арабские эпиграфические памятники как собранные в музейных коллекциях, так и находящеся in situ, иногда оставаясь даже неучтенными. В одном из предшествующих разделов было видно, что работа наша в этой области за 20 лет значительно повысилась, появился ряд и капитальных трудов и отдельных монографий; наши ученые приглашены к участию в международном издании „Репертуар арабской эпиграфики", выходящем в Каире, благодаря которому и наши материалы, иногда впервые, начинают делаться известными в науке. Однако это еще не все: помимо частичных исследований, необходимо подумать о составлении у нас и репертуара и корпуса арабских надписей в Союзе. Работа большая и сложная, но уже настало время за нее взяться во всеоружии методов современной науки.

К изучению наших собраний одной стороной примыкает другая основная тема советских арабистов — исследование арабских источников для истории народов СССР, тема, занимавшая нашу арабистику почти с первых шагов ее существования, но только в последние годы обрисовавшаяся во всей грандиозности. Достаточно сказать, что в хронологических рамках памятников, подлежащих ее изучению, она захватывает период с VIII по XX в. Только 30-е годы нашего столетия обнаружили это с большой яркостью, в частности на одном примере, о самой возможности которого никто раньше и не думал. Осенью 1933 г. при раскопках в развалинах замка Муг-кала на р. Зеравшане, одновременно с большим количеством согдийских документов первостепенного значения, был найден один арабский документ на коже, изъеденный червями. Наличие повествовательной исторической традиции, с одной стороны, палеографический анализ, основанный на последних достижениях арабистической науки, с другой, позволили определить значение этого документа с полной уверенностью (1934). Он оказался письмом местного согдийского владетеля к арабскому наместнику из эпохи арабского завоевания Средней Азии. В нем мы получили редкий пример того, как недатированный памятник, благодаря тщательному анализу, удалось приурочить с точностью до одного года (к сотому году хиджры или 717—718 гг. н. э.). Таким образом он явился древнейшим известным до сих пор арабским документом для истории народов СССР, достойно открывающим длинную цепь повествовательных источников, основательность которых за свою эпоху он в значительной мере подтвердил. Эта цепь не ограничивается, как думали

раньше, показаниями арабских историков и географов периода расцвета этой литературы в IX—X вв., а доходит, в буквальном смысле, до наших дней. Если мы вспомним, что на Северном Кавказе, в ряде областей, еще в начале XX в. арабский язык был единственным литературным, если вспомним, что один из дагестанских представителей арабской традиции, крупный историк и поэт Хасан аль-Алькадари умер только в 1910 г., нам станет ясно, каким богатым запасом этих материалов мы располагаем и как много труда надо потратить, чтобы сделать их доступными для научного пользования. Работы в этом направлении после революции продолжались в различных областях, на первых порах в особенности применительно к Азербайджану. Уже в 1922 г. появился здесь этюд про известное движение Бабека (П. К. Жузе), в 1926 г. — анализ сообщений про поход Русов на Берда (А. Ю. Якубовского); одновременно с этим, в 1927 г., были даны переводы двух важных источников для истории Азербайджана в эту эпоху аль-Якуби и аль-Белязури. В Киеве произведено было сопоставление ряда арабских свидетельств IX—X вв. об украинских словах (1924), а позже (1927) появилось исследование А. Е. Крымского и Т. Г. Кезма о рассказе одного арабского историка по поводу крещения Руси. Постепенно выяснялась необходимость подумать о плане и принципах нового свода этих арабских свидетельств про народы СССР, чтобы заменить устарелый, имеющий почти вековую давность труд А. Я. Гаркави. Соответствующая записка с формулировкой методов, требуемых современным состоянием науки, была доложена в Академии Наук в 1930 г. и опубликована в 1932 г. На ряду с письменными источниками, решено было привлечь нумизматические данные, составив новую топографию кладов куфических монет, найденных на территории Союза; обоснования и принципы такого свода были изложены в особой записке (1933). Эта топография могла бы ярко иллюстрировать пути торговых сношений и разъяснить многие исторические данные арабских источников. Практика показала, что составление полного свода требует ряда лет и сложной подготовки; темпы нашей исторической работы заставляют ускорить это дело и перейти к системе публикации выпусков, посвященных или отдельным авторам, или группе однородных источников. В настоящее время ряд таких выпусков выходит в изданиях Исторического института Академии Наук. Крупным толчком послужило здесь получение из Ирана во время Конгресса иранского искусства фотографии с известной мешхедской рукописи второй части географического сочинения X в. Ибн-аль-Факыха, в приложении к которой даны записки путешественников: в Среднюю Азию — Абу-Дулефа и к волжским булгарам, тоже через Среднюю Азию, — Ибн-Фадлана. В виду важного значения для нашей истории последней записки, известной до сих пор только в извлечениях поздних авторов, решено подготовить ее перевод по рукописи, не дожидаясь выхода в свет критического издания, обещанного открывшим ее ученым. Из сочинения Ибн-аль-Факыха предположено издать с переводом по частям те отделы, которые имеют непосредственное отношение к странам Союза.

Арабские источники для истории народов СССР за последние века стали изучаться планомерно только в недавнее время. Основное внимание уделено здесь Северному Кавказу, но и в других областях сделаны ценные открытия. Обнаружено, например, любопытное, неизвестное раньше путешествие египетского Шейха Тантави в Россию, написанное около 1850 г., которое может занять оригинальное место среди „сказаний иностранцев о государстве Российском". На ряду с бытовыми подробностями, особенно богат здесь материал для исторической топографии Петербурга. Разнообразный и интересный отдел арабской литературы

на Северном Кавказе вызвал систематическое внимание только в 30-х годах. Отдельные произведения, особенно из эпохи мюридизма и Шамиля, конечно, привлекались как исторические источники спорадически и раньше, особенно в русских изданиях на Кавказе; однако ими пользовались исключительно в переводах и публиковались они без оригиналов, которые давали бы возможность проверить авторитетность передачи и основательность понимания. Только с 1933 г. начали публиковаться подлинники писем Шамиля и описания относящихся к нему арабских исторических сочинений по материалам, главным образом, ленинградских собраний; большое количество аналогичных памятников обнаружено в Тбилиси Г. В. Церетели, быстро знакомящим с результатами своих находок в тщательно подготовленных изданиях. Музеи таких центров, как гг. Орджоникидзе и Ростова на Дону, тоже обогатили эту литературу сведениями о хранящихся в них фондах. В настоящее время мы имеем возможность подводить некоторые итоги в этом направлении; нам известно по именам уже большинство „арабско-кавказских" историков; для ряда крупнейших сочинений мы располагаем некоторой рукописной базой с достаточно детальным анализом отдельных списков, которые могут обеспечить критическое издание. Недалеко и то время, когда можно будет дать общий очерк этой литературы в дополнение к известному своду Броккельманна, в котором нет упоминания почти ни об одном авторе из этой среды.

Вообще литературную сторону этих памятников нельзя забывать не только применительно к Кавказу. Нашей арабистике надо помнить, что целый ряд крупных деятелей арабской культуры, писавших по-арабски, вырос в тех странах, которые входят теперь в состав СССР. Довольно назвать философов уроженцев Средней Азии ал-Фараби и Авиценну, выдающегося математика, астронома и минералога хивинца ал-Бируни, кодификатора арабской реторики ас-Секкаки. Изучение творчества таких выдающихся единиц входит, конечно, в общую историю арабской литературы, и мы получили недавно (1930) ценную монографию об одном арабском поэте IX в. — уроженце Согда. Однако изучение и обычной ходовой литературы в этих странах позволяет решить очень важную задачу. Анализ школьной традиции и состава распространенных шаблонных произведений может осветить те пути и каналы, которыми просачивалось и питалось влияние арабско-мусульманской культуры в соответствующих странах. Несомненно, что на всем протяжении территории, подвергшейся влиянию ислама, общий тип нивелирующей культуры был одинаков, но так же несомненно, что каждая страна вносила свои специфические особенности. По каждой из таких областей надо создать труд, который существует на Балканах для выяснения роли уроженцев Боснии и Герцеговины в арабско-турецкой литературе. До сих пор мы имеем только один опыт в этом направлении — характеристику традиционной арабской литературы в Бухаре, данную В. И. Беляевым (1932). Надо этот опыт углубить и расширить на другие области Союза — Татарию, Башкирию, в особенности Северный Кавказ. При настоящем историко-литературном анализе этих материалов мы получим новую главу общей истории арабской литературы — главу, оригинальную и насыщенную содержанием, не только никем не написанную, но даже никем до сих пор не задуманную.

Исследование языка среднеазиатских арабов. В противоположность историкам и исследователям литературы, арабисты-лингвисты нашего Союза, как мы уже говорили, до сих пор лишены были возможности работать у себя над живым материалом в соответствующей языковой среде. Количество представителей арабских стран, находящихся

в СССР, совершенно ничтожно и насчитывается единицами даже в Москве; непосредственные официальные сношения существовали до сих пор только с Йеменом и Хиджазом, причем с нашей стороны участвовали в них тоже только единицы. Начало 30-х годов принесло здесь неожиданное изменение чрезвычайной важности, которое дает и нашим лингвистам возможность принять непосредственное участие в наблюдениях живых арабских говоров в обстановке сплошной языковой массы, притом в такой области, которая до последнего времени оставалась никому не известной, имеет исключительное научное значение и обещает внести некоторый переворот в арабскую диалектологию вообще. Изменение это связано с „открытием" языка среднеазиатских арабов. О существовании этих арабов было, конечно, известно; производившиеся раньше переписи всегда отмечали наличие их в количестве от 20 до 40 тысяч, главным образом в областях бухарского района и около Самарканда. Некоторые этнографические и антропологические наблюдения над среднеазиатскими арабами были сделаны (М. С. Андреев, Л. В. Ошанин), однако об языке их сведения оставались крайне сбивчивыми даже у местных представителей власти: было неясно, уцелел ли у них в быту родной арабский язык, или они ассимилировались в языковом отношении с окружающей средой — узбекской и таджикской. Во время существования в Ташкенте Восточного института студентами делались попытки записи отдельных слов, которые говорили о несомненном наличии арабских языковых элементов, но вопроса в целом не решили, тем более, что записи остались неопубликованными. В 1929 г. два этнографа (М. М. Измайлова и Н. Н. Бурыкина) имели возможность пробыть очень краткий срок в двух арабских кишлаках Бухарского района и произвести там некоторые наблюдения, записав ряд слов, отдельных фраз и небольшое количество текстов. Результаты их поездки были опубликованы в 1930 г. и произвели впечатление выдающегося научного открытия, несмотря на мало удовлетворительный характер записей, объяснявшийся кратковременностью пребывания, отсутствием специальной лингвистической подготовки и невозможностью для авторов лично просмотреть корректуру. Почти во всех семитологических центрах Европы были сделаны сообщения об этом открытии; независимо друг от друг два ученых — шведский (H. S. Nyberg) и русский (Н. В. Юшманов) — подвергли анализу собранный материал, причем выводы их даже в деталях совпали. С несомненностью было выяснено, что, несмотря на известное насыщение узбекскими и таджикскими элементами, мы имеем дело с живым арабским диалектом, находящимся в прямой связи с другими разговорными диалектами арабских стран, в ближайшую очередь, повидимому, с месопотамским. Появление этих арабов в Средней Азии приходится относить не к эпохе завоевания, а вероятно, к значительно более позднему периоду, может быть ко времени Тимура. Первым серьезным этапом в изучении их диалектов явилась поездка доцента Тбилисского университета, семитолога-лингвиста Г. В. Церетели в 1935 г. в тот же район. Ему удалось собрать уже значительное количество фольклорных записей (главным образом, сказок) и частично их опубликовать; наблюдения выяснили наличие двух, довольно сильно отличающихся один от другого, диалектов, их близость скорее к бедуинским, чем к оседлым диалектам других арабских стран. Летом 1936 г. в Бухарский район была снаряжена Институтом востоковедения экспедиция, которая, помимо сбора лингвистического материала, произвела ряд этнографических наблюдений. На очереди стоит опубликование и обработка богатых научных результатов экспедиции, о которых был сделан ряд докладов и печатание которых в интересах науки необходимо возможно ускорить. С этими результатами

связан план дальнейших работ и направление исследований как в глубину — в сторону ставших теперь известными диалектов, так и в ширину — с охватом диалектов других районов. Дальнейшая работа выяснит объем распространения арабского языка в Средней Азии и количество населения, для которого он остается живым. Ближайшее изучение этих диалектов и всего их окружения позволит установить, в какой мере арабисты могут содействовать культурному подъему этих народностей, в какой мере реальной является идея создания среди них своего литературного языка. Так отвлеченная теория связывается с практикой, и арабская диалектология оказывается необходимой для культурного строительства в пределах нашей страны. Ясно одно, что если бы наши молодые ученые, в процессе своей подготовки, не получили отчетливого представления о современном положении арабской диалектологии в мировой науке, то и среднеазиатские диалекты не были бы „открыты", а о самом существовании их не подозревали бы и теперь, как не подозревали многие десятки лет до 30-х годов XX века.

* * *

Наш обзор подошел к концу. Конечно, арабистика в богатом комплексе востоковедных дисциплин нашего Союза не может претендовать на такое же место, как те отрасли, которые заняты изучением стран и народов или входящих в состав Союза, или находящихся с ним в непосредственном соседстве. Однако, если вспомнить роль арабской культуры в мировой истории, если подвести итог всем арабским материалам, которые освещают разные стороны в истории жизни нашей родины, то арабистика по праву займет одно из первых мест в этом комплексе. Она сделала не мало для изучения обоих указанных аспектов, и это признано всеми. Для успехов в дальнейшем необходимо иметь соответствующее количество серьезно подготовленных работников иногда по новым, выдвигаемым жизнью нашей страны специальностям. Еще более необходимо находиться на высоте современных научных требований во всех отраслях арабистики, стать образованным арабистом и быть готовым ко всем возникающим вопросам. Только тот арабист может работать плодотворно на пользу своей родины, который владеет всем опытом мировой науки и умеет относиться к нему сознательно и добросовестно.

А. Э. ШМИДТ

РУКОПИСИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АВИЦЕННЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ УзССР

В своем докладе я ставлю себе целью дать общую характеристику рукописей произведений Авиценны, а равно и комментариев к ним, имеющихся в собрании Гос. Публичной библиотеки УзССР в Ташкенте, остановив ваше внимание в отдельности только на тех, которые особенно ценны либо своею уникальностью, либо своею древностью, либо по какой-нибудь другой причине. Подробное описание этих рукописей находится в печати и появится в посвященном Авиценне томе III „Трудов" библиотеки. Несомненно не лишенное интереса собрание рукописей произведений Авиценны составляет, однако, лишь незначительную часть богатой рукописными памятниками исключительной ценности коллекции Гос. Публичной библиотеки УзССР, на краткой характеристике которой я позволю себе остановиться, так как полагаю, что для участников съезда будет не безинтересно познакомиться с характером нашего молодого, но несомненно ценного собрания восточных рукописей.

Рукописное собрание нашей библиотеки особенно резко возросло и количественно и качественно за последние 4 года, после постановления СНК УзССР от 25 апреля 1933 г., которым Гос. Публичная библиотека в Ташкенте объявлена центральным рукописехранилищем УзССР. За это время библиотекой была приобретена ценная коллекция рукописей покойного самаркандского археолога В. Л. Вяткина (273 номера), а затем в библиотеку поступили значительные рукописные фонды из Бухары и Хорезма, в числе их и ценные собрания рукописей Мухаммеда Парса (ум. в 882/1477 г.) и последнего бухарского кази-калана Шарифджана Махдума (ум. в 1934 г.). Последний из названных двух библиофилов составил аннотированную опись своей коллекции, тоже поступившую в нашу библиотеку.

Таким путем образовалось наше собрание рукописей, которое, пополняясь еще отдельными покупками от частных лиц, вместе со старым фондом в данное время насчитывает свыше 4000 томов (переплетов) и содержит свыше 10 000 названий. Количественно преобладают сочинения исторического содержания, среди них не мало уникальных трудов по истории Средней Азии; очень богато представлена среднеазиатская дервишская литература, проливающая свет на крупную политическую роль, которую в Средней Азии играли виднейшие представители дервишских орденов накшбенди, джуйбари и кубрави. Очень богато представлена персидская (иранская и среднеазиатская) изящная литература диванами всех более или менее выдающихся поэтов. Жизнеописания поэтов и суфиев представлены в нашем собрании многочисленными трудами, частично уникальными. Философия, мусульманское богословие, схоластика и мусульманское право занимают также видное место в нашем

собрании; имеются, в частности, труды по мусульманскому праву как на арабском, так и на персидском языке, отражающие местное, среднеазиатское преломление шариата; в частности, рукописи „Кунйет алмунье“ ал-Газмини, сохранившие нам образцы хорезмского языка в юридических формулах, уже привлечены для исследовательской работы сотрудниками Института востоковедения Академии Наук. Количественно меньше, но все же достаточно обильно представлены в нашем собрании медицина, фармакология, астрономия, математика и, правда немногочисленными, но зато частично уникальными рукописями, алхимия. Имеются в нашем собрании также труды по сельскому хозяйству, животноводству (коневодству), птицеводству и охоте. Не забыта и ветеринария.

Из исторических трудов мне хотелось бы отметить следующие уникальные рукописи: „История эмира Хайдера“ (تاريخ امير حيدر) — муллы Ибадулла Мухаммед Шарифа; „История эмира Насрулла-хана“ (فتح نامهٔ سلطانی) — Мир Алима Бухари; „Жизнеописания правителей «св. Бухары», начиная с эмира Данияла и кончая эпохой эмира Абдулахада“ (ترجمهٔ احوال امیران بخارای شریف از امیر دانیال تا عصر امیر عبد الاحد), — известного бухарского историка и астронома Ахмеда Махдума Келлэ [ум. в 90-х годах XIX ст.], его же „Описание путешествия (в Мекку)“ (سفارت نامه), с довольно откровенной характеристикой правления эмиров Насрулла-хана и Музаффара; „История Шейбани-хана“ (مهمان نامهٔ بخارا), написанная по его поручению Фазлулла Рузбеханом (возможно, автограф автора); „История династии мангытов, начиная со вступления на престол Мухаммед Рахима (1167/1755 г.) до 14-го года правления эмира Абдулахада (1317/1899 г.)“, под заглавием تحفهٔ شاهی; кроме этой официальной истории, составленной автором, мирзой Абдулазимом Сами, секретарем эмиров Музаффара и Абдулахада, по заказу правителя, Мирза Абдулазим, принадлежавший к оппозиционно настроенным либеральным кругам, для очистки совести, как говорят знавшие его люди, составил под тем же заглавием другую историю того же периода, изображавшую истинную картину положения страны: список этой истории, конечно, не был обнародован, а читался лишь из-под полы в определенных кругах; этот список тоже поступил в собрание рукописей Гос. Публичной библиотеки УзССР.

Следует отметить также уникальную рукопись труда مجمع الارقام анонимного автора; труд освещает бухарскую административную и налоговую терминологию, метрологию, ведение государственных росписей и пр. и пр.

Нельзя обойти молчанием также составленный при Хусейне Байкара, по повелению Мир Али Шира Неваи, альбом автографов, содержащий 600 слишком писем автографов разных видных деятелей дервишского движения, в том числе 324 письма Джами и 134 письма Ходжа Ахрара.

Я мог бы еще значительно удлинить список имеющихся в нашем собрании ценных по своему содержанию рукописей, не говоря уже о большом количестве высокохудожественно оформленных рукописей, но, чтобы не злоупотреблять вниманием собрания, ограничусь упоминанием только еще одной весьма любопытной сборной рукописи (№ 2385), датированной 1075/1664 г., представляющей собой сборник философских трактатов. Судя по почерку „муллаи“, часто сбивающемуся на „шикестэ“, рукопись написана составителем сборника, любителем философии лично для себя. В некоторых местах составитель сборника дает критическую оценку тем рукописям, с которых копировал он сам, и старательно указывает даты очень старых использованных им списков. Согласно имеющемуся на рукописи оттиску печати, она в 1255/1839 г. принадлежала известному просвещенному бухарскому верховному судье (кази калану), любителю философии Мир Инайетулла б. Маулеви Мирза Ни'матулла Мир Асаду, современнику эмира Хайдара и эмира Насрулла-хана.

Сборник заключает 107 трактатов (в том числе и письма); особо отметить следует: 11 трактатов Аристотеля, 13 трактатов Александра Афродисийского, 4 трактата Абу Закарийа Йахйа б. Ади, 15 трактатов Абу Насра ал-Фараби и 35 трактатов Авиценны. Имеется еще ряд анонимных философских трактатов, которые, судя по содержанию и по заглавиям, могли бы быть приписаны Авиценне, но до обстоятельного сличения их с одноименными трактатами Авиценны, имеющимися в других рукописехранилищах, решить этот вопрос в ту или другую сторону не представляется возможным. Из произведений Аристотеля, представленных в этой рукописи, я хотел бы особо отметить его труд *περὶ οὐρανοῦ* (فی السماء والعالم), в переводе Йахйи б. ал-Битрика, нигде, насколько мне известно, не отмеченном.

Работа по освоению рукописного собрания началась в Гос. Публичной библиотеке УзССР лишь в 1934 г., в 1935 г. в томе I „Трудов“ библиотеки был опубликован краткий каталог-перечень рукописей коллекции В. Л. Вяткина. Кроме того за это время составлялся карточный каталог рукописей; карточки пишутся в 2 экземплярах, с указанием названия труда, имени автора, переписчика, даты, размера, числа листов и некоторых специальных формальных данных; на обороте первого экземпляра, предназначенного в будущем для систематического каталога, приводится начало и конец представленного в рукописи произведения. Второй экземпляр предназначается для алфавитного каталога рукописей. В настоящее время систематический каталог и алфавитный каталог насчитывают уже по 6000 карточек. Кроме того, производится научное описание рукописей для предположенного к изданию аннотированного каталога рукописей; всего по настоящий день составлено научное описание уже около 2500 рукописей; выпуск I каталога, охватывающий 515 номеров, уже находится в печати; вполне подготовлен к печати выпуск II, охватывающий №№ 516—1127. Оба выпуска снабжены указателями: алфавитным и систематическим указателем рукописей; хронологическими указателями рукописей и произведений; алфавитными указателями авторов и переписчиков. Описание 600 номеров рукописей для выпуска III уже подготовлено к печати; составляются к этому выпуску указатели. Кроме этого, уже подготовлено, но не отредактировано окончательно описание около 800 рукописей.

Этот сжатый обзор собрания рукописей Гос. Публичной библиотеки УзССР и той работы, которая произведена и производится над освоением этой коллекции, я позволю себе заключить пожеланием, чтобы аннотированный каталог этого собрания скорее удалось выпустить в свет.

И. И. ГИНЦБУРГ

АРАБСКАЯ МЕДИЦИНА И ПРОИЗВЕДЕНИЯ АВИЦЕННЫ „КАНОН“ И „УРДЖУЗА“ ПО ЕВРЕЙСКИМ РУКОПИСЯМ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК

Задача настоящей статьи — дать характеристику двух медицинских сочинений знаменитого арабского мыслителя Авиценны, сохранившихся также в еврейской версии в рукописном фонде Института востоковедения Академии Наук (ИВ АН). Так как имя Авиценны знаменует апогей арабской науки на Востоке, автор считает небесполезным предпослать краткое введение, которое даст общее понятие о пути, пройденном арабской медициной до появления гиганта мысли, доведшего эту дисциплину до совершенства в восточном мусульманском мире.

I

Счастливая историческая судьба выпала на долю арабского народа. Он приобщил Западную Европу, бывшую в варварском состоянии, к античной науке, проложившей ей путь к Ренессансу.[1]

Как будто в компенсацию за эту заслугу, средневековую восточную культуру называют „арабской“ или „мусульманской“,[2] что по недоразумению ставит арабов в отношении развития европейской мысли рядом с античными греками. Не отрицая больших исторических заслуг арабской науки перед человечеством, следует, однако, в интересах истины, сказать, что она не может быть поставлена на один уровень с древнегреческой мудростью. Великое значение последней заключается, главным образом, в том, что она является исходным пунктом, колыбелью научного мышления и его развития в большей части света. Роль же арабской культуры куда скромнее. Арабы не являются основоположниками какой-либо научной дисциплины, а лишь комментаторами и продолжателями интеллектуальной продукции, которая дана была миру гением античной Греции.

Переходя к сюжету настоящей статьи, следует, прежде всего, отметить, что арабская медицина ни по главным ее творцам, ни по материалу, из которого она создавалась, не является автохтонной. Она в первой фазе своего возникновения на арабской почве характеризуется в общих словах как антично-греческая медицина, отчасти как индийская и древнеперсидская в оболочке арабского языка, а во второй фазе — как переработка последних в особом разрезе до высокого совершенства в такой степени, что с внешней стороны она кажется самостоятельной.

[1] Leclerc. Histoire de la médecine arabe, I, Paris, 1876, p. 327. — Sturz. Handbuch der Geschichte der Medizin, begründet von Puschmann, p. 595.
[2] В. В. Бартольд. Культура мусульманства. П., „Огни“, 1918, стр. 1.

Арабская медицина в этом последнем ее состоянии представляет эклектический синтез указанных древнемедицинских систем.[1] Эта научная отрасль импортировалась в восточный халифат по некоторым каналам, имевшим свои истоки в разных культурных центрах. Александрия в Египте, Антиохия, Эдесса в Сирии, Харран в Месопотамии, Джундишапур в Персии — уже давно, еще до подчинения этих стран этническому влиянию арабов, унаследовали утраченное Европой культурное наследие. Покоренное в этих странах пестрое по происхождению и конфессиональному признаку население было объединено языком народа-победителя, как языком научной мысли, которым оно пользовалось при передаче своих научных приобретений народу-завоевателю. Сирийцы-несториане, евреи, греки, сабии и персы своими переводами греческой и индо-персидской медицины на арабский язык и дальнейшей ее переработкой ввели арабов в храм античной науки, благодаря чему арабская литература в течение многих веков, со времени упадка греческой науки до Возрождения, являлась единственным источником, откуда Европа черпала свои знания во всех научных отраслях.[2]

II

Генезис и развитие так называемой арабской медицины условно разделяют на три периода. Первый из них охватывает примитивную жизнь арабов до появления на исторической арене Мохаммеда.

В течение этого периода, известного под названием „джахилия“, аборигены Аравийского полуострова, защищенного от окружающего мира естественными границами — морем и песчаной пустыней, жили изолированно и вели первобытный образ жизни. Интеллектуальные их представители не выходили за рамки интуиции, чуждой анализу, и не имели ни малейшего представления о том, что может быть названо наукой. Медицину этого периода правильно называют народной; опыт, наблюдение, инстинкт мало-по-малу открывали некоторые лекарства и способы лечения болезней.[3]

Идейный переворот Мохаммеда, возникший, несомненно, как протест против социального уклада его народа, дает начало второму периоду — омейядскому. Последовавшее за ним народное движение из первоначальной родины привело к образованию мировой арабской империи, с покорением большого числа национальностей, стоявших в культурном отношении несравненно выше завоевателей. Эти физически подчиненные народы направляют умственную жизнь арабов-победителей по новому руслу, открыв им пути к античным наукам, концентрировавшимся тогда в вышеупомянутых городах завоеванных стран. Начиная от так называемого пророка, мы встречаем в мусульманском мире ученых медиков, выходцев из Джундишапурской медицинской академии, о которой речь будет ниже. Из них только один Харис ибн Калада был по происхождению араб, остальные же были сирийцы-христиане, евреи и в незначительном количестве греки. Мохаммед пользовался медицин-

[1] Browne. Arabian Medicine. Cambridge, 1921, pp. 2, 65. — Sturz, op. cit., p. 591.
[2] Leclerc, op. cit., I, pp. 38—60, 281 sq. — Neuburger. Geschichte der Medizin, II, 1. Stuttgart, 1911, p. 139 sq. — Sturz, op. cit., p. 590. — Meyerhof. Von Alexandrien nach Bagdad. Berlin, 1930, pp. 7, 12, 17. — Wüstenfeld. Geschichte der Arabischen Aerzte. Göttingen, 1840, pp. 3, 9, 19. — Carra de Vaux. Avicenne. Paris, 1900, pp. 37—39. — Browne, op. cit., pp. 2, 7, 114. — Flügel. Zur Frage über die ältesten Uebersetzungen indischer und persischer medizinischer Werke ins arabische. ZDMG, XI, p. 148. — В. В. Бартольд, цит. соч., стр. 1—6, 10, 25.
[3] Leclerc, op. cit., I, pp. 1 sq., 17. — Sturz, op. cit., p. 591 sq. — Ренан. Аверроэс и Аверроизм, стр. 61. (Русск. пер.)

ской помощью упомянутого Хариса, и от него он заимствовал теоретические сведения об этой научной дисциплине, которые зафиксированы в Коране и в Сборнике медицинских афоризмов, ему приписанных.[1]

При халифах Омейядской династии начинаются первые шаги арабской научной литературы. При них устанавливается непосредственный контакт между их столицей в Дамаске и культурными центрами на периферии, благодаря притоку из провинции в столицу культурных носителей, нашедших там точку приложения своих духовных сил.[2] По почину Халида ибн Язида, внука Муавии I, в Александрии, являвшейся исконным центром эллинизма, начали переводить на арабский язык греческие сочинения по алхимии и медицине. В 683 г. н. э. еврей Масарджавейх перевел пандекты пресвитера Аарона на арабский язык.[3]

С переходом в 750 г. н. э. восточной части халифата под власть Аббасидов начинается третий период арабской медицины, называемый в широком масштабе наук, вообще, золотым веком мусульманской цивилизации. Подъем экономической жизни халифата, в связи с космополитическими взглядами этой династии, представители которой подпали под влияние Бармакидов, вскоре сказался и в области наук. Столица Аббасидов, Багдад, становится главным центром Востока, куда перенесены были теоретические знания со всех мест, где эллинские и индийские культурные ценности имели приют.[4] Главным резервуаром, который питал столицу Аббасидского халифата научно-медицинскими знаниями и их носителями, был персидский г. Джундишапур с его высшей научно-исследовательской медицинской школой. По высказыванию Нейбургера, на упомянутый город следует смотреть как на „колыбель арабской медицины". Целый ряд причин, главной из которых была византийская церковная реакция, вынудил ученых сирийцев, несториан и яковитов, равно и ученых других наций, оставить свою родину, находившуюся под властью византийских императоров и, с целью свободно заниматься наукой, эмигрировать в Иран, где господствовали толерантные Сасаниды. Эти эмигранты основали в Джундишапуре медицинскую академию, куда стекались все жаждущие получить систематические знания по этой дисциплине. Она стала особенно процветать в VI в. при Хосрое Ануширване, и, благодаря наличию там и индийских медиков, в ней скрещивалось греческое и индийское искусство лечения.[5] Джорджис ибн Бохтишу, сириец-несторианин, и его сын Бохтишу являются основоположниками Багдадской медицинской академии, в которой эта отрасль науки изучалась систематически и по определенному плану. Джорджис был главным врачом Джундишапурской высшей медицинской школы. В 765 г. н. э., когда второй аббасидский халиф ал-Мансур заболел, он, Джорджис, был вызван в Багдад на консилиум и остался там в качестве лейбмедика. Впоследствии его заменил на этом амплуа сын его Бохтишу, и в течение трех столетий предста-

[1] Leclerc, op. cit., pp. 23, 275 sq., 318—360. — Browne, op. cit., pp. 9—12, 19—22, 27. — Meyerhof, op. cit., pp. 7—9, 42. — Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leyden, 1879, pp. 40—42. — Sturz, l. c. — Wüstenfeld, op. cit., p. 85 sq. — ЗКВ, I, стр. 47 сл., 61 сл.

[2] Leclerc, op. cit., I, p. 35. — Sturz, l. c. — Browne, op. cit., p. 15. — Бартольд, цит. м.

[3] J. Ruska. Arabische Alchimisten. Heidelberg, 1934, p. 7 sq. — Browne, l. c. — Wüstenfeld, op. cit., p. 9. — Neuburger, op. cit., p. 145. — Leclerc, l. c., I, pp. 97, 123 sq.

[4] Carra de Vaux, op. cit., p. 54 sq. — Neuburger, l. c. — Browne, op. cit., p. 23 sq.

[5] Neuburger, op. cit., p. 141 sq. — Browne, op. cit., pp. 19, 27, 39. — Meyerhof, op. cit., pp. 7—9. — Leclerc, op. cit., I, pp. 38—60, 93 sq. — Nöldeke, op. cit., pp. 40—42. — Sturz, l. c. — Wüstenfeld, op. cit., p. 14 sq. — Carra de Vaux, op. cit., p. 41.

вители этой фамилии играли ведущую роль в области медицины. Багдадская школа дала в IX в. целую плеяду известных переводчиков, среди которых первое место занимает Хунейн ибн Исхак.[1] Моральное и материальное покровительство, которое аббасидские халифы ал-Мансур (754—775), Харун ар-Рашид (786—809) и ал-Мамун (813—833) оказывали всем ученым без различия национальности и религии, побудило многих ученых с периферии переселиться в столицу, где они образовали целую сеть бюро переводчиков и ученых обществ, впоследствии возникавших и в других больших городах халифата, с большими библиотеками.[2] Ортодоксальная часть правоверных арабов неприязненно относилась к этим толерантным халифам, называя их эмирами неверных — Умара' ал-кафирин.[3]

Как выше было сказано, главный контингент деятелей в теоретической и практической областях медицины составляли пришельцы: сирийцы-несториане, евреи, персы, и в незначительном числе, греки. Они переводили медицинские сочинения на арабский язык частью непосредственно с греческих и индо-персидских оригиналов, частью с сирийских и персидских переводов. Образовавшийся большой фонд переводной литературы послужил базисом для дальнейшей ее разработки в разных видах; начали составлять комментарии, парафразы, компендиумы и, наконец, самостоятельные медицинские произведения, представляющие собственно продолжение древнегреческих медицинско-научных систем.[4]

Сами арабы, за редкими исключениями, не принимали участия в научной медицинской работе, предоставляя эту деятельность „неверным". Об их скептическом отношении к медицинской науке и к ее носителям свидетельствует одна сатира, сочиненная по поводу смерти известного ученого врача Йоханны ибн-Масавейхи (Масуя). Она гласит:

إن الطّبيب بطبّه ودوائه * لا يستطيع دفاع أمرٍ قد أتى

ما للطبيب يموت بالداء الذى * قد كان يُبرِئُ منه فيما قد مضى

مات المداوى والمداوى والذى * جلب الدوآء وباعه ومن اشترى.[5]

С особым недоверием они относились к сородичам, занимавшимся медицинской практикой. Один араб, ученый врач, жаловался на свою скудную медицинскую практику, констатировав, что в течение целого эпидемического года он имел всего пять пациентов. Причину такого странного явления он объяснил тем обстоятельством, что его имя, язык и внешний облик выдают его принадлежность к мусульманам, а не

[1] Neuburger, op. cit., pp. 146 sq., 165. — Browne op. cit., p. 24 sq. — Leclerc, op. cit., I, pp. 25, 28, 96, 102, 323. — Sturz, op. cit., p. 594 sq. — Wüstenfeld, op. cit., pp. 14, 23, 34—36, 39 sq. — Meyerhof, op. cit., p. 15 sq.

[2] Neuburger, op. cit., p. 151 sq. — Carra de Vaux, op. cit., p. 54 sq. Ср.: Weil. Geschichte der Chalifen, II, p. 253 sq.; Ренан, цит. соч., стр. 61.

[3] Browne, op. cit., pp. 5, 19. — Leclerc, op. cit., p. 124 sq.

[4] Wüstenfeld, op. cit., p. 19 sq. — Neuburger, op. cit., p. 146 sq. — Carra de Vaux, op. cit., pp. 37, 57 sq. — Browne, op. cit., pp. 2 sq., 16. — Sturz, op. cit., pp. 594—599. — Leclerc, op. cit., I, pp. 291 sq., 326. — Meyerhof, op. cit., p. 39. — Carmoly. Histoire des Médecins juifs. Bruxelles, 1844, p. 17 sq.

[5] „Врач своей медициной и своим лекарством не может устранить смерть, когда пробьет час. Каким образом случается, что врач умирает от той болезни, от которой он раньше лечил? Умирает и лечащий, и лечимый больной, и тот, кто принес лекарство, и продавший его, и его купивший". См. Browne, op. cit., p. 8. Ср.: Neuburger, op. cit., p. 145. Стихи эти принадлежат Абу-л-Атахийи, см.: ЗКВ, I, стр. 68, прим. 1.

к евреям или христианам, которые, повидимому, пользовались как врачи, сравнительно большим доверием среди арабского населения.[1]

Багдадская школа дала много знаменитых медиков, обогативших арабскую медицину несметным количеством самостоятельных сочинений. Большинство из них были мусульмане, но не арабского происхождения. В анналах названной школы фигурируют такие имена, как: Али ибн Сахл ибн Раббан ат-Табари (IX в.), ар-Рази (IX—X вв.), Али ибн Аббас (X в.), Сабит ибн Курра (IX в.), Коста ибн Лука (X в.) и Авиценна (X—XI вв.).[2]

Начиная с XII в., много сочинений перечисленных авторов проникло в Западную Европу, которая, будучи лишена всяких знаний греческих оригинальных источников, с энтузиазмом изучала их через посредство латинских переводов, сделанных с арабских оригиналов или с еврейских переводов последних. Арабские медицинские произведения в латинской версии служили для средневековых европейцев главным источником античных знаний, и с открытием книгопечатания они представляли главную продукцию европейской печати до Ренессанса, когда стали обращаться непосредственно к греческим оригиналам.[3]

III

Знаменитейшим из всех философов и медиков, которых дал мусульманский Восток, был Абу Али ал-Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина, известный в европейской литературе под именем Авиценны.[4] Он родился в 980 г. н. э. в одной деревне близ Бухары, по происхождению он был перс. Уже с ранних лет он обладал большой эрудицией во всех отраслях науки, но особенно сказался его блестящий талант в медицине, хотя последнюю он стал изучать лишь после освоения всех современных ему знаний. Теорию этой дисциплины он заполнял практическими наблюдениями, которые расширили его научный горизонт в области терапии.

Еще юношей 17 лет он пользовался уже такой врачебной репутацией, что его стали приглашать на консилиумы в случае опасных заболеваний высокопоставленных лиц.[5]

Вскоре после смерти отца он начал вести скитальческий образ жизни, который, однако, не помешал ему уделять много времени педагогической и литературной деятельности. Между прочим, в это время он начал свое знаменитое медицинское произведение, известное под названием „Канон", которое обессмертило и популяризировало его имя на Востоке и на Западе.[6] Его деятельность не ограничивалась рамками науки и медицинской практики. Он интересовался также политикой и общественными делами, исполняя одновременно обязанности везиря и медика при одном из иранских князей. Любопытно отметить, что при всей

[1] al-Jahiz. Kitabu-'l-Bukhala, Ed. Van Vloten, pp. 109—110; ср.: Browne, op. cit., pp. 7—8; Neuburger, op. cit., 142—143; И. Ю. Крачковский. Христианский Восток, т. IV, стр. 304.

[2] Browne, op. cit., pp. 37—66. — Sturz, op. cit., p. 602 sq. — Wüstenfeld, op. cit., pp. 21, 34 sq., 40—51, 59, 64—75. — Meyerhof, op. cit., pp. 18 sq., 32 sq.

[3] Browne, op. cit., p. 5.

[4] G. Sarton. Introduction to the History of Science, vol. I. Baltimore, 1927, pp. 709—713. — Leclerc, op. cit., I, p. 466 sq. — Browne, op. cit., p. 57 sq. — Neuburger, op. cit., II, 1, p. 179 sq. — Wüstenfeld, op. cit., p. 64 sq. — Carra de Vaux, op. cit., p. 127, sq. — Brockelmann, Geschichte der arabischen Litteratur, I, p. 452 sq.; SB I, 812 sq. — Munk, Mélanges de Philosophie juive et arabe, p. 352 sq. — Enzyklopädie des Islam, Bd. II, 1927, s. v. — Steinschneider, HÜb, p. 677 sq. — Sturz, op. cit., p. 605 sq. — Meyerhof, op. cit., p. 42.

[5] Leclerc, op. cit., p. 468. — Enzyklopädie des Islam, l. cit., s. v.

[6] Munk, l. c.

своей многогранной серьезной деятельности он не пренебрегал и земными благами: после научных занятий, чувствуя усталость, он вместе со своими слушателями предавался чувственным удовольствиям, развлекаясь вином и обществом женщин.[1]

Его бурный и неуживчивый характер, порою причинявший ему тяжелые переживания, и чрезвычайно интенсивная деятельность вредно повлияли на его здоровье. Оно пошатнулось и окончательно надорвалось вследствие его участия в военных походах испаганского князя, у которого он служил в последние годы жизни. Опасно заболев, он сам себя лечил, принимая слишком сильные лекарства, ускорившие конец его жизни. Он умер в 1037 г. 57 лет от роду.

Его неудачное лечение себя дало повод его врагам подтрунивать над ним. Они с иронией говорили, что его медицина оказалась несостоятельной, чтобы спасти его тело, а его метафизика не могла спасти его душу, намекая последними словами на его разнузданный образ жизни.[2]

IV

Авиценна был интеллектуальным феноменом своей эпохи. Замыкая круг знаменитых мыслителей на Востоке, которые были до него и оставили много ценных трудов, он, обладая гениальными способностями, сумел логически и планомерно синтезировать в собственном аспекте все сделанное в области науки вообще, и в медицине в частности. На его долю достался тот исторический жребий, который обычно выпадает тому, кто приходит последним. Благодаря этому счастливому обстоятельству, он занимает доминирующее место в истории науки восточного мусульманского мира, прослыв родоначальником доктрин, которые он лишь суммировал блестящим образом. Оценка его, как великого ученого, кратко формулирована в эпитетах, которыми его имя сопровождается в литературе. Его величают: „ар-Раис" (глава), „аш-Шейх" (старшина), „ал-Муаллим ат-тани" (второй учитель), т. е. второй после Аристотеля. Его литературное наследие составляет не меньше 100 сочинений, даже одного из которых, по высказыванию известного ориенталиста Мунка, достаточно для обеспечения автору почетного места среди главных мыслителей Востока.[3] Произведения его охватывают все научные дисциплины и показывают, что ни одна отрасль современного знания не была ему чужда.[4] Шестнадцать из его многочисленных и объемистых сочинений посвящены медицине, среди которых особое место, по своей методичности и полноте трактуемого предмета, занимает упомянутый выше „Канон". Это сочинение характеризуют как медицинскую энциклопедию, систематически изложенную и философски планированную. Оно стяжало своему автору такой авторитет в медицинских кругах, что после ознакомления с ним совершенно забыли его знаменитых предшественников, таких как ар-Рази, Али ибн Аббас и др., произведения которых имеют, несомненно, большие заслуги в истории развития медицинской науки.[5] Характерный отзыв об этом сочинении, свидетельствующий об ореоле, которым оно было окружено, дает один персид-

[1] Munk. l. c. — Wüstenfeld, l. c. — Browne, l. c. — Leclerc, op. cit., I, p. 468.

[2] Browne, op. cit., p. 59. — Munk. op. cit., p. 354. — Leclerc, op. cit., I, p. 468 sq. — Neuburger, op cit., p. 180, Anm. 1.

[3] Brockelmann, op. cit., I, p. 452 sq.; SB I, 812 sq. — Wüstenfeld, op. cit., pp. 71—75. — Leclerc, op. cit., I. p. 475. — Enzyklopädie des Islam, Bd. II, s. v. — Browne, op. cit., p. 60. — Munk. l. c.

[4] Leclerc, l. c. — Browne, l. c. — Munk, l. c.

[5] Browne, l. c., p. 62 sq. — Leclerc, op. cit., I, pp. 476, 489. — Enzyklopädie des Islam, Bd. II, s. v.

ский автор XII в. Низами-и-Аруди из Самарканда. При указании в сочинении „Čahar Maqala“, какие медицинские сочинения должны быть изучаемы для того, чтобы занять первое место среди ученых специалистов в этой области, он говорит, что после изучения „Канона“ штудии остальных перечисленных им книг являются излишними. Упомянутый Низами ставит Авиценну рядом с Аристотелем, высказывая мнение, что тот, кто против одного из них, должен быть причислен к категории умалишенных.[1]

Передают, что Авиценна в некоторых случаях своей медицинской практики подходил к больным как психолог и часто с успешными результатами. Практика этого рода была, по его утверждению, согласована с его теорией.[2] О нем передают следующий анекдот. Однажды заболел родственник одного высокопоставленного лица, и местные врачи, будучи не в состоянии поставить диагноз, отказались его лечить. Обратились тогда к Авиценне. Выслушав больного, он попросил одного из хорошо знающих округу, к которой принадлежал город, где жил больной, перечислить вслух названия всех ее городов, пока он, Авиценна, будет держать руку больного за пульс. Почувствовав сильное биение пульса при упоминании названия одного из перечисленных городов, он предложил назвать имена обитателей этого города. При повторении того же явления с пульсом при произнесении имени одного из них, Авиценна остановил своего ассистента и заявил, что диагноз определен. Больной, как это объяснил он, влюблен в одну девушку, живущую в таком-то доме такого-то города. Здоровье его будет восстановлено скоро после того, как он на ней женится. Совет его был выполнен и больной выздоровел.[3]

Еще один анекдот из его медицинской практики. Один человек заболел меланхолией, внушив себе, что он — корова. Подражая мычанию этого животного, он при этом кричал: „Убейте меня и приготовьте из моего мяса хорошее рагу“. Врачи не знали чем его лечить. Пригласили Авиценну. Придя к больному, он зашел в его комнату с ножом в руках и спросил, где корова, которую он хочет зарезать. Больной замычал, давая этим знать о себе. Тогда Авиценна велел положить его на пол и связать ему руки и ноги. Вслед за этим, осмотрев и ощупав его, он заявил, что эта корова слишком тощая; для получения от нее хорошего мяса необходимо предварительно сильно подкармливать ее специальной пищей, им назначенной. Больной старался исполнить предписание .... и выздоровел.[4]

Интересно отметить еще один момент, касающийся его теории медицины. В „Каноне“ в связи с проблемой душевных функций, по мнению автора имеющих отношение к медицине, он излагает философскую концепцию души и ее способностей, отмечая, что последние правильнее поняты и дифференцированы философами, чем естествоиспытателями.

Его теория, по существу, не оригинальна: она, в общем, представляет доктрину Аристотеля. Но, согласно высказыванию Мунка, развернутая переработка ее Авиценной придает этой теории оригинальный характер. Данная им систематическая классификация душевных способностей повторена после него арабскими философами, всеми схоластиками и философами нового времени. К способностям души Авиценна

[1] Browne, l. c.—Leclerc, op. cit., I, p. 470 sq.
[2] Browne, op. cit., p. 85 sq.
[3] Browne, op. cit., p. 85 sq.—Carra de Vaux, op. cit., p. 143. Ибн Абу Усайбиа (II, 128) приписывает этот случай Галену; ср.: Steinschneider, HÜb., p. 38, Anm. 262; p. 658, Anm. 36; p. 677, Anm. 171.
[4] Последний анекдот зафиксирован в стихах одним поэтом XV в., Джами, в сочинении „Silsilatu-dh-dhahab; ср.: Browne. op. cit., p. 88 sq.

относит: 1) внешние чувствительные органы, являющиеся соединительным звеном между животным и внешним миром; 2) внутренние интеллектуальные силы; 3) движущие силы; 4) интеллектуальные или рациональные функции. Внутренние силы, названные им промежуточными, он делит на: а) концентрирующие ощущения, получаемые через внешние органы и запечатлевающие их; б) интеллектуальные, абстрагирующие и обобщающие впечатления, благодаря чему получаются понятия, и наконец, в) память. Территориально упомянутые внутренние силы помещаются, по его высказыванию, в передней, средней и задней частях мозга.[1]

„Канон“ озаглавлен в арабском оригинале: „Al-Qanūn fi-t-tibb“ — „Медицинский Канон“. Он состоит из 5 книг, и каждая из них подразделена на отделы, причем по терминологии автора отдел именуется „фенн“. Это слово латинизировано в латинском переводе, а в еврейском переводе его эквивалент — „офан“. Фенны, в свою очередь, подразделяются на „таʿ лūм“ (доктрина), „джумла“ (сумма), „макāла“ (трактат) и на „фасл“ (глава).

Первая книга излагает общую теорию медицины или анатомию. Она делится на четыре „фенна“. 1-й — определяет медицину как науку, излагает структуру человеческого организма, способы лечения его при заболеваниях и указывает профилактические средства для предотвращения потенциальных болезней. Затем, следует учение об элементах, комплексах, темпераментах и т. п. 2-й — рассматривает причины, вызывающие болезни, и показатели последних — диагностику и т. д. 3-й — дает общий обзор о причинах хорошего или плохого состояния организма, о неминуемости смерти и о правилах физического поведения во все периоды жизни. 4-й — общая терапия. Эта книга служила в средние века главной основой для анатомо-физиологического и патолого-терапевтического учения.[2]

Вторая книга представляет учение о фармакологии, в ней рассматриваются простые лекарства — около 800 названий, в связи с теорией Диоскорида, Галена и личной теорией автора, выработанной на основании собственных наблюдений.

Третья — занимается патологией и терапией отдельных, пораженных болезнью органов человеческого тела, начиная с головы и кончая ногами, с предпосылкой учения об анатомии и физиологии. Эта книга содержит 22 „фенна“.

Четвертая — делится на семь „феннов“ и трактует об общих болезнях человеческого организма, как, например, лихорадка, язва, опухоль, травма и т. д., в связи с прогностикой.

Содержание пятой книги — фармакопея (Antidotarium).

О большой популярности этого сочинения на Западе можно судить по тому факту, что приблизительно через 100 лет после его появления оно было переведено с арабского на латинский язык, а к концу XIII в. оно уже фигурировало в двух еврейских переводах. Первый латинский перевод Герарда де Кремона, изданный впервые в Венеции в 1544 г., был в течение этого же столетия переиздан 14 раз, а в общем оно выдержало 30 изданий.[3] Сравнивая с этим количеством единичные издания латинских переводов знаменитых арабских сочинений, как „ал-Хави“, ар-Рази и „ал-Малики“ ибн Аббаса, легко убедиться, что до эпохи Возрождения Авиценна один доминировал в медицинской теории и практике.

[1] Munk, op. cit., p. 363 sq.
[2] Browne, op. cit., p. 62.—Sturz, op. cit., pp. 606—609.—Leclerc, op. cit., p. 471.
[3] Первая книга „Канона“ была переиздана в 1930 г. с английским переводом:

Наконец, всестороннее изучение „Канона", выразившееся в большом числе написанных на него комментариев и компендиумов, бесчисленное количество рукописей „Канона" и сочинений, его касающихся, которые поныне находятся в книгохранилищах, — подтверждают, что это произведение было в течение многих столетий настольной книгой для всех занимающихся медициной. „Канон" в арабском оригинале был издан в Риме в 1593 г.,[1] а в еврейском переводе — в Неаполе в 1491—1492 гг. Отдельные его части в оригинале и латинском и еврейском переводах, изданные под разными названиями, фигурируют в библиографии Авиценны как особые сочинения.[2]

Его медицинское произведение „Урджуза" считается вторым после „Канона" по важности трактуемых в нем медицинских проблем. Название „Урджуза" соответствует его внешней форме, а не содержанию: оно изложено рифмованными стихами, размером реджез. В литературе оно фигурирует также под названием „Манзума" — „поэма", а в латинском переводе оно озаглавлено „Cantica" или „Canticum". Оно охватывает все стороны медицины, благодаря чему оно пользовалось такой же репутацией, как „Канон". Знаменитый философ XII в. Аверроэс написал на него комментарий, который вместе с текстом был переведен на еврейский язык Моисеем ибн Тиббоном в 1260 г. Латинский его перевод, сделанный Armengaud Blasii, был издан в Венеции в 1484 г. Это сочинение в оригинале и в указанных переводах также сохранилось в рукописях во многих книгохранилищах.[3]

V

Особым почетом и большой популярностью Авиценна пользовался в еврейских ученых сферах на Западе. Имя его в еврейской литературе, как в арабской, сопровождается арабизированными эпитетами: шейх, раис, и специально еврейскими: השר (князь), האדון המיוחד האמתי — (единственный подлинный владыка), что демонстрирует преклонение еврейских мыслителей перед его гением. Эти титулы послужили, между прочим, поводом для сочинения про него разных легенд. Одни, например, считают его родом из Севильи и кордовским королем, другие именуют его королем בימנייא (?).[4]

Полный перевод всех пяти книг „Канона" с арабского оригинала на еврейский язык впервые был сделан Натаном га-Меати (или Гамати)[5] в 1279 г. в Риме, где Натан играл такую же роль, как Тиббониды в Люнеле.[6] Благодаря этому большому труду Натан занимает почетное место в истории еврейской переводной литературы. Рукописи его перевода, а равно других еврейских переводчиков, имеются во многих экземплярах почти во всех европейских библиотеках.[7] Однако редко можно найти еврейский манускрипт, который содержал бы больше двух-трех из этих пяти книг.[8] Имеются еще два других еврейских

[1] Изд. 2, Булак, 1877/1294.
[2] Leclerc, op. cit., p. 472. — Browne, op. cit., p. 61 sq. — Sturz, op. cit., p. 606 sq. — Steinschneider, op. cit., p. 685. — Brockelmann, op. cit., pp. 453, 457. — Wüstenfeld, l. c. — Wolf, Bibl. Hebr., 1715, № 621, pp. 8—11.
[3] Leclerc, op. cit., I, p. 472; II,; p. 107; cp.: Wüstenfeld, op. cit., pp. 9, 37, 72; Brockelmann, op. cit., pp. 81, 457 Steinschneider, op. cit., pp. 444—445, Anm. 294, 298; idem, Cat. Lugd. Bat., p. 316, 4.
[4] Steinschneider, HÜb. p. 431, Anm. 174, 175. — Schwarz. Hebräische Handschriften. Wien, p. 192, 3.
[5] О значении этого слова см.: Steinschneider, op. cit., p. 679, Anm. 185.
[6] Carmoly, op. cit., p. 84. — Steinschneider, op. cit., p. 678 sq. — Jewish Encyl. VIII, p. 398.
[7] Steinschneider, op. cit., pp. 681—683.
[8] Ibid., p. 679.

перевода „Канона", из которых один принадлежит современнику вышеназванного Натана — Зерахии б. Исааку из Барселоны; от этого перевода дошли до нас только книги I и II;[1] другой перевод, содержащий книгу I и часть книги II, был сделан Иосифом Лорки (из Лорки), жившим во второй половине XIV в.[2] Некоторые еврейские сочинения, под разными, соответствующими содержанию названиями, являются отдельными частями „Канона", трактующими о той или иной медицинской проблеме, как, например, книги: „О ядах": ספר הארסים, „О косметике": ס' הקשוט „О фармакопее": אקראבדין מזכרת הרפואה.[3] Некоторые части „Канона" переведены с еврейского на латинский язык. Имеется до 36 еврейских комментариев на „Канон", принадлежащих известным и случайным авторам. Любопытно отметить, что до XVIII в. евреи продолжали вновь переводить „Канон" и комментировать его.[4]

В Еврейском фонде Рукописного Отдела Института Востоковедения Академии Наук находятся две рукописи, представляющие упомянутые сочинения еврейской версии. Одна из них, под шифром D 66, содержит „Канон" в переводе Натана га-Меати и написана in folio сефардийским почерком на 286 листах тонкого пергамента, размером 39 × 28 в 2 столбцах, по 43 строки на каждой полной странице. Листы имеют custodes.

За исключением первого дефектного листа, манускрипт хорошо сохранился, хотя его датируют XIV в. В нем имеются три книги „Канона": I, IV и V, с предисловиями переводчика и автора и с индексом к книге I. За книгой V следует вокабуларий, а за ним — краткий трактат „О синонимах".

1-й лист, верхняя часть которого оторвана, начинается тремя стихотворениями; первые два нечитаемы, вследствие выцветания чернил, но по двум начальным в обоих стихотворениях словам — „благословен мой творец" — следует полагать, что они представляют captatio benevolentiae.[5] В 3-м — автор выражает надежду, что ему удастся завершить предпринятый труд, посвященный им своему народу, и сообщает имя автора сочинения и свое личное имя, называя себя Натаном Гад га-Меати (см. Прилож. I). Затем, следует предисловие, еврейский текст которого, вследствие дефектности листа, приводим лишь в эксцерптах (см. Прилож. II).

Общий смысл его содержания сводится к следующему: Натан сетует на свое одиночество и вынужденный скитальческий образ жизни. Он побывал во многих странах и жил среди разных народов, с языками которых он ознакомился, но особенно он изучил родственные арабский и еврейский языки. На чужбине зачастую ему приходилось слышать, как христианские ученые подтрунивают над евреями за отсутствие у них медицинских сочинений. У евреев, как объясняет он, было их много, они были составлены еще в древнее время, при Соломоне и после него, но, вследствие превратностей судьбы, они утеряны. Для заполнения этого пробела в еврейской литературе Натан решил последовать благородному примеру Тиббонидов в деле воскрешения науки среди своего народа путем извлечения еврейских сочинений из недр арабского языка. Касаясь стиля арабского оригинала сочинения „Канон", он констатирует, что Авиценна, как перс по происхождению, отличается своим языком и мышлением от арабов в отношении сжатости формулировки своих мыслей в научных трудах, вследствие чего

[1] Steinschneider, p. 681. — Carmoly, op. cit., p. 85 sq.
[2] Steinschneider, l. c. — Carmoly, op. cit., p. 117.
[3] Steinschneider, op. cit., p. 685.
[4] Ibid., §§ 436—440, 442.
[5] Margoliouth, Cat. Brit. Museum, p. 111, No. 1027.

ему, Натану, необходимо было изобрести новые, не бывшие до него в ходу слова и выражения. В отдельных случаях он обращался к арабским ученым за помощью в расшифровке трудных фраз, но и они не были в состоянии постичь суть его слов, а могли уловить только общий их смысл. Это положение усугубилось тем обстоятельством, что оригинал, с которого он переводил, изобиловал многими ошибками, что заставило его делать пропуски, которые он надеется со временем заполнить при помощи других сочинений и устных объяснений ученых. Он заклинает читателей не вносить никаких поправок в его текст без помощи лиц, сведущих в арабском языке, к которым он сам, повторяя сказанное им выше, намеревается прибегнуть для заполнения оставленных им пробелов. Далее сообщается, что для лучшего понимания перевода он решил дать в конце текста прибавление (вокабуларий), поясняющее непонятные арабские и еврейские слова, и номенклатуру лекарств. Цель этого труда, как заканчивает он, заключается в защите евреев от вышеуказанных упреков. И это положение дает ему право ожидать, в виде компенсации, благословения от будущих читателей его труда и извинения от них в случае обнаружения в нем дефектов и надеяться, что грядущие поколения сохранят о нем добрую память.[1]

В следующем за предисловием стихотворении Натан советует любителям знания просить бога об ускорении пришествия Мессии, отпрыска Йишай (отца царя Давида), который приведет рассеянный еврейский народ к горе Лабанон; при этом он желает себе, „переводчику «Канона»“, быть участником этого шествия... (см. Прилож. III).

Скажем несколько слов по поводу высказывания Натана о том, что у евреев на заре их истории и в последующее время существовали уже специальные сочинения по медицине. Не касаясь этого вопроса в целом, как не входящего в план настоящего сообщения, я тем не менее для расшифровки его мысли отмечу вкратце следующее. В библейской и побиблейской литературе нет специальных трактатов, посвященных медицинской науке, какие дошли до нас от древних греков: Книга Левит (главы VIII, XV, XXI) касается медицины мимоходом, поскольку она имеет отношение к ритуальному законодательству. Многочисленные сведения по этой дисциплине, рассеянные в обширной талмудической литературе, имеют также характер вспомогательного материала. Однако скудный и фрагментарный материал в Талмуде представляет в общей сложности целую систему патологической анатомии, а равно попутно показывает терапевтические приемы, какие применялись евреями в талмудическую эпоху. Все это, конечно, нельзя сравнивать с полноценными сочинениями Гиппократа и Галена, но тем не менее оно дает основание априорно полагать, согласно утверждению Натана, что у древних евреев были относительно большие научные знания по разным медицинским проблемам.[2]

Что касается его упоминания, что он, подобно Тиббонидам, будет извлекать еврейские сочинения из недр арабского языка, то, повидимому, здесь подразумеваются арабские сочинения знаменитых медицинских теоретиков-евреев, предшествовавших Авиценне и живших после него, которые он намеревался перевести на еврейский язык.[3]

---

[1] Steinschneider, op. cit., § 432.

[2] Neuburger. Die Medizin in Talmud, pp. 80—88. — Carmoly, op. cit., pp. 1—16. — A. Bloom. L'Ostéologie d'Abu'l-Casim et Avicenne. Son origine talmudique. Paris, 1935, passim. — Еврейская энцикл., т. X, стр. 742; XI, стр. 421.

[3] О еврейских авторах арабских медицинских сочинений см.: Carmoly, op. cit., p. 17 sq., и соответствующие отделы упомянутых выше историков медицины.

Заглавие перевода — ספר הקאנון ביאורו ספר העקר הכולל [„Книга Канон, т. е. основная, всеобъемлющая книга“ (энциклопедия)].[1] За ним следует предисловие Авиценны, в котором сообщается, что это сочинение написано им по просьбе друзей, которых он считал своим долгом удовлетворить. Далее излагается план и метод, служившие руководством для автора при составлении данного произведения. В заключение автор обещает, что при завершении этого труда он дополнит его еще одним сочинением. Затем, он излагает суммарное содержание всех пяти книг и подробный индекс книги I, в котором указывается содержание всех ее отделов и разноименных подотделов. (Прилож. IV).

Книга I содержит 4 отдела (по-еврейски אופן, по-арабски فنّ). 1-й отдел подразделяется на 6 „доктрин“ (по-еврейски לימוד, по-арабски تعليم). „Доктрина“ I содержит 2 главы (по-еврейски פרק, по-арабски فصل). II — 1 главу, III — 3 главы; IV — 2 главы; V — 1 главу и 6 „сумм“, или итогов (по-еврейски גמלה по-арабски جملة). 1-я и 2-я „суммы“ подразделены на 30 глав каждая; 3-я содержит 6 глав; 4-я и 5-я — по 5 глав; „доктрина“ VI состоит из 6 глав.

2-й отдел подразделен на 3 „доктрины“, из них I содержит 8 глав, а II состоит из 2 „сумм“, из которых 1-я разделена на 20 глав (в арабском оригинале по рукописи ИВ АН, B 865, равно в печатном тексте 1593 г., — 19 глав), а 2-я — на 29 глав; „доктрина“ III состоит из 11 глав и 2 „сумм“, из них 1-я „сумма“ имеет 19 глав, а 2-я — 13 глав. Ср.: Ahlwardt. Verzeichniss der Arabischen Handschriften, Bd. V, № 6269.

3-й отдел содержит 1 главу и 5 „доктрин“. „Доктрина“ I содержит 4 главы, II — 17 глав, III — 6 глав, IV — 5 глав, V — 1 главу и 1 „сумму“ в 8 главах (как у Ahlwardt'a и в печатном арабском оригинале, а по упомянутой арабской рукописи — 2 главы и 1 „сумму“, состоящую из 7 глав).

4-й отдел состоит из 31 главы (то же число указано у Ahlwardt'a и в арабском рукописном оригинале; в печатном же — 32 главы).

Отметим, что печатный арабский оригинал имеет два индекса: один — в начале и второй, более детальный, — в конце текста, а в названной арабской рукописи, содержащей лишь книги I и II, только книга I снабжена индексом, книга же II такового не имеет; во 2-й рукописи ИВ АН, Мус. фонд, шифр D 179 а, содержащей все пять книг, нет никаких индексов. В конце индекса еврейской рукописи указывается, что общее число всех глав в этой книге — 264, а в рукописном оригинале — 263, что соответствует вышеизложенному (см. Прилож. V). Текст первых листов (3 б.—10 б) снабжен анонимным комментарием, изложенным кругом текста на полях очень мелким сефардийским почерком, а на остальных листах изредка встречаются маргинальные пометки.

До л. 50 имеется много надстрочных вариантов лексического или стилистического характера. Лакун, упомянутых в предисловии, нет, они заполнены (см. Прилож. VI).

Книга IV (лл. 83—211) как в еврейском печатном издании (инкунабуле), так и в арабском рукописном оригинале (D 179а), не имеет индекса, начинается (то же в печатном) трехстишием переводчика (см. Прилож. VII). Она состоит из 7 отделов, каждый из них имеет заголовок, за исключением 1-го, начало которого обозначено словом, написанным крупным квадратным письмом, указывающим предмет его содержания. В еврейском печатном тексте и в арабском оригинале, печатном и рукописном, имеется соответствующий заголовок. Каждый отдел подразделяется на трактаты (по-еврейски מאמר, по-арабски مقالة), которые в 1-м

---

[1] Ср.: Steinschneider, op. cit., p. 680, Anm. 197.

и во 2-м отделах, в отличие от еврейского печатного текста и арабского оригинала, не всегда точно обозначены.

1-й отдел содержит 2 трактата, 2-й — 2, 3-й — 3 (в заголовке указано 4, в действительности же имеется только 3, столько же — в печатном тексте, что соответствует указанию Ahlwardt'a, см. op. cit., p. 538). В названной арабской рукописи 2-й и 3-й отделы не обозначены. 4-й отдел состоит из 4 трактатов, 5-й — из 3, 6-й — из 5, 7-й — из 4, в полном соответствии с еврейским и арабским печатными текстами и с указанием Ahlwardt'a. В упомянутой арабской рукописи книга IV имеет только 5 отделов.

В еврейской и арабской рукописях трактаты разделены на абзацы, обозначенные в первой более крупным почерком, а во второй — rubrum; в изданных арабском и еврейском текстах соответственные абзацы озаглавлены: פרק — فصل. Книга V (лл. 212—214) — без индекса, как в рукописном арабском оригинале; в печатных изданиях, еврейском и арабском, имеются индексы, представляющие два варианта. Книга начинается также трехстишием переводчика, за которым следует оглавление. Текст начинается предисловием автора, в котором указываются содержание, название книги и внешняя форма ее изложения.

Эта книга состоит из краткого трактата, являющегося предпосылкой, и двух „сумм", изкоторых 1-я (лл. 212—255) подразделена на 11 трактатов, а 2-я — на две части, 1-я из которых (лл. 255 б — 259 а) содержит 1 трактат о номенклатуре медикаментов, а 2-я (лл. 259 а — 274) изложена в 8 трактатах, представляющих компендиум фармакопеи (см. Прилож. VIII).

Печатное еврейское издание, судя по индексу и содержанию, за исключением весьма незначительных изменений, тождественно с рукописным текстом. В арабском печатном оригинале 1-я „сумма" подразделена на 12 трактатов, 2-я „сумма" — на 10 трактатов; то же — у Ahlwardt'a.

Особый вариант представляет эта книга в арабском рукописном оригинале. Лл. 348 б—360 б содержат 5 трактатов, в первом из которых включены 3 „суммы"; лл. 361 а — 373 б имеют 4 трактата с общим заглавием „7-й фенн". Всего этого нет ни в еврейских печатном и рукописном текстах, ни в арабском печатном оригинале. Мы выяснили, что переписчик ошибочно отнес 6-й и 7-й отделы книги IV к книге V, вслед за которыми (3 стр., см. л. 373 б) значится: الكتاب الخامس и следующее за этими словами содержание тождественно таковому вышеуказанных источников, отличаясь от них лишь по форме подразделения имеющихся 2 „сумм", из которых 1-я имеет 10 трактатов, а 2-я—8 трактатов [печатный оригинал — 12 и 10, в еврейской версии — 11 и (1 + 8) 9].

Сличение содержания еврейской рукописи с печатным еврейским текстом и арабским оригиналом доказывает следующее:

1. В основание еврейского издания лег перевод Натана Гамати, с незначительными дополнениями, сделанными позже. Возможно, что автор последних — Иосиф Лорки (см. выше, стр. 43).

2. Еврейская версия Натана представляет, за исключением некоторых мест, о которых он говорит в предисловии, дословный перевод.

Кстати отметим, что в индексе к книге V еврейского издания сказано, что данная книга имеет 408 вариантов.

Вслед за последней книгой имеется вышеупомянутый алфавитный вокабуларий (лл. 275—279), краткое введение которого начинается словами: „Сказал переводчик" (имеется, вероятно, в виду переводчик Натан га-Меати). Автор его заклинает переписчиков перевода переписывать и этот вокабуларий, являющийся полезным пособием для понимания многих еврейских слов, встречающихся в тексте, впервые им изобретенных, либо обычных, но с новой семантикой, а равно для понимания значимости гебраизованных иностранных слов, имеющихся там в разных местах. Относительно указанных еврейских слов он объясняет, что должен был ими пользоваться в виду тяжелого стиля Авиценны, повторяя сказанное им в предисловии (см. Прилож. IX).[1]

В конце (лл. 280—285) имеется особый трактат, озаглавленный: שנוי השמות הנקרא צינונימש „Вариация имен, называемых синонимами". Это — алфавитная номенклатура лекарств с переводом на латинский язык (см. Прилож. X).[2] На последнем (286-м) листе — латинская номенклатура 10 лекарств.

Вторая из упомянутых двух рукописей представляет в еврейской версии сочинение Авиценны, известное под двумя названиями: „Урджуза" и „Манзума". Сочинение не озаглавлено, верхнее поле л. 1 отрезано, повидимому, вместе с заголовком. Согласно надписи кописта в прозе и в трехстишии, в этой рукописи изложено медицинское сочинение, написанное в рифмованных стихах Авиценной, в переводе на еврейский язык, сделанном также в стихотворной форме с комментарием. Переводчик, он же комментатор, Соломон га-Рофе б. Давид га-Рофе закончил этот труд в 1233 г. н. э. Перевод, как свидетельствуют и писец и сам автор, сохранил сущность и аромат оригинала. Затем, следует перечень 96 объектов, трактуемых в этом сочинении, которые, по мнению переводчика, демонстрируют лечение всех болезней (Прилож. XI).

Никто из библиографов, включая Штейншнейдера, не упоминает Соломона б. Давида среди переводчиков и комментаторов сочинения „Урджуза".[3] Кармоли приводит под этим именем лейб-медика кастильского короля Фердинанда III, с которым Давид Кимхи имел случай познакомиться в 1232 г. и отзывался о нем как об ученом медике, но ни о каких его литературных трудах он не упоминает.

Рукопись (Евр. фонд, шифр B 75) содержит 48 листов, размером 21 × 15 см, по 29-31 строк на странице, написана на бумаге (лл. 21 и 43 — пергамент) крупным раввинским почерком, близким к квадратному письму; она не датирована, но старая, приблизительно XV в.; много листов, поврежденных червоточиной; поврежден также переплет; конец отсутствует, после лл. 21 и 43 — лакуны.

После пятистишия переводчика (л. 2 а) следует переводный текст с подстрочным комментарием. Высказывание Авиценны в первом шестистишии (см. Мус. фонд, шифр B 866, л. 1б) интерпретируется в том смысле, что теория медицины и клинические исследования, которые взаимно обусловлены, имеют целью указать практические средства для предохранения человека от возможных болезней и для восстановления здоровья в случае заболевания. Далее объясняется, что это сочинение по содержанию делится на теорию и практику, причем первая дополняется еще тремя отделами, о которых речь будет впереди (см. Прилож. XII). Лист 40 а представляет собою конец первой, теоретической, части и начало второй, практической. В последней рекомендуется режим, которым следует руководствоваться для сохранения здоровья, и целебные средства для применения их в случае заболевания.

Лист 42 б — четверостишие относительно употребления вина. Автор советует пить вино как можно меньше и то не ежедневно, запрещает употребление вина после тонких и острых блюд; пить до пьяного состояния разрешается им только один раз в месяц (Прилож. XIII).

---

[1] Ср.: Steinschneider, op. cit., p. 680. Он считает, что этот вокабуларий принадлежит анонимному автору.

[2] Ibid., p. 684. — Cat. Lugd.-Bat., p. 315, 2.

[3] Steinschneider, HÜb., §§ 444—445.

Сличение еврейского перевода с арабским оригиналом в отношении содержания и внешней формы изложения трактуемых проблем, озаглавленных в обоих текстах, показывает: 1) что первый передает смысл второго обще, но не дословно; 2) что число стихов в еврейском тексте не соответствует их числу в оригинале; наконец, 3) что упомянутые еврейская и арабская рукописи представляют два варианта (см. Прилож. XII и XIII).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из громадного литературного наследия средневекового мыслителя Авиценны, наследия, охватывающего все научные дисциплины его времени, сочинения „Канон“ и „Урджуза“ сыграли колоссальную роль в прогрессе медицинских наук. Эти классические творения, особенно „Канон“, проникшие в Западную Европу и переведенные там на латинский и еврейский языки, заняли доминирующее место в практике и теории этой отрасли знания. Такое положение они занимали несколько столетий. Начиная с эпохи Возрождения, когда антично-греческая культура стала изучаться непосредственно в оригиналах, за этими книгами, как и за всей интеллектуальной продукцией средневековья, осталось скромное значение исторических памятников.

Имея в виду, что „Канон“ Авиценны представляет собою энциклопедию древнемедицинских систем, включая ирано-индийскую, автор настоящей статьи считал бы целесообразным сделать это произведение, как материал по истории медицины, доступным советскому врачебному миру. Реализовать эту идею возможно путем образования комиссии из соответствующих специалистов для всестороннего изучения этого сочинения и перевода хотя бы некоторых его частей на русский язык. Можно априорно сказать, что уже на первых порах результаты этого труда дали бы много ценного исторического материала всему медицинскому миру великой Страны Советов. В Сталинскую эпоху расцвета советской науки и культуры эта идея вполне осуществима.

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

АРАБЫ VI в. ПО СИРИЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ

1. СИРИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

История арабов до образования халифата все еще не получила исчерпывающей обработки. Недостаточное внимание к сирийским источникам имеет для этого факта не последнее значение, так как эти источники дают первостепенной важности материал. То, что почерпнуто из греческой историографии и сохранялось у арабских писателей, не может создать полной картины.

Византийские хронографы неоднократно упоминают об арабах, но эти сведения отрывочны, бессвязны, из них можно лишь с трудом составить прерывистую цепь имен князей и филархов. В них отсутствует представление о внутреннем строе жизни арабов. Византия целиком унаследовала кичливое самомнение Рима; для ромеев (*Ῥωμαῖοι*), как себя называли византийцы, все восточные народы были варварами, для них был варварским и Иран, в культурном отношении не только не уступавший, но во многих отношениях достигший более высокого уровня развития. Тем более арабские племена казались им полудиким, едва достойным внимания народом. Ограниченное число греческих надписей позволяет установить некоторые даты, титулатуру и только. Для хронологических данных и отдельных фактов византийские источники дают наиболее точные и верные сведения.

Утеря пехлевийской литературы, несомненно, сыграла роль в отсутствии материалов для этой эпохи об арабах. В арабской литературе также сохранилось немногое. Поэты содержат материал, ограниченный по количеству и вызывающий большие сомнения по качеству. Тенденции генеалогий опереться на связи, фактически не существовавшие, не выдерживают критического анализа. У географов и историков их также немного. Наиболее достоверны сведения, сообщенные Табари, но на его рассказах есть налет романтики, разукрашенности, легенды, они представляют собою, несомненно, разультаты более поздней обработки. В основном этот историк глубже и лучше понимал жизнь арабского мира, чем греки, но он воспринимал его через призму современных ему событий эпохи халифата.

При таком положении сирийские источники приобретают исключительное значение и ценность уже по одному тому, что их свидетельства записаны современниками, писателями VI в. Своеобразное положение сирийцев давало им превосходную осведомленность в условиях жизни как Византии, так и Ирана. За сирийским языком упрочилось положение дипломатического и торгового языка Ближнего Востока. Сирийцы обычно бывали толмачами и членами посольств от Византии к шахан-шаху и от Ирана к императору. Для сирийцев и арабы были

близкой и хорошо известной народностью, с представителями которой они постоянно встречались. Многие сирийцы владели родственным им арабским языком, превосходно знали греческий и пехлеви. Утеряв еще в III в. самостоятельное государственное устройство, сирийцы к нему больше не возвращались и жили подданными Ирана и Византии. Арабские племена, которые хотя и жили в непрерывной вражде друг с другом, сумели, однако, создать государство и отстоять его относительную самостоятельность. Обладая военной силой, они были признаны и византийским императором и шахан-шахом. Небольшие государственные единицы находились „под рукой" этих мощных держав, жили в сфере влияния одной или другой из них. В обоих случаях сирийцы приходили с ними в самое тесное соприкосновение, и в сирийских источниках сохранились данные как о византийских, так и об иранских арабах. В них имеются также ценнейшие материалы о южноарабских государствах, химьяритах, но последний вопрос выходит из рамок настоящего исследования, которое представляет собой главу работы, сосредоточенной на истории Междуречья.

Говоря об арабах, сирийские хроники всегда указывают: идет ли речь об арабах византийских, т. е. тяготевших к Византии и находившихся под ее „рукою", или об арабах иранских, подчинявшихся шахан-шаху. О последних в греческих хронографах сообщается особенно мало, так как непосредственно Византия с ними дела не имела. Сирийцы знали и те и другие арабские племена и государства, и в их историографии записаны страницы, которых нельзя найти в других источниках.

Одна из первых по времени сирийских хроник, упоминающая арабов, написана около 518 г. в г. Эдессе и известна под именем Иешу Стилита. Историк войн между Ираном и Византией в первом пятилетии VI в., он дает отрывочные сведения об арабах, вплетая их в свою основную тему. Именно поэтому сведения его живы, просты, непосредственны, они выхвачены прямо из жизни и органически связаны с событиями, о которых идет речь. Автор не располагает никаким особым письменным источником об арабах, но его суждения подкупают своей наблюдательностью, уменьем выделить главное, стремлением связать действия. Анализ отдельных терминов хроники в применении к арабам дает возможность остановиться на важном моменте постепенного перехода некоторых племен от кочевого к полуоседлому образу жизни, на стабилизации кочевого лагеря, когда становище делалось городом. Автору известен ряд племен, их имена, звания царьков и князей, в своем изложении он опирается на несомненно достоверные факты.

Сирийская хроника, связанная с именем Захарии Митиленского, представляет собою в одной части перевод утерянного греческого текста. Этот перевод получал целый ряд дополнений в виде сирийских легенд, пролога Мары Амидского и материалов чрезвычайно важного источника — локальной хроники из городского архива Амиды. Помимо того, хроника сохранила замечательное послание о химьяритах Симеона Бетаршамского, которое датируется 835 г. греческого счисления и 6-м годом правления Юстина, т. е. 524 г. н. э.[1] Хотя главный интерес послания сосредоточен на южных арабах, но в нем упоминаются государства гассанидов и лахмидов в выражениях, рисующих их полукочевой быт. В связи с другими рассказами хроники, арабы также упоминаются, но здесь сведения о них разбросаны и не представляют ни особой главы, ни отдельной темы, так как составитель не располагал особым, специальным источником. Но он отмечает враждебные действия и вражду между племенами,

[1] Zachariae Rhetori historia ecclesiastica, edidit Brooks. Parisiis, 1921.

подчас искусственно разжигавшиеся державами, которым эта вражда была выгодна.

10-летием позже, в 70-х и начале 80-х годов VI в., был составлен большой исторический труд Иоанна Ефесского. Несколько глав этой книги представляют собою последовательный рассказ о царях византийских арабов из дома гассанидов. В единственно уцелевшей 3-й части своего труда Иоанн дважды излагает историю Мундара бар Харита и его сыновей, в 3-й и в 6-й книгах. Объясняется это тем, что автор писал в трудных условиях гонения и не имея в своем распоряжении предшествующих частей сочинения, которые прятал от властей. Ему случалось возвращаться к темам, на которые он уже писал. В повторном его изложении нет не только дословного совпадения, но есть различие и в фактической стороне. Нет оснований предполагать, что у Иоанна был письменный источник об арабах, который он использовал. Зато, несомненно, он располагал стройной изустной традицией, которая на протяжении лет, отделяющих 3-ю книгу от 6-й, несколько изменилась и дополнилась новыми сведениями. Подробности, сообщаемые им о Мундаре бар Харите, таковы, что указывают на личное его с ним знакомство, которое состоялось во время пребывания Мундара в Константинополе, иные сведения получены им из первых рук. Иоанн дружески расположен к гассанидам, поддерживая в них, из политических соображений, клерикальную сирийскую партию монофизитов, к которой он принадлежал. Это было течение своеобразно окрашенное; „восточные" придерживались его вопреки великодержавию Константинополя, и на этой почве сирийцы и арабы стояли особенно близко друг к другу. Такое положение способствовало более тесному сближению отдельных сирийцев, в частности Иоанна Ефесского с арабским миром, более глубокому и основательному знакомству с ними. Лишь в отдельных случаях эта симпатия может быть несколько пристрастной и требовать некоторых поправок.

К сожалению, часть материала об арабах у Иоанна утеряна, так как рукопись 3-й части его труда не имеет конца, и только уцелевшие в оглавлении строки говорят об этом материале. Иоанн умер в 585 г., не закончив ценных сообщений о событиях, свидетелем которых он был.

Сирийская историография богата еще одним замечательным памятником: „Анонимной хроникой о сасанидах". Она переведена мною на русский язык и снабжена историко-литературным введением.[1] Хроника, как я доказала, состоит из двух ныне утерянных источников, из которых один представлял собой повествование о сасанидах в тесной связи с историей княжества лахмидов, находившегося в зависимости от них. Составитель хроники, житель Хузистана, дал ряд справок в конце своего труда. Тут имеется замечательный рассказ о завоевании арабами Междуречья, краткая справка об южных арабах — материал, заслуживающий специального исследования. Этот же период освещает и другой исторический труд на сирийском языке. Иоханан бар Пенкайа написал „Светскую историю", заключительная глава 2-й части которой содержит рассказ о завоевании арабами Ирана и азиатских провинций Византии (до 686 г.), свидетелем чему был он сам. Институт Востоковедения имеет рукопись „Светской истории", которая, к сожалению, не была привлечена к изданию, сделанному Минганою. Наконец, в хронике Арбелы, по существу мало достоверной, имеются отдельные сведения об арабах, не лишенные интереса.

[1] Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника времени сасанидов. Зап. Инст. востоковед., т. 7, 1939, стр. 55—78.

Историко-литературный анализ сирийских исторических сочинений приводит к выводу, что у византийских и иранских арабов существовали специальные локальные традиции. Они имели связный изустный характер, который им был дан на сирийском языке. Части ее обнаруживаются в различных сирийских источниках, как в истории Иоанна Ефесского (в главах о гасанидах), в Анонимной хронике, в эпизодах, касающихся лахмидов, в послании Симеона Бетаршамского и т. д. Традиция об арабах существовала на сирийском языке, который был культурным, торговым и дипломатическим языком Ближнего Востока, но местные предания и локальные сообщения своими корнями глубоко уходят в арабскую среду. Часть сирийцев и в Византии и в Иране тесно связаны с арабскими княжествами, которые были организованы как государственные единицы и могли служить оплотом для недовольных режимом этих государств.

В сирийских хрониках VI в., расположив их в хронологическом порядке написания, можно проследить характерные изменения в отношении крепнущей военной мощи этого народа. Если в хронике Иешу Стилита может быть отмечена известная тревога автора, с которой он говорит о нападениях и грабежах арабов, то она не больше той, с которой он сообщает о других горных племенах — кионайе, кудищайе, тимурайе, тоже грабивших мирное население и караваны. Из десятилетия в десятилетие страх перед арабами растет и у дряхлеющей Византии и в непрочном государстве сасанидов. С середины VI в. с лахмидами и гассанидами приходится все больше считаться, так как они становятся грозной силой Ближнего Востока. На страницах летописей их имена мелькают все чаще, с подобострастием говорит Иоанн о доме Харита. Для Анонимной хроники характерна усталость, покорность, чувствуется как все склонилось под вихрем арабского завоевания, которому население никак не сопротивлялось. В основе полного непротивления, пассивности, глубокого равнодушия к падению иранского владычества и власти ромеев лежат невыносимые условия социального и экономического гнета, в которых протекало существование эксплоатируемых классов. В ожесточенной борьбе за существование эти классы с легкостью шли на любые перемены, так как хуже того положения, в котором они находились, быть не могло. В этом и заключалась истинная причина легкого завоевания арабами Ирана и захвата восточных провинций Византии.

2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ У АРАБОВ

Образование двух арабских государств к началу VI в. в областях, примыкавших к Византии и Ирану, было следствием социальной перестройки, которая имела место в среде арабских племен, живших в Сирийской пустыне и Междуречье.

Примитивный уклад жизни племени изменился уже задолго до этого времени. Небольшие арабские княжества, которые в качестве государственных единиц вошли в тесное соприкосновение, с одной стороны, с Византией, с другой стороны, с Ираном, отнюдь не представляли собою примитивного, недифференцированного общества. В них совершенно четко деление на высшие и эксплоатируемые слои. Терминология сирийских хроник не оставляет в этом сомнения, и анализ этой терминологии дает возможность установить ряд положений. Несомненно, что глубокие родовые связи между членами семьи еще не были разрушены, это можно обнаружить по следующим фактам: и у гассанидов и у лахмидов братья держались вместе, к ним присоединялись и сыновья. Титул и права Мундара перешли к старшему сыну Нааману, но остальные

братья остались с ним и воевали под его командой. Семейное начало в виде рода, дома князя или царя стоит во главе данной государственной единицы. Мундар бар Харит разгневался на иранских арабов, которые вторглись в пределы „семьи Харита". Существуют „земли дома Харита" (ܐܪܥ̈ܐ ܕܒܝܬ ܚܪܬ).[1] Определенная область, следовательно, несмотря на полукочевое состояние арабов, считалась подчиненной или принадлежащей данному роду. На сочетания родовой и классовой терминологии можно указать в сообщении о Мундаре, который собрал против лахмидов „всех своих братьев, сыновей, знатных и весь свой лагерь".[2]

Обращает на себя внимание то, что „его братья" (ܐܚܘܗܝ) предшествуют „сыновьям" (ܒܢܝ), что свидетельствует об еще крепких родовых связях. Следующие в перечислении идут „его знатные", (ܪܫܝܗ̈ܐ), термин, несомненно, классового порядка, это — богатые, знатные, представляющие высший слой общества арабского государства. Последовательность терминов не случайная, родственники царя, в целом, имели предпочтение перед знатными, что подтверждается и другими текстами. Иранские арабы после смерти Харита перестали бояться соседей, они презрели „всех его сыновей, его знатных и его войска".[3] Несмотря на предпочтение, которое оказывалось в родовом порядке братьям перед сыновьями, — так Мундар просил о чем-то "с братьями и сыновьями"[4] — на формах наследования это положение не отражалось. Главенство обычно переходило от отца к сыну, а не от брата к брату, как в Киевской Руси. Более мелкие единицы, входившие в состав арабских государств, как племена, военные отряды, боевые дружины, возглавлялись старейшинами, шейхами, которых сирийские источники называют „главами". Государственная власть в Иране и Византии считала их ответственными за действия арабов и, случалось, наказывала их.[5] В полувоенных государствах арабов, не утративших до конца кочевых навыков, к народу, к массе обычно применяется термин „войско" (ܚܝܠܐ). В приведенном выше тексте говорится, что Мундар собрал „весь свой лагерь" (ܟܠ ܡܫܪܝܬܗ ܕܡܠܟ). ܡܫܪܝܬܐ имеет несколько значений.[6] Так может быть названо войско exercitus, для обозначения которого, однако, более обычен термин ܚܝܠܐ. Наиболее точно значение слова mašrita передает „лагерь" (castra), а в данном контексте обозначает войска, находившиеся в лагере Мундара, в непосредственной к нему близости, окружавшие его. Войско арабов, рядовые воины, в условиях полукочевой и полувоенной жизни были слоем свободных людей, труд которых использовался в своих интересах шейхами и князьями, богатыми и знатными. Рядовое войско несло тяжелый труд и подвергалось в войне наибольшей опасности, вознаграждение за которое было мало, а доля при дележе добычи ничтожна. Основоположниками марксизма указывалось не раз, что родовые и племенные традиции народов сохранялись надолго. Свободное войско арабского царя имело свои сходы, собрания, нечто в роде веча. Для того чтобы поднять дух войска, Мундар и Нааман обращаются

---

[1] Joh. Ephes., 6, 3. Cureton, p. 345.
[2] Там же.
[3] Joh. Ephes., 4, 36, Cureton, p. 261.
[4] Там же.
[5] Иешу Стилит, § 88. — Wright. Chronicle of Joshus the Stylite. Cambridge, 1882, p. 82. Русский перевод сирийской хроники см. Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. н. э. Ленинград, 1940 г., стр. 130—170. Параграфы соответствуют как сирийскому тексту, изданному Райтом, так и русскому переводу.
[6] Brockelmann. Lexicon syriacum, Halis saxonum, 1928, p. 804. — Payne-Smith. Thesaurus syriacus, col. 4320. Oxoniae, 1901.

к собравшимся воинам с речами. Такие обращения известны и в византийском и в персидском войске и сами по себе не могли бы служить доказательством для существования сходов или веча у арабов. Но имеется одно замечательное, опять же сирийское свидетельство. Мундар бар Харит, опасаясь враждебных действий со стороны Византии, удалился в пустыню и там разбил лагерь. Никаких посланцев от Константинополя он не принимал и был „готов к бою против всякого, кто осмелится приблизиться к месту собрания лагеря“ (ܡܬܚܙܝܢ ܩܪܒܐ).[1] Здесь, следовательно, оберегается место собрания лагеря, locus constitutus, место сборищ у палаток,[2] иначе говоря, вечевое место, на которое можно было собирать для переговоров войска. Созывать могли колоколом, билом, трубным звуком, звуком рожка, как собирали войско вообще.[3] Этим объясняется, что Мундар был готов к бою против всякого, пришедшего из Византии и покусившегося приблизиться к месту собрания войск или, может быть, пытавшегося собрать войска. Не исключена возможность, что поблизости находилась и палатка самого царя. Арабское войско (ܥܡܐ) состояло, следовательно, из свободных людей, сохранивших традиции племени или союза племен, имевших свои собрания.

Помимо войска, был еще слой, эксплоатируемый самым суровым образом, — это были погонщики скота, пастухи, сторожа, чабаны, обозники и т. п., которые являлись одной из основ хозяйственной жизни арабского государства. Изменения условий жизни, переход к состоянию более оседлому должны были побудить арабов приняться за некоторые формы земледельческого труда. Такого рода оседание, если и происходило, то весьма медленно и ни в какой степени не могло удовлетворить растущих потребностей. В условиях кочевой жизни пустынь араб умел добыть все необходимое себе и скоту. При стабилизации жизни необходимость иметь постоянную пищу и фураж для поддержания войска определила необходимость получать анноны. Требования, которые господствующий класс арабского государства гассанидов предъявлял Византии за несение военной службы, сводились к вознаграждению в форме натуральных выдач и денег. Следствием изменения условий жизни является и нарастающая потребность увеличить количество рабочей силы, которая вербовалась из военнопленных, превращаемых в рабов. Энгельс превосходно сформулировал это в словах: „Стоило привлекать новые рабочие силы. Война доставляла их: военнопленные стали обращаться в рабов“.[4] В свете этих слов становятся совершенно ясными социальные причины массовых захватов в плен, угон людей с территории, о которых беспрестанно сообщают источники, рассказывая о нападении арабов. Основой производства этого периода для стабилизующихся государств арабов были рабы, в частности рабы-военнопленные. В восточных азиатских провинциях Византии, как мною было доказано в предшествующем исследовании, хотя колонат был уже ведущим, рабство оставалось одним из основных укладов, каким оно было и в Иране. Для арабов пленники имели еще то значение, что были, несомненно, проводниками культуры, так как греки, сирийцы, персы, евреи, с которыми они приходили в соприкосновение, имели более высокий уровень развития, чем арабы. Необходимо отметить и то, что их государства складывались в непосредственном соседстве и, отчасти, зависимости от

[1] Joh. Ephes., 6, 4. Cureton, p. 348.
[2] Brockelmann, p. 185.
[3] Иешу Стилит, § 51. — Wright, p. 47.
[4] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, часть I, стр. 137.

государств старых, с развитыми торговыми связями, которые имели значение и для арабов. Пленные использовались ими не только непосредственно, как рабочая сила, но они служили и предметом торговли, были живым товаром, едва ли не более выгодным, чем все другие виды товаров.

Результат анализа социальной терминологии и расслоения арабских государств VI в. дает картину общества, уже ушедшего от родового строя и имеющего черты классовой структуры. Всего правильнее охарактеризовать такое государство как племенной союз, стоящий на грани доклассового и классового общества, причем одним из основных укладов данного общественного строя является уклад рабовладельческий, в котором удельный вес рабов-военнопленных велик. Концепция Энгельса, изложенная им в классическом труде „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ находит здесь новую, яркую иллюстрацию.

Сирийские хроники, в согласии с другими источниками, устанавливают тот факт, что скотоводство было основным занятием арабов. Они сообщают о табунах лошадей, стадах верблюдов, рогатого и вьючного скота, бывшего в их собственности. В этом случае кочевой или полукочевой образ жизни неизбежен, так как передвижение, перегон скота был необходимостью. Здесь необходимо отметить, что под властью гассанидов и лахмидов находились определенные пространства земли. Про Мундара говорится,[1] что он „отправился и разбил свою палатку в области Кабоса, в трех днях пути, там, где были все стада и все имущество персидских арабов. Он оставался там долгое время“. Если какое-нибудь племя кочевало на этих пространствах, оно выплачивало дань, находясь в непосредственной связи с князем или царем, роду которого принадлежали эти земли. Можно указать и на другое явление, представляющее собою пережиток более отдаленного времени, когда одно племя являлось данником другого и было ему подчинено, независимо от территории, на которой оно кочевало. Так, в споре между Харитом и Мундаром за торговый путь между Дамаском и Цирцезиумом Мундар утверждал, что племена, кочующие на прилегавших к Strata пастбищах, издавна платили дань лахмидам, и он не собирался уступать этого права.[2] В то же время он не оспаривал факта принадлежности этого пути с древнейшего времени „ромеям“, на чем настаивал Харит. Племя, следовательно, платило дань и независимо от территории, на которой оно кочевало.

Для характеристики постепенной и медленной стабилизации самых государственных центров, столиц арабских княжеств VI в., характерны выражения сирийских хроник. Прежде всего это был лагерь, стоянка, которая передвигалась и кочевала.[3] Самое название столицы лахмидов, которая стала впоследствии городом ܚܝܪܬܐ, арабская al Hira, по-сирийски значит лагерь. Иешу Стилит место пребывания царя Наамана называет лагерем ܚܝܪܬܐ — castrum. Чтобы уточнить название, сделать ясным, о чьем или каком лагере идет речь, сирийские писатели обычно дополняют имя царя, в данном случае Наамана. Хирта Нааманова, говорится о ней (ܚܝܪܬܐ ܕܢܥܡܢ), или хирта дома Нааманова (ܚܝܪܬܐ ܒܝܬ ܕܢܥܡܢ).[4]

В ранних текстах „хирта“ не имеет другого названия, к ней избегают прилагать термины „город“ (ܩܪܬܐ), он появляется в примене-

[1] Joh. Ephes., 6, 3. Cureton, p. 345.
[2] Procopius Cesarensis. De bello persico, II, 1. Ed. Haury, p. 150.
[3] Noeldeke. Die Ghassanidischen Fürste aus dem Hause Gafna's, p. 48, Abh. d. Akad. d. Wiss. Berlin, 1887.
[4] Joh. Ephes., 10. Cureton, p. 352. — Assemani. Bibliotheca Orientalis, t. III (2). p. 456.

нии к ней лишь позднее, при ее стабилизации. Для первой половины VI в. это — лагерь, как и всякий другой, который определяется собственным именем царя, князя, шейха. В иных случаях лагерь называется лагерем семьи или дома Наамана, тем самым связывая его с родовой или семейной традицией. Из анализа следующих строк, написанных в начале VI в., очевидно, что лагерь еще не имел постоянной географической точки, не стабилизировался.

„Ромейские арабы, называемые талабитами, отправились в хирту Нааманову и нашли караван, который отправлялся к нему, и верблюдов, нагруженных для него. Они напали на них, уничтожили их и захватили верблюдов, в хирте же не остановились (ܚܝܪܬܐ), потому что она удалилась в глубь пустыни".[1] У Иоанна Ефесского, писавшего позднее, в 70-х и 80-х годах VI в., встречается подобное выражение о лагере гассанидов, бывших федератами Византии. После нападения на провинции Аравии и Сирии арабы „удалились в глубь пустыни, разбили там большой лагерь (ܚܝܪܬܐ) и делили там добычу".[2] Хирта была таким образом именем нарицательным, обозначающим лагерь вообще, и применялось безразлично и у византийских и у иранских арабов. Один из гассанидов, Мундар бар Харит, опасается оставить свой лагерь, считая его малозащищенным местом. „Хотя я слуга императора, — говорит он,— но нельзя требовать, чтобы я пришел, особенно в настоящее время. Я не могу покинуть свой лагерь (хирту) без того, чтобы не пришли персидские арабы и не полонили жен и детей и не захватили все, что я имею".[3]

Об отсутствии постоянного места жительства, о постоянном передвижении арабов на данной ступени перехода от кочевого к оседлому образу жизни, однако уже в пределах принадлежащей княжескому или царскому роду земель, говорит Симеон Бетаршамский. В его письме, датируемом 524 г. н. э., говорится, что направляясь из хирты Нааманової, „мы проехали по пустыне на юго-восток десять дней пути и встретили Мундара против (ܛܘܪܐ) гор, называемых песочными, на арабском языке — Рамлех. Когда мы вошли в лагерь (ܡܚܝܪܬܐ) Мундара..."[4] Очевидно, лагерь находился в горах, и десятидневный путь туда пролегал по пустыне.

Здесь, в лагере, они нашли маадейцев и других арабов-язычников, которые находились у Мундара.

Из другого источника известно, что один из сыновей Мундара пас табуны лошадей, на него напали иранские арабы и увели его в плен. Там он был принесен в жертву арабской Афродите — богине Уззе (ܥܙܝ), почитаемой Аламундаром. Свидетельство Прокопия[5] говорит о простоте жизни гассанидов, поскольку сын Арефы сам пас табуны. Он, очевидно, находился в отдалении от лагеря или становища и кочевал со своими стадами.

С течением времени, однако, арабы стали приходить ближе к старым городам Передней Азии, и их собственные стоянки приобрели прочные, неподвижные строения и постоянную географическую точку. Лагерь обрастает укреплениями и высокими валами, и тогда он начинает претендовать на название города. Так, лагерь лахмидов стал городом

[1] Иешу Стилит, § 57.—Wright, p. 54.
[2] Joh. Ephes., 3, 42. Cureton, p. 217.
[3] Joh. Ephes., 3, 41. Cureton, p. 216.
[4] Zachariae Rhetori historia ecclesiastica, edidit Brooks, 8, 3 t. II. p. 64. Parisiis, 1921.
[5] Procopius Cesarensis. De bello persico, II, 28. Ed. Haury, p. 284.

Хиртой или Хирой (al Hira, как собственное имя), и о нем стали говорить: ܚܝܪܬܐ ܪܒܬܐ ܕܥܪܒܝܐ ܚܝܪܬܐ 'Хирта, большой город арабов.'[1]

Скотоводство и кочевая жизнь выработали у арабов ряд качеств боевого порядка. Арабская конница славилась своим быстрым, легким движением, внезапным появлением в тылу у противника и таким же быстрым исчезновением. Для кочевников в период постепенной стабилизации, когда примитивное родовое общество распадалось, становясь дифференцированным, классовым обществом, война, набеги, нападения были явлением обыденным. Для истории арабских государств военный строй, техника вооружения, способы ведения войны имеют выдающееся значение.

Богатые города Месопотамии и Сирии, обнесенные высокими неприступными стенами, не могли служить объектом для нападения арабов. О том, что они брали города, нет речи, они не умели справиться и с самыми невысокими укреплениями. Ни со стороны Византии, ни со стороны Ирана таких заданий арабским федератам и не дается. Действия их конницы и меткая стрельба из лука используются иначе.[2] Такие города, как Сергиополь, расположенный в пустыне, были обнесены низкими стенами, которых было достаточно, чтобы остановить нападение арабов. „Ибо по природе арабы не способны осаждать стены (τειχομαχεῖν), и если случится стена ничтожная и сложенная из глины, она является препятствием для их натиска", — пишет Прокопий Кесарийский.[3]

Вопроса о технике, которой впоследствии арабы овладели в совершенстве, я коснулась в специальном исследовании „Укрепления месопотамских городов VI в.".

Селения, поля, виноградники, особенно же стада скота и торговые караваны, были от арабов в постоянной опасности. С незапамятных времен караванные пути требовали охраны от нападения кочевых племен. Война и грабеж были способом примитивного обогащения высших классов, богатых (ܒܥܠܐ), княжеских и царских родов, шейхов (ܫܝܟܐ), которые составляли верхи государства. В полувоенном строе, в военных действиях их эксплоатация сказывалась в том, что рядовые воины переносили наибольшую опасность, а при разделе добычи получали меньше всех. Добыча, захваченная при нападениях, награбленное имущество, скот, сельскохозяйственные продукты, военнопленные в качестве рабов — все было предметом обогащения для победителей.

Собираясь в поход против Византии в 493/4 г., Кавад заручился помощью эфталитов, пообещав племенам тимурайе участие в военной добыче, присоединил их и „кудишайе, которые жили близь Низибии", к своим войскам. Что касается арабов, то их убеждать принять участие в походе на Византию Каваду не пришлось. Про „арабов персидских, которые никогда не успокаиваются и не отдыхают",[4] летописец простодушно сообщает, что „когда они узнали, что подготовляется война с ромеями, то поспешно сами собрались к Каваду".[5] Причиной служила, как обычно, возможность обогатиться. Добыча, захваченная в войне, подлежала распределению.

Насколько в дележе права сильных и богатых преобладали над всем,— очевидно из ряда фактов, сообщаемых как об арабах, так и об Иране.

[1] Assemani, t. III (1), p. 88.
[2] Иешу Стилит, § 62. — Wright, p. 62.
[3] Procopius. De aedificiis, II, 9, p. 235.
[4] Иешу Стилит, § 88. — Wright, p. 82.
[5] Иешу Стилит, § 24. — Wright, p. 19.

У арабов добыча не оставалась в собственности у лиц, случайно ее захвативших, она была предметом дележа, распределения. Совершив набег на ряд селений Аравии и Сирии, арабы „собрали бесчисленное множество имущества и добычи". После этого они „удалились в глубь пустыни, разбили там большой лагерь и делили добычу, будучи бдительными, готовыми к битве и оберегаясь со всех сторон".[1] Приведенный текст говорит о дележе добычи, он сообщает о важнейшем моменте, о результатах, ради которых и велась вся война. Боясь, чтобы награбленное не было отнято, и в связи с необходимостью обезопасить себя в момент распределения, когда страсти разгорались, они скрываются в пустыню и оберегаются со всех сторон. Львиная доля бесспорно принадлежала царю, или шейху, и его родичам. В последующем порядке наступала очередь знатных и богатых (ܐܦܢܝܐ) и, наконец, войска. Дележу подлежали не только предметы, пищевые продукты, одежда, но и скот, и военнопленные.

В статье судебника Мхитара Гоша XII в. сообщается о том, как происходил дележ добычи в феодальный период. Долю царя составляли золото и серебро.[2] О том, что это была традиция весьма древняя, говорит то обстоятельство, что при захвате Амида Кавадом I в 503 г. все драгоценные металлы приносятся ему. Примеры эти можно умножить, и они подтверждают, что деление добычи и в более раннее время производилось по определенному принципу. Ближайший к Мундару правитель, нечто вроде визиря, получал четвертую долю добычи.[3] Можно напомнить страницу из хроники псевдо-Захарии Митиленского, где перечисляются разнообразные предметы, которые Кавад отправляет из захваченного им Амида в свою столицу.[4]

Защита границ предъявляла все новые требования и Ирану и Византии. Они оберегались друг от друга и от более мелких, но беспокойных соседей. От Рима Византия унаследовала систему защиты границ путем поселения ветеранов и привлечения к несению охраны федератами. Та же необходимость заставила Иран войти в сношение с белыми гуннами, эфталитами, на севере, для того, чтобы иметь помощь в защите Кавказской и Среднеазиатской границ. На юге сасаниды взяли под свою руку арабское государство лахмидов с тем, чтобы они защищали юго-восточную границу от кочевников гор и пустынь.

Если в условиях кочевой жизни арабы имели возможность добывать необходимое пропитание себе и своему скоту, то в новых условиях оседлой и полуоседлой жизни потребности должны были удовлетворяться иным путем. В новых условиях арабские государства и племена оказались в экономической зависимости от более мощных держав. Византия и Иран брали на себя известные обязательства перед арабами, они оплачивали их и создавали условия, при которых те могли бы выполнять взятые на себя обязательства.

В Византии, поскольку она имела вековой опыт в содержании федератов, их вознаграждение разрешалось в общем порядке. Прежде всего это были annonae, т. е. выдачи в натуральном виде — зерно, хлеб, масло, вино, фураж для скота. Эти отчисления были основой для содержания арабского войска, к которой присовокуплялась и денежная оплата — „золото" (ܕܗܒܐ), способствовавшие торговым оборотам верхов арабского государства.

[1] Joh. Ephes., 3, 42. Cureton, pp. 217—218.
[2] Сборник Фердовси, Л., 1934, стр. 84—86.
[3] Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden in al-Hîra. Berlin, 1899, p. 133.
[4] Zachariae Rhetori hiistoria ecclesiastica, edidit Brooks, 7, 4, t. II, p. 29.

Насколько большое значение в жизни гассанидов имела annona militaris, с одной стороны, и насколько страшны были федераты, вышедшие из повиновения, — с другой, можно судить по следующему эпизоду, переданному первоклассным по исторической достоверности в подобных вопросах источником, каким является Иоанн Ефесский.

„Четверо сыновей Мундара, особенно же старший, по имени Нааман, муж гораздо более Мундара умный и боеспособный, собрали свои войска и напали на крепость Магна (о нем подробности ниже), который также направился к императору. Помимо того, что они полонили, убили людей и сожгли, они все ограбили и захватили: золото, серебро, медь, железо, всякую одежду из шерсти и льна, зерно, вино, масло. Они забрали все стада скота всякого рода, которые попали в руки, все стада волов, стада баранов и коз. Войска арабов продвигались и грабили все селения Аравии и Сирии вокруг и собрали бесчисленное множество имущества и добычи. Тогда они удалились в глубь пустыни, разбили там большой лагерь и делили добычу, будучи бдительными, готовыми к битве и оберегаясь со всех сторон. И вновь они выходили, грабили, обирали и уходили в пустыню, так что перед ними в страхе была вся восточная область до моря, [— люди —] же бежали в города и не осмеливались являться перед ними.

„Когда правители области (ܪܫܝܟܐ ܕܒܝܬ̈ܐ) и главнокомандующие (ܡܫܠܝܢ ܒ̈ܐ) послали к ним [— сказать —]: «Почему вы все это делаете?» Они послали [— ответить —]: «зачем император взял в плен нашего отца после всех трудов, побед и подвигов, которыми он за него потрудился и был отягощен. Он прекратил нам анноны (ܡܛܪ ܡܢܐ 'срезал выдачу аннон'), нам нечем было жить, и поэтому мы были вынуждены так поступить, но мы не убивали и не жгли»".[1]

Отрывок превосходно обрисовывает действия арабов, страх перед ними населения и бессилие Византии справиться с ними. Характерна мотивировка действий арабов. Четыре сына Мундара бар Харит (Аламундар греческих хронографов), во главе со старшим братом Нааманом, были поставлены в безвыходное положение, так как Константинополь прекратил, „урезал" выдачу аннон. „Нам нечем было жить", — объяснили они византийским властям свои грабежи. Войско, боевой и вьючный скот не могли оставаться внезапно без продуктов и фуража. „Мы были вынуждены так поступить", — говорится в том же ответе гассанидов ромеям. Экономические затруднения побудили их прибегнуть к той примитивной форме возмещения, какими являлись война и грабежи. Перечисленные летописцем виды добычи свидетельствуют о том, что арабы, прежде всего, стремились захватить сельскохозяйственную продукцию, которая возместила бы им недостающие анноны. Они забрали зерно, вино, масло, загнали стада рогатого скота. Одежда из шерсти и льна была готовым предметом потребления, весьма нужным для народа со слабым развитием ремесел. Особого внимания заслуживает захват металлов — золота, серебра, меди и железа. Ценные металлы были предметом вожделенным для народов Ближнего Востока, втянутых с древнейших времен в той или другой степени в торговые отношения. „Золота" требовали как выкупа за осажденный город, как награды за несение сторожевой охраны на границе. И для арабов золото и серебро были ценностью, которая пускалась ими в торговый оборот. Что касается меди и железа, то в этом случае они могли стремиться захватить пред-

[1] Joh. Ephes., 3, 42. Cureton, pp. 217—218.

меты или оружие, выработка которых у греков, сирийцев и персов производилась с величайшим, недостижимым для вчерашних кочевников искусством.

Прямыми свидетельствами о том, как складывались экономические отношения между лахмидами и Ираном, источники не располагают, но, несомненно, эти отношения были сходны с теми формами оплаты и вознаграждения, которые известны о гассанидах. Зависимость экономическая, не только политическая, небольших арабских княжеств от мощных государств в VI в. является одним из существенных фактов, обусловливавших их взаимоотношения и с Византией и с Ираном.

3. ВИЗАНТИЙСКИЕ АРАБЫ

В качестве союзников Византии арабы должны были нести военную службу. Их положение может быть сопоставлено с тем, которое занимали германские племена в качестве федератов империи. Последние служили на жаловании, выплачиваемом князю или предводителю племени, обязанному содержать и поддерживать боеспособность дружины. В отношении западных федератов Византии выяснение условий этих соглашений не составило затруднений, так как сохранились договоры, характеризующие взаимные обязанности сторон. Относительно арабов такого материала не сохранилось, но уже приведенные выше данные говорят о существовании известных обязательств и условий, на основании которых арабы оберегали границы Византии. К обязательствам последней принадлежала оплата, выдача аннон и т. д. Арабское войско, с своей стороны, выступало по требованию своей мощной соседки. Сыновья Мундара бар Харита напоминают византийским властям о „трудах" своего отца и „тягостях", которые он перенес ради защиты ромейской границы. В войнах с Ираном арабы действуют под общим византийским командованием и выполняют его поручения. Однако непосредственными начальниками и полководцами их войска оставались шейхи и царь.

Византийским хронографам известен ряд арабских имен, представлявших полководцев и князей.

Под 5990 г. (при Анастасии, около 490 г. н. э.) Феофан сообщает о набегах Арефы-Харита (τοῦ τῆς Θαλαβάνης ὀνομαζομένου παιδός), называемом сыном Талабана. Само собою напрашивается сближение с таалабитами, которые известны и по сирийской хронике Иешу Стилита. Арефа напал на Палестину, где представителем власти Константинополя был Роман (τῆς ἐν Παλαστίνῃ δυνάμεως ἄρχον), разбил его и „другого скинита, называемого Габалом".[1] Арабы скиниты, т. е. жившие в палатках, от чего, очевидно, и произошло их название, по указанию того же Феофана, нападали на Евфратезию. Имя Арефы упоминается неоднократно в хронике Иоанна Малалы, где ему присваивается звание филарха.[2] Он получил его, вероятно, в 529 г. Присвоение ему титула было вызвано особенно обострившейся борьбой с лахмидами, разорявшими византийские пределы при полном попустительстве, если только не по специальному заданию, Ирана. Вся тяжесть борьбы с ними ложилась на те арабские племена, которые находились под протекторатом Константинополя, поэтому было естественно создать им преимущества. Официальное звание Арефы и последующих гассанидов было πατρίκιος καί φύλαρχος, оно сохранилось в одной из греческих надписей и в летописной традиции.[3] Сирийские хроники присваивают Мундару бар Хариту,

[1] Theophanes. Chronographia, edidit de Boor. Lipsiae, 1883, p. 141.
[2] Joannes Malalas. Chronographia, edidit. Dindorfiues, p. 434.
[3] Theophanes, p. 240.

Нааману, так же как и лахмидам, титул царя (ܡܠܟܐ, ܡܠܟܐ ܕܡܠܟܐ).[1] В точном переводе это — царь, но, к сожалению, в сирийском термин никак не вариируется. Византийский император также называется malka, то же наименование получает и иранский царь царей. Только рядовые вожди арабских племен или полководцы зовутся ܪܫܝ 'главы, шейхи, вожди'. Звание патрикия на греческом языке дополнялось наименованием „славного" (ἐνδοξότατος), чему соответственно, в сирийском появляется ܡܓܝܕ и ܡܓܝܕ.[2] Зависимость арабских племен от Византии сказывалась и на разрешении вопросов престолонаследия. Константинополь оказывал давление, и случалось, что смещал недостаточно послушного шейха. Так, например, „когда Тиверий услыхал относительно сыновей Мундара, он весьма разгневался и снова послал обратно Магна, чтобы тот сделал царем брата Мундара, вместо него, а сыновей Мундара, если сможет хитростью или обманом, в восстании или в бою, подчинил и захватил".[3] От византийского государства исходило согласие, утверждение царя тех арабов, которые находились „под его рукой". При Анастасии только после заключения мира с „Арефой, сыном Талабана, отцом Вадихарима и Агара", начали „наслаждаться спокойствием" и миром Палестина, Аравия и Финикия.[4] Новыми отличиями Константинополь стремился задобрить, завоевать доверие, приобрести верность арабов. Знатным, шейхам, военачальникам даются титулы и знаки отличия. Иоанн Ефесский сообщает о торжественном въезде Мундара и его сыновей 8 февраля 580 г. в столицу. Здесь они были прекрасно, торжественно (ܒܫܦܝܪ) приняты. Мундару была дана „царская корона" (ܟܠܝܠܐ ܕܡܠܟܘܬܐ), кроме того, император Тиверий „удостоил короной царства" и двух его сыновей, с которыми он прибыл. Историк добавляет: „до этого не бывало, чтобы давали ее царям арабским." Они получали только повязку или кольцо на голову (ܟܠܝܠܐ), которая на них возлагалась.[5] Кроме того, Тиверий одарил Мундара „царскими подарками" и „сделал ему все, что он пожелал". Встреча, следовательно, была торжественной и может быть расценена как признак растущего беспокойства Византии. Между получением титула патрикия, который гассаниды считали за великую честь и довольствовались им в 529 г., и поднесением короны в 580 г. прошло 50 лет. В эти годы могущество и сила арабского государства значительно возросли, увеличилось число племен, которые вошли в его состав, окрепли связи — все это вынуждало решительно считаться с гассанидами.

Во время военных действий, под общим руководством, Византия использовала свои арабские войска. Иоанн Ефесский рассказывает: „Снова Маврикий и Мундар бар Харит, царь арабский, собрали вместе свои войска и вошли в персидские пределы по дороге пустынь. Они вторглись и вошли в персидские земли на много парасангов (ܦܪܣܐ) до самой области Бет Арамайе". В данном случае совместные действия окончились полной неудачей, так как большой мост, через который они думали перебраться, оказался сломанным персами. „В этом Маврикий и Мундар и их войска усмотрели для себя большое унижение, особенно ромеи".[6] Между военачальниками произошли ссоры, Маврикий считал, что будто бы Мундар выдал их замыслы и послал предупредить Иран.

[1] Joh. Ephes., 4, 21. Cureton, p. 251; ibid., 3, 40. Cureton, p. 214.
[2] Joh., Ephes., 4, 42. Cureton, p. 271.
[3] Joh Ephes., 3, 43, Cureton, p. 219.
[4] Theophanes, p. 144.
[5] Joh. Ephes. 4, 42. Cureton, p. 271—272.
[6] Joh. Ephes., 6, 16. Cureton, p. 383.

Это послужило поводом для неудовольствия и подозрений против него а затем и преследований со стороны Константинополя.

Повадку допускать войска федератов к разрешению внутренних конфликтов государства Византия перенесла с запада на восток. В 529 г. в Палестине разразился самарянский мятеж. Движение было мощным, оно отозвалось и в прилегавших областях, и подавляли его с ужасающей жестокостью. В числе усмирителей хронограф Иоанна Малалы называет и „филарха" византийских арабов, который за оказанные услуги получил значительную долю в добыче, в частности военнопленными-рабами.[1] Располагая арабскими войсками, Византия произвела усмирение их силами. Звание „патрикия", полученное гассанидом, как уже указывалось выше, было им приобретено в связи и с этой „услугой", оказанной им ромеям.

Таким образом в ряде случаев арабы бывали оружием в руках своей мощной соседки, но можно указать и на другие факты, говорящие о том, что арабские племена сохраняли за собой свободу действий, поступали независимо, в своих интересах и за свой страх.

Так, в 502/3 г. „арабы персидские пошли к Хабору, против них выступил Тимострат дукс Калиникуса (Ракки) и уничтожили их. Также и ромейские арабы, называемые таалабитами (ܬܥܠܒܝܐ ܛܝܡܪܐ), отправились в Хирту Нааманову и нашли караван, который отправлялся к нему, и верблюдов, нагруженных для него. Они напали на них, перерезали их и захватили верблюдов..."[2]

Независимость, с которой арабы действовали друг против друга, была инициативой их высшего класса, но наталкивало их на это государство, считавшее их „под своей рукой." Случалось, однако, что их поведение ставило союзника в затруднительное положение; так, например, во время мирных переговоров между Ираном и Византией арабские шейхи понесли наказание за свои набеги, не санкционированные их мощными соседками. Под 505 г. летописец сообщает: „Арабы персидские, которые никогда не успокаиваются и не отдыхают, перешли в ромейские пределы помимо персов и полонили две деревни. Когда об этом узнал персидский марзбан, бывший в Низибии, он схватил их шейхов (ܫܝܟ̈ܐ) и убил их. Также и ромейские арабы без приказания [— sic! —] перешли в персидские пределы и взяли в плен одно селение".[3] Об этом было донесено главнокомандующему византийских войск, имевшему звание magister militum per Orientem. Тот послал соответствующее распоряжение дуксу города Калиникуса (Ракки) Тимострату. „Тимострат схватил пятерых шейхов (ܫܝܟ̈ܐ), двух из них убил, а троих пропял на дереве".[4] В этом случае, в виде исключения, с предводителями арабов жестоко разделались с обеих сторон. Объясняется это только тем, что в данный момент обоим государствам было важно, чтобы мирные переговоры не были нарушены и проходили в относительно покойной обстановке.

Автор сирийской хроники начала VI в. превосходно сформулировал в кратких словах, обращенных к своему корреспонденту, сущность положения арабов между двумя государствами: „Ромейские арабы перешли Тигр (Деклат) перед собой и стали грабить, забирать в плен и уничтожать все, что они нашли в персидских пределах. Так как я знаю, что всякое дело ты изучаешь тщательно, то да будет тебе известно и то, что для арабов обеих сторон эта война была источником большой выгоды и они творили свою собственную волю в обоих государствах".[5]

[1] Joannes Malalas, pp. 445—447.
[2] Иешу Стилит, § 57. — Wright, p. 54.
[3] Иешу Стилит, § 88. — Wright, p. 82.
[4] Там же.
[5] Иешу Стилит, § 79. — Wright, p. 75.

В настоящее время данные о гассанидах[1] могут быть в значительной степени дополнены, так как сведения сирийской хроники распространяются и на отдельных лиц, до того времени не известных или считавшихся легендарными. Таковы приведенные выше сведения о Харите, о Наамане, о Мундаре. Для примера можно указать и на то, что в приписываемых an Nabigha стихах генеалогического характера упомянуты две женщины, по имени Хинд[2] — имя, известное и Табари. Одну из них называет Анонимная хроника, которая считает ее сестрой Наамана.[3] На этом примере можно убедиться в том, что некоторые арабские традиции, запечатленные у поэтов, не лишены исторической основы, и возможно, что пересмотрев их с новыми данными в руках, исследователь может извлечь из них достоверный материал.

4. АРАБСКОЕ ГОСУДАРСТВО ХИРЫ

О государстве Хиры сохранились данные в арабских и сирийских источниках. В хронике Табари имеются сведения о Хире двоякого рода. Часть представляет собою даже не летопись, а краткие лаконичные заметки, дающие в хронологической последовательности имена князей, генеалогические связи и число лет их царствования. В этих кратких таблицах какое бы то ни было летоисчисление отсутствует и хронология может быть восстановлена лишь с относительной вероятностью благодаря тому, что время правления арабских князей сопоставляется с царствованием иранских шахов. Кроме того, в части, касающейся VI в., Табари приводит ряд последовательных рассказов, достоверность коих сомнительна, и анализ дает мало оснований для исторических выводов. Краткие записи, несомненно, почерпнуты Табари у Хишама, относительно пространных рассказов нельзя указать с уверенностью их источника. Несомненной исторической ценностью и достоверностью отличается сообщение о битве у Дукара (Dhu-Qar). Она произошла около 604 г. н. э. и была первым решительным ударом арабов по Ирану,[4] поэтому впоследствии она была овеяна легендарными подробностями. Хронология Хишама охватывает период в 522 г. 8 месяцев[5] и в части своей требует самого тщательного отношения. Несомненно, что краткие записи существовали до Хишама, были сделаны на арабском языке и представляли собою письменный источник. Что касается пространных рассказов о князьях Хиры VI в., то они имеются на арабском языке у Табари и в сирийских хрониках. Если у последних и был общий источник с арабским, то это могло быть лишь устной традицией и при этом мало устоявшейся, так как сведения эти не прикрывают друг друга. В государстве Хиры говорили на арабском языке, но сирийский был в нем широко распространен как культурный язык данного периода, поэтому существование изустной сирийской традиции, которая была бы записана хронистами, вполне вероятна. Корни устной традиции, хотя бы и сирийской, уходили глубоко в арабскую среду княжества лахмидов. Пространным рассказам Табари можно поставить в упрек известный налет романтики, легендарности.

Арабское государство Хиры сложилось к началу VI в., объединив значительное количество племен. Подчиненное шахан-шаху, оно зани-

[1] Noeldeke, pp. 1—64.
[2] Noeldeke, p. 33. — Tabari-Noeldeke. Geschichte der Perser und Araber, p. 170.
[3] C. S. C. O., Scriptores syri, series III, t. 4, Анонимная хроника, § 3, стр. 64.
[4] Rothstein, pp. 120—125. — Tabari-Noeldeke, p. 310.
[5] Tabari-Noeldeke, p. 349.

мало положение, сходное с тем, какое занимали гассаниды при Византии, но зависимость эта была слабее, менее ярко выраженная. Поссорившись с шахом, Нааман действует независимо, не считаясь ни с чем. Из сирийских источников, частью уже приведенных выше, самостоятельное поведение отдельных арабских племен очевидно. Они нарушают границы, совершают набеги, грабят, уводят в плен и, как вихрь, уносятся в пустыню. Все это они делают по личной инициативе шейхов или знатных, без разрешения царя или шаха. Это говорит об еще весьма слабых связях внутри лахмидского государства, тяготевшего, однако, к Ирану. Лахмиды получили титул царя (malka) из рук сасанидов, и в дальнейшем утверждение и смещение царей Хиры зависело от Ирана. Побуждая Наамана ехать к Хосрою мириться, его жена Мавиах говорила ему: „Тебе подобает умереть с царским званием, а не быть изгнанным и лишенным царского имени".[1]

Во время походов армии Ирана действовали под общим руководством самого шаха или великого марзбана, который давал поручения отдельным отрядам и частям войска. Арабские силы оставались под общим руководством своего царя, но выполняли задания иранского командования. Так Кавад I во время кампании 502/3 г. послал „арабского царя Наамана со всем его войском, чтобы он отправился на юг в область Харрана",[2] и в другом случае персидские арабы, „посланные в Серуг, дошли до реки Евфрата, уничтожая, забирая в плен и грабя все, что возможно".[3] В этом случае они выполняли задание государства, „под рукою" которого они находились. Но несомненно, они часто действовали в своих интересах, не согласуя действий. Лахмиды, усилившиеся и укрепившиеся за счет других племен, стремились к объединению и подчинению самостоятельных бедуинских племен, на что, впрочем, претендовали и гассаниды. Увеличение количества войска, стад, табунов, дани расширяло их экономическую базу и возможности эксплоатации. Хотя Хира и охватывала многочисленные группы единоплеменников и была известной силой для Ближнего Востока, но до возникновения халифата о консолидации арабов в целом еще не может быть и речи. Стремление собирать и подчинять могло осуществляться лахмидами лишь медленно и постепенно, при сопротивлении головки племен и при активном противодействии византийского центра — арабов гассанидов. Межплеменная борьба имела глубокие экономические корни. Тут были и примитивные интересы захвата или доли при дележе добычи и более сложные, как вопросы о торговых путях. Верхи более слабых и мелких племенных единиц стремились при первой возможности возместить обиды, которые они потерпели от захватнической политики лахмидов. Подоплекой борьбы между племенами были и социальные противоречия, возраставшие в обстановке стабилизации и перехода к оседлому из кочевого состояния. Лахмиды, для того чтобы „держать в порядке" своих единоплеменников, затрачивали большие усилия,[4] но это было их основной задачей, поставленной перед ними персидским государством. Хирта умела использовать моменты его слабости и тотчас выходила из рамок повиновения. Раздираемый социальными боями, охваченный в ряде слоев общества маздакитским движением, при резком сопротивлении жречества, Иран в значительной степени утерял свою внешнюю силу и мощь.[5]

[1] Анонимная хроника, § 5, стр. 66.
[2] Иешу Стилит, § 51. Wright. p. 47.
[3] Иешу Стилит, § 59. Wright, p. 59.
[4] Rothstein, pp. 126—127.
[5] Н. В. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосроя I. Вестн. др. ист., I, М., 1937.

Сирийская хроника, современная Каваду I, сообщает: „Арабы, которые были под его рукой (т. е. под властью Кавада), когда увидали беспорядок его государства, стали разбойничать, насколько хватало сил, по всей персидской земле".[1] Впоследствии приемы, которыми стали пользоваться арабы, чтобы досаждать Ирану, стали более тонкими. Лахмиды располагали и другими средствами, чтобы держать сасанидов в известном страхе. Нааман отказался следовать за Хосроем, когда тот бежал от Вархарана, он не дал ему „весьма прекрасного коня, которого тот просил у него", наконец „дочь Наамана, которая была замечательно красива, просил у него Хосрой, но Нааман не согласился и послал ему сказать: «мужу, который совокупляется по-скотски, я не дам своей дочери». Все эти обиды Хосрой собрал и затаил в своем сердце".[2] В перерыв между многочисленными войнами Хосрой „пожелал разделаться со своими врагами, а также и с Нааманом". Он нанес ему оскорбление, пригласив к обеду и вместо хлеба предложив ему траву. Нааман распалился гневом и „послал к маадеям своим сородичам, которые полонили и опустошили много земель Хосроя, доходя до Ароба".[3] Не доверяя поверхностным и чисто индивидуальным причинам трений между представителями сасанидов и лахмидов, следует отметить тот факт, что последние располагали союзными племенами, в данном случае маадеями, и не принимая сами непосредственного участия в нападениях и опустошениях Ирана, сумели нанести ему значительный ущерб руками своих соплеменников.

В других случаях Хирта делалась средоточием враждебных сасанидам сил, которые были в наличии внутри самого государства. Сирийцы, многочисленная группа подданных Ирана, опирались на арабское государство, чтобы поддерживать и проводить свои интересы. Ишояб, представитель клерикальной сирийской верхушки Ирана, зная ненависть к себе Хосроя I и опасаясь его преследований, „отправился в Хирту арабскую, чтобы повидать Наамана царя арабского".[4] В сложных отношениях сирийского населения с Ираном арабы играли немаловажную роль, и не раз вопросы разрешались в зависимости от той позиции, которую занимала в них Хира. Сирийские клирики высших чинов не только в Византии, но и в Иране были влиятельными лицами. Они сговаривались с верхушкой персидского государства и в качестве „знатных", „богатых" соответственным образом принимались и арабами. Таким образом государству Хиры выпадало участие не только во внешней политике сасанидов, но оно имело возможность воздействовать и на внутренние отношения Ирана.

5. АРАБЫ, ИРАН И ВИЗАНТИЯ

Арабские государства, сложившиеся к началу VI в. под протекторатом мощных держав, распоряжавшихся на Ближнем Востоке, имели полувоенный характер. Это — союзы родственных племен, процесс собирания которых еще не закончился. Два центра, один из них в руках гассанидов, а другой, руководимый лахмидами, стремились укрепиться за счет друг друга. Помимо этого, они находились в постоянных сношениях, то дружественных, то враждебных с арабами других племен, не входивших в состав их государств. Достаточно напомнить, что в лагере Мундара можно было встретить маадеев,[5] а в Хирту к Нааману приез-

[1] Иешу Стилит, § 22. — Wright, p. 18.
[2] Анонимная хроника, § 6, стр. 66.
[3] Там же.
[4] Анонимная хроника, § 3, стр. 64.
[5] Zachariae Rhetori historia ecclesiastica, edidit Brooks, t. II, 8, 3, Parisiis, p. 64.

жал посол с далекого юга от химьяритского царя.[1] Когда лахмиду Нааману понадобилось отомстить Хосрою, он „послал к маадеям, своим сородичам". Маадеи, следовательно, не входили в состав государства персидских арабов, но были с ним в дружественных отношениях. По сигналу, данному Нааманом, они сейчас же стали разбойничать в землях Ирана, опустошать и брать в плен. До этого маадеи держались в стороне, только опасаясь враждебных действий со стороны лахмидов, но едва последние отстранились от защиты сасанидского государства, как они тотчас начали свои опустошительные набеги. Относительно стабилизовавшиеся государства не порвали следовательно своих связей с родственными племенами, они обменивались посольствами с одними, брали дань с других и насильно подчиняли себе третьих. Из необозримых аравийских пустынь то приливали, то отливали новые роды и племена, которые, прежде всего, приходили в соприкосновение с родственными ими арабами, составлявшими уже союз племен, некую государственную единицу. Насколько связи внутри этих государств еще не установились — видно из приведенных уже примеров, когда шейхи или предводители отдельных племен с отрядами действовали на свой риск, не побуждаемые к этому царями.[2] С другой стороны, не закончился еще процесс присоединения новых племен и родов к этим государствам, молодые силы которых только еще начинали расти.

Непрестанные военные действия, война как постоянное явление в жизни арабских племен и государств VI в. находят себе превосходное объяснение в словах основоположника марксизма, который указывает, что на этой стадии развития государственного устройства „война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни".[3] Знакомство с историческими источниками убеждает, что арабы живут войной. „Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом".[4] Для них война — промысел, способ обогащения, который практикуется постоянно в отношении Ирана и Византии, в отношении соседних арабских княжеств и племен.

Государственные единицы арабов складывались и развивались в окружении государств, уже давно сложившихся политически, имевших развитые торговые связи и военную систему. Целью становятся не только случайные грабежи и набеги, но представляется необходимым решить вопрос о том, чьими данниками являются те или другие племена. Так, относительно пастбищ, находившихся близ византийских границ, лахмиды утверждали, что искони племена, кочевавшие на этих местах, платили дань им. Гассаниды добивались теперь этой возможности для себя.[5] Другим поводом для войн арабских государств был вопрос о торговых дорогах. Караванные пути, пролегавшие между Средней Азией и Средиземноморьем в течение тысячелетия, не меняли своего направления.[6] На этих путях выросли многочисленные города и небольшие государства, как Пальмира, Осроена, географическое положение которых обусловливало быстрый рост богатства и роскоши у верхов общества. Пальмира наживалась на пошлинах, взимавшихся с караванов, как об этом свидетельствует и ее замечательный тариф. Осроена с центром Урхой (Эдесса)

[1] Ibid., t. II, 8, 3, p. 70.
[2] Иешу Силит, § 79. — Wright, p. 75.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, часть I, стр. 140.
[4] Там же.
[5] Procopius Cesarensis. De bello persico, II, 1. Ed. Haury, p. 149.
[6] R. Dussaud. La topographie historique de la Syrie antique et medievale. Paris, 1927.

являлась к тому же средоточием различных производств и торговли, чем она осталась и после подчинения Риму (217 г. н. э.). С древнейших времен сирийцы держали в своих руках нити торговых связей. Их фактории были разбросаны по всему Средиземноморью, а купцы заезжали не только в гавани, но и в глубь Европейского материка.[1] На востоке они предшествовали Византии, стремившейся завязать сношения в Индии и на Цейлоне. Связи Ирана не простирались так далеко, но тем крепче они были в Средней Азии и в Индии. Между персидскими и сирийскими купцами существовало постоянное соперничество. К VI в. арабы уже оказались втянутыми в круг этих связей. На караванных путях от Тигра и Персидского залива к берегам Средиземного моря, от Счастливой Аравии к Евфрату, эти мощные артерии пролегали непосредственно на территории, занятой арабами. До середины VII в., в основном, торговля была в руках сирийцев, но много раньше арабы сменили охрану караванов на приобретение товаров и из погонщиков вьючного скота сами стали владетелями караванов. Насколько большое значение имели дороги в экономической жизни арабских государств — видно из войны, разгоревшейся в 538 г. между лахмидами и гассанидами за торговый путь, соединявший Дамаск с Цирцезиумом (Сергиополис). Харит, в греческих памятниках получивший имя Арефа, претендовал на узкое пространство земли, на котором нельзя было развести ни полей, ни виноградников. Это была узкая полоса, которая не орошалась, была неплодородна и годилась лишь в качестве пастбищ для овец. Харит утверждал, что уже одно ее название strata латинское и обозначает мощенную дорогу, и приводил тому „доказательства древнейших мужей" (*μαρτυρίαις παλαιτάτων ἀνδρῶν*).[2] Мундар стремился захватить этот путь, из которого лахмиды могли извлечь большие доходы. Конечно, привлекала не столько дань с племен, пасших скот на прилегавших к „страте" пастбищах, сколько возможность держать в руках мощную торговую и стратегическую артерию. Экономическое значение этой дороги делало ее захват желательным.

В эпоху Юстиниана тот же Мундар из Хирты арабской, во время перемирия между Ираном и Византией, стал нарушать границы последней и этим вызвал нарекания. Он был уже настолько искушен в политическом лицемерии, что в оправдание своих действий приводил довод, что в мирном договоре между обеими державами нет ни слова о „сарацинах". Прокопий Кесарийский подтверждает, что договор, действительно, был заключен между ромеями и персами, но под теми и другими подразумевались также и арабы, византийские и персидские.[3] В период заключения мира между Кавадом и Анастасием арабы точно так же нарушали границы, но таких аргументов в свое оправдание они еще не умели приводить. В 30-х годах VI в. Константинополь стремился перетянуть на свою сторону лахмидов, как окрепшее, сложившееся государство. С этой целью, вопреки действовавшему договору, Юстиниан предлагал Мундару большие деньги (*μεγάλα χρήματα*)[4] и старался соблазнить его на союз с ромеями. Для характеристики развитых экономических связей и отношений у высшего класса арабского государства можно указать на факт особых отношений у представителя княжеского дома гассанидов с некиим сирийцем Магном. Когда византийский полководец Маврикий совместно с Мундаром отправился в поход против персов, оказалось, что мост, через который они намеревались перебраться,

[1] Pierenne. La fin du commerce syrien. Mélanges Bidez.
[2] Procopius Cesarensis. De bello persico, II, 1. Ed. Haury, pp. 148—149.
[3] Ibid.
[4] Ibid., p. 150.

разрушен персами. Маврикий обвинял Мундара в том, что тот предупредил персов об их походе. Мундар надеялся, что перед императором его защитит Магна, сириец по национальности, куратор, который „был его другом и патроном".[1] В сирийском термин „куратор" не представляет ничего нового. Сирийский законник, составленный в последней четверти V в., употребляет это слово в значении попечителя над вдовами и сиротами. Как звание государственного чиновника, ведающего разными отраслями или ведомствами, как, например, коллегиями, торговыми путями и т. д., оно перешло в Византию из Рима. Куратор Магна зовется не только другом, но и „патроном" Мундара. „Патрон" — недвусмысленный экономический термин, указывающий на зависимость от него Мундара. Не случайно, что Магна по национальности был сирийцем, так как на Ближнем Востоке именно сирийцы состояли в наиболее тесной связи с арабами, с другой стороны, сирийцы же держали в своих руках нити торговых и экономических связей. Как известно, надежды Мундара на своего патрона были напрасны, так как он не только не защитил его, но предал его Тиверию, воспользовавшись его доверчивостью. Бар Харит был „унижен и потоптан, как лев пустыни, загнанный в пещеру".[2]

Постоянная борьба между Византией и Ираном, осложненная арабским вопросом, привела к тому, что торговые пути, пролегавшие через Месопотамию в Среднюю Азию и на Дальний Восток, фактически были для первой из них закрыты. Такое положение отозвалось на ряде отраслей торговли, причем особенно сказалось на доставке шелка. Шелк сырец привозили из Китая и из Индии. Лучшие сорта шли из „страны восходящего солнца" через оазисы Согдианы и через Иран. Торговля оказалась в зависимости от последнего, но Византия не была склонна выплачивать деньги своим врагам. В 530/31 г. посольство из Константинополя предложило южноарабским государствам приобретать в Индии шелк и перепродавать его ромеям.[3] Однако осуществить это дело Эфиопии не оказалось возможным, так как персидские купцы, как непосредственные и близкие соседи Индии, непосредственно в ее портах скупали все товары. Что касается химьяритов, то Византии не удалось склонить их к войне против Ирана, так как они не решались на поход вследствие дальности пути. Таковы были безуспешные в VI в. попытки втянуть южных арабов в более широкие торговые связи. На этом Византия, однако, не успокоилась, ее высшие классы настойчиво стремились найти другие пути, чтобы продолжать торговлю с Китаем и Индией. К числу таких попыток относится и путешествие Козьмы Индигоплава. Иоанн Ефесский сохранил рассказ о пленных женщинах, посланных в дар тюркам от Византии.[4] Побудительной причиной для поднесения таких даров было стремление иметь непосредственные дружеские сношения с народом, находившимся в тылу у Ирана, и проложить в обход новые, северные торговые пути на восток.[5]

Таким образом на экономической почве антагонизм между гассанидами и лахмидами возрастал и из примитивной формы осложнялся в борьбу за торговые пути. Попытки Византии завязать новые торговые связи через химьяритов говорит о том, что это было сложившееся в военном и торговом отношениях государство.

---

[1] Joh. Ephes., 3, 40. Cureton, p. 215.
[2] Joh. Ephes., 6, 41. Cureton, p. 216.
[3] Procopius Cesarensis. De bello persico I, 20. Ed. Haury, pp. 108—110.
[4] Joh. Ephes., 6, 7. Cureton, p. 360.
[5] O'Leary de Lacy. Arabia before Muhammad. London, 1927, pp. 110—122.

6. ГИБЕЛЬ МЕЛКИХ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ И КОНСОЛИДАЦИЯ СИЛ АРАБОВ В ЭПОХУ ХАЛИФАТА

Византия не считала возможным доверять гассанидам, особенное усиление этого рода не было для нее желательным, и поэтому в отношении их велась агрессивная политика. Сирийские источники в красочных словах сообщают о том, что сначала был погублен Мундар бар Харит, затем его сын Нааман. Однако уже и внутри самого государства назревали противоречия. Никогда не стихавшая межплеменная борьба была противодействием изнутри, оказанным гассанидам, подавлявшим власть шейхов, старшин и военачальников. Проявлением внутренней борьбы в государстве, несомненно, был факт суровой расправы Мундара со своими родственниками и некоторыми из знатных. Отчетливого повода для его действий летописец не дает, он сообщает, что персидские арабы вторглись в земли дома Харита. Мундар ударил на них с такой силой, что царь Кабос с остатками своего войска обратился в бегство, оставив все на поле битвы. Они спаслись „голыми", как говорит сирийский источник. Мундар же „поселился в своей палатке", причем он поднял выше (ܛܘܪܐ), очевидно выше в горы, где было безопаснее, „весь свой лагерь, имущество и все свои табуны". Несомненно, его активная и самостоятельная политика вызвала брожение в ближайших к нему кругах. Наиболее вероятно, что именно противодействие этой группы побудило его подняться в горы, где он мог с большим спокойствием, не опасаясь нападений извне, расправиться с недовольными. Вслед за этим сообщается, что он „схватил и связал своих родственников и (некоторых) из знатных, а прочее уничтожил и забрал".[1] Забрал он, очевидно, имущество тех, которые были им схвачены. После расправы он отправляется поселиться в областях царька персидских арабов Кабоса, где ему удается захватить множество скота и табунов лошадей. Таким образом рост могущества гассанидских князей не встречал особого поощрения со стороны Византии, а внутри самого племенного союза неизбежно возникали трения, так как шейхи и знатные не мирились с ростом власти царя, в ущерб их собственной власти.

Решительные действия Константинополя против Мундара и Наамана пошатнули несколько власть гассанидов. Отдельные племена, возглавляемые шейхами и предводителями, стремились к самостоятельности, и непрочно сколоченное государство византийских арабов рассыпалось. Последние главы шестой книги третьей части Иоанна Ефесского утеряны, но оглавление книги сохранилось целиком. Сорок первая глава сообщала „о росте, а затем о падении главенства ромейских арабов".[2] Она завершала рассказ о пленении Наамана Магном. После этого государство гассанидов, как таковое, перестает существовать, а часть арабских шейхов, входивших со своими племенами в его состав, присоединилась к сасанидам. Об этом говорит заголовок следующей, сорок второй, главы Иоанна Ефесского „о тех арабских шейхах, которые пошли и подчинились персам".[3] На рубеже VI и VII вв. Иран в последний раз показал свое могущество, и присоединение части византийских арабов было одним из фактов, усиливших его могущество. Византия должна была пожалеть о своей агрессивной политике против гассанидов, с негодными средствами она попыталась восстановить при Ираклии (610—641) филар-

---

[1] Joh. Ephes., 6, 3. Cureton, p. 344.
[2] Joh. Ephes., 6. Cureton, p. 340.
[3] Ibid.

хат. Но уже разбитое могущество трудно было склеить вновь, да и для арабов началась новая пора. Из Медины начиналось движение, объединившее все арабские племена, действительная консолидация сил которых произошла в эпоху халифата.

Известия сирийских исторических источников о падении Ирана сасанидов и византийских провинций Азии представляют выдающийся интерес. Первые шаги выходившего на широкие дороги арабского государства отмечены в сирийской литературе современниками, что заставляет особенно ценить их сообщения.

В. И. БЕЛЯЕВ

СОБРАНИЯ АРАБСКИХ ПАПИРУСОВ В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ

I

Целью настоящего доклада является информация арабистов Союза, собравшихся на вторую Сессию, об имеющихся в пределах Союза арабских папирусах и о работе по их изучению, начатой у нас в Ленинграде несколько лет тому назад.

Арабские папирусы представляют собою основной источник, дающий возможность непосредственного суждения о различных сторонах культурной истории средневекового Египта, одной из важнейших провинций арабского халифата. Значение их тем более велико, что арабские повествовательные источники, на основании которых строится обычно представление об истории халифата, дают, главным образом, материал для политической истории. История экономическая и социальная ими освещается значительно менее удовлетворительно. Материалы для последней должны собираться зачастую по мельчайшим кусочкам, косвенным показаниям и намекам, и напрашивающиеся из этого мозаичного материала выводы столь же часто остаются неокончательными за отсутствием решающего материала. Этим решающим материалом обычно являются документы, столь обильные для европейского средневековья и столь скудные для средневековья арабского, по крайней мере для его первых веков. Арабские документы дошли до нас только из одной провинции халифата, Египта, если не считать уникального документа на коже, происходящего с восточной окраины халифата, из Согдианы, опубликованного несколько лет тому назад В. А. и И. Ю. Крачковскими. Египетские документы изданы пока в крайне незначительном количестве, но и то, что издано, представляет материал исключительного интереса и значения. Выяснению их состава и исторического значения посвящены работа A. Grohmann'a в „Études de Papyrologie“ (I, 1932) и статья докладчика, готовая к печати, почему мы остановимся только на основных категориях этих документов.

Начиная с первого дошедшего до нас арабского папируса, датированного 22 г. хиджры, и немногих десятков папирусов I в. х., представляющих официальные распоряжения наместника Египта должностным лицам, количество их растет, исчисляясь для II в. х. сотнями, а для III и IV вв. х. — тысячами. К приказам присоединяются налоговые документы, частноправовые акты, частные письма, деловые и интимные; дошли до нас также папирусы медицинского и магического содержания и литературные фрагменты. Все области общественной жизни охватываются документальным материалом. Уже сейчас для нас во многом оживлены с бытовой стороны показания арабских хроник и, что еще

важнее, становится доступной проверка этих показаний и документальным материалом — важнейшая задача источниковедения.

В связи с вопросом о происхождении наших коллекций арабских папирусов, необходимо в кратких чертах коснуться вопроса о таких же коллекциях на Западе, чтобы иметь возможность судить об их соотношении и удельном весе наших документальных материалов.

Арабские папирусы, попавшие в Европу из Египта в первой четверти XIX столетия, носили характер одиночных, случайных диковинок. Хотя они и получили заслуженную оценку со стороны крупнейшего арабиста своего времени Silvestre de Sacy и были им опубликованы с небольшим, ныне устаревшим комментарием, однако они не создали новой эпохи в арабистике: слишком для этого незначителен был принесенный ими материал, и слишком недостаточна была научно-историческая база, на которой могли тогда строиться сравнения и научные выводы. Благодаря этому даже De Sacy не мог в полной мере оценить важность попавших в его руки и изданных им документов (паспортов), и оценка их значения принадлежит более позднему времени. Только новая волна папирусов, поступившая в Западную Европу в конце 70-х годов XIX в. и совпавшая с перенесением в область ориенталистики методов классической филологии и опыта изучения древней и средневековой истории, оказалась плодотворной и создала действительно новую область арабистики — арабскую папирологию. Только применение новых для ориенталистики приемов критики источников, критического издания памятников, интерпретации текста повествовательных и документальных источников и критического исторического построения позволило сполна понять значение папирусов и использовать заключавшиеся в них исторические данные.

Вся последняя треть XIX в. является периодом накопления новых документальных материалов, происходившего то путем случайных приобретений, то более систематически, путем посылки специальных экспедиций в Египет. В Европе за этот период создались большие папирологические коллекции, в первую очередь крупнейшая коллекция в Вене, а затем и коллекции различных размеров и неравного удельного веса в других больших университетских городах — Берлине, Страссбурге, Мюнхене, Гейдельберге, Париже, Лондоне, Оксфорде и Манчестере. На месте находок, в Египте, культурный уровень населения и национальное самосознание были еще слишком слабо развиты, чтобы оказалась возможность оценить важное значение папирусов для истории Египта и всего халифата. Папирусы на разных языках (египетском, греческом, латинском, арамейском, коптском, пехлевийском и арабском) вывозились тысячами совершенно беспрепятственно, являясь предметом торговли частных лиц, причем эта торговля в массе представляла характер варварского обращения с ценнейшими памятниками истории: с целью выручки большей суммы папирусы разрезались или разламывались на части и продавались в разные руки. Попыток образовать из папирусов национальный фонд еще не могло быть сделано.

Коллекции папирусов в самом Египте начинают создаваться несколько позднее. Образование их связано, повидимому, с деятельностью европейцев-ученых, живших в Египте, трудами которых были устроены Национальная библиотека и Национальные музеи в Каире и которые были первыми руководителями этих учреждений. Однако толчком к систематическому собиранию арабских папирусов послужила мировая война, после которой, в результате распадения Османской империи, появился ряд арабских национальных государственных образований на Переднем Востоке и выросла и окрепла арабская интеллигенция, стано-

вящаяся в области научной работы на уровень строгих требований, выработанных европейской наукой. В настоящее время в Каирской Национальной библиотеке образовалась значительная коллекция папирусов, имеющая перворазрядное значение. Приросту папирологического материала содействует правительственная политика, затрудняющая вывоз археологических ценностей из пределов страны.

Также после войны происходит образование папирологических коллекций в Америке. После войны ряд американских археологических миссий работал на Переднем Востоке и в Египте, продолжая довоенную традицию еще более интенсивно. Интерес к папирусам проявился в последние полтора десятилетия особенно ярко. В настоящее время приобретение папирусов сосредоточилось в руках американцев, благодаря практикуемой ими оптовой скупке папирусов по любой цене, запрашиваемой торговцами. При таких условиях конкуренция становится невозможной, жалобы на что встречаются в европейских египтологических изданиях. Нет сомнения, что часто такая скупка и в этой области, как и в области археологии и искусства, носит характер научного снобизма, имеющего мало общего с настоящей наукой, но, во всяком случае, это содействует сохранению ценнейших научных материалов от гибели и образованию новых папирологических собраний в Новом Свете.

Немедленно же после поступления папирусов в Европу началась и научная работа над ними. Ряд ученых различных специальностей приступил к их обработке и изданию. Были задуманы периодические издания, посвященные вопросам общей папирологии, был основан папирологический Corpus венской коллекции, подразделявшийся по языкам. Издание греческой и коптской частей обогнало арабскую, вследствие значительно большей разработанности греческой и коптской филологии и благодаря большему контингенту ученых, занятых в области папирологии. Достаточно назвать такие крупнейшие имена, как: Wessely, Wilcken, Grenfell, Kenyon, Bell, J. Maspéro, Krall, Crum, Steindorf. Над арабскою частью венской коллекции первоначально работал единственный специалист, J. Karabacek — археолог, палеограф и искусствовед, явившийся основоположником научной арабской папирологии, но относившийся к разрабатываемым им материалам исключительно ревниво, не допуская к ним других специалистов-арабистов, проявлявших к папирусам интерес. Karabacek дал ряд важных этюдов по материалам папирусов, несколько папирусов опубликовал с комментариями, но издания лежавшей на нем арабской части Corpus'a не осуществил, хотя материал был им уже в значительной степени подготовлен к изданию.

Одновременно с ним над берлинскою коллекцией папирусов работал L. Abel, издавший два выпуска арабских папирусов в автографиях и транскрипции, но без перевода и комментариев (1896 и 1900). Несколько позже, но более плодотворно, чем два первые исследователя, историк C. Becker обработал папирусы старейшего периода гейдельбергской и страссбургской коллекций, соединив в своей работе глубокое историческое проникновение с тщательною филологическою критикой материала (1906). Наконец, после войны выдвинулся как крупная научная сила и виднейший папиролог, пражский ученый A. Grohmann, ставший преемником Karabacek'a по обработке венской коллекции арабских папирусов. Ему удалось привести в порядок наследие покойного венского ученого и начать систематическую публикацию арабской части Corpus'a по выпускам.

В настоящее время публикацию коллекций как в Европе, так и на арабском Востоке можно считать более или менее налаженной. В Англии

в 1933 г. было выпущено в свет издание коллекции арабских папирусов в Манчестере. В Египет, за отсутствием местных специалистов, был приглашен A. Grohmann, который издал уже два тома папирусов Национальной Каирской библиотеки. Он же в Европе публикует оставшуюся неизданной часть папирусов берлинской коллекции. В Америке также приступили к обработке и публикации своих коллекций, хотя эта обработка пока еще носит специфический „американский" характер.

Параллельно с публикацией идет использование папирусов как исторического материала. Уже Karabacek дал ряд этюдов по метрологии и исторической топографии Египта. C. Becker положил папирусы гейдельбергской и страссбургской коллекций в основу монографии о политическом и хозяйственном состоянии Египта в конце I в. х., обрисовав яркими чертами деятельность омейядского наместника Египта, направленную к восстановлению экономической силы этой провинции, являвшейся главною житницей халифата. Еще более широко привлек он доступные ему папирусы в своих этюдах по истории Египта, дав им прочное место в ряду других письменных памятников путем блестящей критики и использования их данных. A. Grohmann'ом задумано создание арабской дипломатики, прекрасно обрисованное в общих чертах в его „Введении" к Corpus'у арабских папирусов. Им же осуществляется работа по палеографии, о которой судить мы не можем, в виду отсутствия у нас одной из основных работ этого ученого. В последние дни в Ленинграде получена работа по дипломатике арабских писем-папирусов.

По мере укрепления арабской папирологии намечается ее связь с родственными ей областями. Выясняется невозможность работать над арабскими папирусами, ограничив себя исключительно арабским материалом. Несмотря на поддержку арабского папирологического материала данными повествовательных источников — исторических и географических сочинений, даже при всей тщательности использования материала с филологической стороны, без учета данных, добытых греческой и коптской папирологией, арабская папирология была бы односторонней, так как материал лежит в области смежных культур и понять содержание арабского документа сполна зачастую можно только исходя из этих смежных данных. Это касается как внешней стороны документа (что представляет область дипломатики), так и многих вопросов по существу, например вопросов о преемственности размеров обложения населения податями, о собственности на землю в византийскую и арабскую эпоху и т. п. В отношении приближения греческого и коптского материала к арабистам представителями греческой и коптской папирологии был сделан ряд шагов. В журнале „Der Islam" был опубликован английский перевод ряда важнейших греческих папирусов, относящихся к периоду первых десятилетий владычества халифата в Египте. Еще большее значение имеет в этом отношении фундаментальное издание греческих и коптских документов арабского периода, опубликованное отдельным томом Bell'ем и Crum'ом, с полным переводом или детальным резюме по-английски. Наконец, тот интерес, который вызвала у историков халифата публикация подобного рода материалов, побудил Bell'а суммировать важные выводы из греческих материалов в виде блестящей статьи в „Journal of Hellenic Studies" (XXVIII, 1908). Все эти публикации значительно облегчают доступ к данным греко-коптских папирусов для папиролога-арабиста и историка халифата, однако не исключают необходимости пользования подлинником для возможности непосредственного суждения о материале.

II

Переходя к вопросу о коллекциях арабских папирусов в пределах Союза ССР, нужно отметить, что образование их, хотя и косвенно, связано в какой-то мере с именем крупнейшего русского арабиста прошлого столетия В. Р. Розена. Ему первому принадлежит информация на русском языке о коллекциях папирусов в Западной Европе, написанная в связи с VII Международным конгрессом ориенталистов в Вене в 1887 г., на котором он сам присутствовал. Статья эта была опубликована в „Журнале Министерства народного просвещения" (CCXLIX, 1887). В ней В. Р. Розен высоко оценил значение арабских папирусов как источника для культурной истории халифата, выражая надежду на скорое их опубликование. Повидимому, интерес к папирусам у В. Р. Розена имел более глубокий характер, так как в оставшихся после него материалах, перешедших частично к И. Ю. Крачковскому, сохранились фотографии ряда арабских папирусов одной из европейских коллекций, изготовленных, видимо, по его просьбе. Однако, несмотря на интерес, проявленный основателем русского научного востоковедения к арабским документам, непосредственное собирание их в России связано уже не с его именем, а явилось делом русских ученых-египтологов В. С. Голенищева, В. Г. Бока и Б. А. Тураева и историка и палеографа Н. П. Лихачева, собиравших арабские папирусы и документы на бумаге попутно со своими специальными интересами. В результате ряда покупок создались частные коллекции, принадлежавшие упомянутым ученым. Коллекции Б. А. Тураева (ок. 1910 г.) и Н. П. Лихачева (ок. 1905—1907 гг.) находились в их владении до 20-х годов нашего столетия, когда они перешли в государственное владение, первая — после смерти владельца в 1920 г., вторая — в составе его музея, подаренного им Академии Наук в 1925 г. Коллекция папирусов В. Г. Бока поступила в Эрмитаж до революции в составе собрания коптских древностей, приобретенных этим ученым в бытность его в Египте в 1888—1889 гг. для Эрмитажа. Наконец, собрание В. С. Голенищева, вместе со всею его коллекцией египетских древностей, имеющей большое научное значение, едва не попало за границу, в виду полного отсутствия интереса, проявленного к его судьбе со стороны царского правительства. Только благодаря обращению Б. А. Тураева к Государственной Думе были изысканы средства, и коллекция была приобретена в 1909 г. в национальную собственность и поступила в 1911 г. в Музей императора Александра III в Москве (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). В настоящее время коллекции арабских папирусов находятся в Москве и Ленинграде в следующих местах: 1) коллекция В. С. Голенищева — в Москве, в Музее изобразительных искусств, 2) коллекция Н. П. Лихачева — в музее Института истории Академии Наук, в Ленинграде, 3) коллекция В. Г. Бока — в Гос. Эрмитаже и 4) коллекция Б. А. Тураева — в Институте востоковедения Академии Наук.

Всего в этих коллекциях насчитывается свыше 300 текстов различного размера. Самой богатой является коллекция Голенищева, содержащая около 190 текстов; следующей по величине оказывается коллекция Лихачева — около 80 текстов; за нею идет коллекция Бока — 75 текстов, наиболее скромной является коллекция Тураева — 15 текстов. К папирусам нужно присоединить зачастую столь же важные по значению письма и документы на египетской бумаге, появляющейся уже в X в. н. э. (III—IV вв. х.). Хорошие образцы ее дают коллекции Голенищева и Лихачева: наиболее ранние письма на бумаге из первой коллекции

датированы 341/952—953 г. и 358/968—969 г. Таким образом и в наших коллекциях можно проследить непосредственный переход от папирусов к бумаге в X в., как он еще более полно и отчетливо прослеживается в западноевропейских собраниях.

Наши коллекции арабских папирусов, приобретавшиеся случайно и неспециалистами, естественно, не могут равняться ни количественно, ни качественно с такими собраниями, как гейдельбергское, венское или каирское, где, как показали работы C. Becker'a, J. Karabacek'a и A. Grohmann'a, сосредоточены иногда ценнейшие качественно, хотя и небольшие количественно, коллекции (коллекция папирусов I в. х. из Кōм Эшқоу в Гейдельберге), иногда же коллекции, подавляющие и массой, и разносторонностью, и качеством материала (коллекция папирусов из Файюма и Ушмӯнейна, начиная с 22 г. х., свыше 18 000 арабских папирусов, в Вене). Однако и наши коллекции в общей совокупности дают немало хороших образцов, которые при должной обработке могут доставить новый материал для разрешения уже поставленных вопросов.

Наши собрания по происхождению связаны, в большинстве, с файюмским фондом, открытым в 1877 г. и поступившим в большей своей части в венское собрание, частично же — в берлинское и лондонское. Только одиночные образцы ведут нас в Кōм Эшқоу (между Тахтой и Абутигом), откуда происходят лучшие папирусы Гейдельберга. Встречаются в наших папирусах названия городов файюмского округа, откуда они и происходят: г. Файӯм (Гол., *I*, *1б*, 800 v, 911 v, 914 r), ал-Лāхӯн (Гол., *I*, *1б*, 759 v, 827 i); более далекие города: Ушмӯнейн, Усйӯṭ (Гол., *I*, *1б*, 809, 811) — на юг от Файюма; Мемфис (Лих., 37 iv), Ушмӯн (Гол., *I*, *1б*, 862 r), ал-Фустāṭ (Лих., 15; Гол., *I*, *1б*, 778 v, 911v) — к северу от Файюма; с последним жители были связаны делами, как с административным центром и главным городом всего Египта. Попадаются и более далекие пункты: один папирус (Гол., *I*, *1б*, 788) упоминает о поездке по торговым делам в Александрию и даже в Аṭрāбулус (Триполис Африканский).

По времени папирусы наших коллекций относятся, главным образом, к II и III вв. х. Отдельные номера относятся к I в. х Датированных — немного, но особенности письма позволяют безошибочно разделить папирусы по векам, иногда — по десятилетиям. В процентном отношении хронологическое разделение папирусов таково: около 5% — I в. х., около 35% — II в. х., остальные 60% — III и IV вв. х. Это более или менее обычное для папирологических собраний соотношение отражает ход арабизации Египта.

По содержанию наши папирусы также примыкают к коллекциям Запада и Египта. Для I в. х. это — почти исключительно предписания наместника провинциальным чиновникам, сохранившиеся во фрагментах. Папирусы II в. — разнообразнее. Здесь мы встречаемся с земельными кадастрами то по селениям файюмского округа (греко-арабский папирус Гол., *I*, *1б*, 224, 861), то в виде индивидуальной, поименной раскладки (Гол., *I*, *1б*, 779, 785, 813 b, c, 973, 977, 988$_3$; Лих., 3). Большой интерес представляют списки различных продуктов и материалов, выдаваемых из правительственных магазинов или частных экономий. Папирус Гол., *I*, *1б*, 759, говорит о продаже и выдаче каких-то прядильных материалов черного и белого цвета (من الاسود и من الابيض) жителям файюмского городка ал-Лāхӯн. Среди получающих — частные лица, как мужчины, так и женщины, и целые промышленные заведения: упоминается выдача белого материала начальнику шелкоткацкой мастерской (صحب المطاقس = metaxarius? — от *μέταξα*). В другом папирусе (Гол., *I*, *1б*, 810) сохранился почти полный список выдач белого и черного материала различным лицам. Более конкретно называется лен (كتّان). В числе получивших значится بطريقية — слово, употребление которого мне неясно: может быть, это — мастерская в помещичьем владении, патрициате. Во всяком случае, мы имеем дело с документом расходной отчетности по выдаче, видимо, прядильных материалов для работы на дому и в мастерских. Имена получающих материалы — арабские и коптские. Отчетность ведется в первом лице: „я выдал (продал) такому-то белого (черного) материала столько-то"; количество измеряется в *ритлях* и частях *ритля*; в конце подсчитаны остатки. В других папирусах мы встречаемся с выдачами продуктов (Гол., *I*, *1б*, 813 d) отдельным лицам. Такими же суммарными списками представлены и записи взносов налогов в денежной и натуральной форме (Гол., *I*, *1б*, 813 e, 854, 996 e).

Для папирусов наших коллекций периода II в. х. интересно отметить присутствие терминов, связанных с доарабской, византийской административной организацией сельского населения Египта. Первый термин مازوت (Гол., *I*, *1б*, 827 v) встречается в папирусах I в. х., происходящих из Кōм Эшқоу, и выяснен C. Becker'ом в его папирологических статьях. Два других — خليفة (там же) и قومس (Лих., 3) — выяснены J. Karabacek'ом несколько раньше, в связи с более поздними папирусами. Наличие этих терминов в половине II в. х. свидетельствует об устойчивости старой административной системы в первое время после перемены династии.

Наконец, во II же веке мы можем констатировать появление частной переписки на арабском языке. Один папирус около половины II в. х. представляет письмо от одной женщины к другой с сообщением о домашних делах и просьбой поторопиться с приездом (Гол., *I*, *1б*, 914). Параллелью к этому письму является письмо двух женщин, изданное O. Loth'ом в „Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft" за 1880 г. относящееся к тому же времени. Другим частным письмом является уже упомянутый выше папирус Гол., *I*, *1б*, 788, в котором сообщается о поездке по торговым делам в Александрию и Аṭрāбулус. Однако для II в. частные письма — явление довольно редкое.

В III в. х. еще больше расширяется и разнообразится содержание папирусов, благодаря массовой арабизации местного населения. Как западные, так и наши папирусы этого периода представляют в большинстве своем деловую и личную переписку, из которой выясняются зачастую интересные бытовые подробности. В письмах к родным или друзьям, вместе с извещениями о здоровье членов семьи, сообщается об их местонахождении и занятии в данный момент. Так, в одном папирусе сообщается попутно о торговых делах членов семьи пишущего, в Файюме и Фустāте, по продаже пшеницы и других товаров (Гол. *I*, *1б*, 911). В другом письме мы имеем обращение пишущего к брату с просьбой избавить его от преследования кредитора денежною помощью в 10 дирхемов, составляющих сумму долга. Из деловых документов этого периода нужно отметить расписки должностных лиц в приеме от сельских жителей взносов поземельного налога, *харāджа* (Гол., *I*, *1б*, 732; Лих., 5), причем в первой из названных расписок говорится о поместьях известного исторического лица, матери халифа ал-Муқтадира, называемой здесь просто „госпожей" (من ضياع السيّدة), как она называется и в исторических сочинениях. К сожалению, в папирусе нет более точных указаний на местонахождение поместий. Параллелью к нашему папирусу является папирус из коллекции J. Rylands в Манчестере, изданный в 1933 г. D. S. Margoliouth'ом (№ II 1), представляющий предписание заведующему

харāджем с поместий „госпожи". К этой же категории папирусов относятся фрагмент купчей (Лих., 4) и документ о сдаче владельцем в наем двух жилых помещений, находящихся в его доме в городе Ушмӯне (Гол., *I, 1б,* 862). Последний документ датирован 257 г. х. (870—871 г. н. э.) и является одним из самых ранних дошедших до нас арабских документов, относящихся к владению недвижимостью и земельным отношениям. Почти все опубликованные до сих пор акты землевладения и землепользования на арабском языке относятся к III в. х. и позже. Единственными исключениями являются договор о сдаче участка земли в Файӯме в испольную аренду (*ал-музāра'а*), датированный 179 г. х., изданный O. Loth'ом (l. c.), и арендный договор на участок земли близ Ушмӯна от 181 г. х., изданный D. S. Margoliouth'ом (№ IX 6).

Даже такой беглый, предварительный обзор папирусов наших собраний показывает, что материал заслуживает внимания, и при должной обработке его в смысле дешифровки и комментирования отдельных памятников, хотя бы и фрагментарных, выводы могут получиться интересные и значительные. Удельный вес наших папирусов повышается еще и другим соображением, а именно тем, что немного пока издано папирусов и на Западе, да и там их публикация не всегда осуществляется удовлетворительно. Так, одно издание, содержащее свыше 400 текстов и внешне изданное прекрасно, обесценено в большей своей части тем, что папирусы без дат не определены издателем хронологически хотя бы в пределах столетий; также не всегда тщательно произведена дешифровка текста.

Папирологическая работа для нашей арабистики — работа новая. Несмотря на то, что наши папирусы привлекали внимание наших крупнейших арабистов, приступить к непосредственному их изучению не удавалось. Нужно отметить сделанную до революции попытку начать эту работу в России. В. В. Бартольд и И. Ю. Крачковский подготовляли с этой целью двух начинающих историков. Однако попытка эта не осуществилась, так как один из подготовляемых скончался, а второй — после окончания войны уехал на родину, где и работал в области арабистики до своего конца.

В настоящее время работа над папирусами начата у нас в Ленинграде и ведется с 1935 г. в двух институтах Академии Наук по двум направлениям. Первое — разработка общих вопросов арабской папирологии, основанная на материале, главным образом уже изданном, но с привлечением и наших неопубликованных материалов. Вопросами палеографии папирусов занята В. А. Крачковская и докладчик. Несмотря на отсутствие у нас больших и важных монографий с изданием текстов facsimile, что исключает возможность использования части материала и создает возможность ненужного дублирования уже проделанной работы, имеющийся материал значительно разъяснил вопросы палеографии первых веков хиджры. В. А. Крачковской была прослежена связь документального почерка I в. х. с письмом немногих дошедших до нас протоарабских надписей, что позволило подойти вплотную к проблеме генезиса арабского документального почерка и, до известной степени, выяснить существо дела. С другой стороны, прослеживая эволюцию этого почерка в I и затем, во II в. х. на датированных образцах, В. А. Крачковской удалось установить изменение характера почерка по десятилетиям, что дает надежную основу для датировки массы папирусов этого периода, не имеющих дат. Исследование ведется тем более плодотворно, что В. А. Крачковская подходит к вопросам документальной палеографии с необычной для данной области широтой, основанной на долголетнем опыте занятий арабской эпиграфикой, привлекая к разрешению проблемы

генезиса и развития документального письма всю область ранней арабской эпиграфики, а также и отдельные области семитской эпиграфики. В настоящее время работа почти закончена. Параллельная работа по изучению почерков более позднего периода III и IV вв. х. проделана и докладчиком. Результаты ее пока менее точны, в виду меньшего количества опубликованного датированного материала, но общая картина более или менее ясна. При обследовании почерков этого периода приходится обращаться к документам еще более поздним, написанным на бумаге, и к ранней книге, как к сравнительному материалу.

При изучении папирусов с точки зрения языка удалось уже наметить некоторые линии развития литературного языка, не связанного строгой литературной традицией, в сторону его вульгаризации, т. е. приближения к разговорному языку, что невозможно было для литературного языка высокого стиля. Отдельные разговорные выражения, правда, проникают и в художественные, прозаические и поэтические произведения и в историческую и географическую литературу. Однако здесь они носят характер сознательного литературного приема, так же как и довольно часто вводимые в ту же категорию произведений иноязычные слова и целые фразы. В документальном языке литературный канон почти не существовал, что широко открывало дорогу свободному развитию языка. Вульгаризация языка папирусов особенно сильной становится с III в. х. Работа над этими вопросами важна также для освещения интереснейшего процесса арабизации населения завоеванных стран. Подробнее на выводах мы не останавливаемся, так как вопросу о языке папирусов посвящена отдельная статья. Прирост издаваемого материала позволит, вероятно, расширить и углубить работу в этом направлении.

Вторая линия папирологических работ — обработка наших папирусов для их издания. Как первая стадия этой работы, осуществляется подготовка краткого инвентарного описания всех московских и ленинградских папирусов. Затем, намечена непосредственная работа по подготовке издания папирусов. Задача критического комментированного издания папирусов наших собраний связана с привлечением всего комплекса материала, который дают нам, с одной стороны, уже изданные арабские, греческие и коптские документы, с другой — богатые фактическими подробностями арабские повествовательные, главным образом исторические и географические, сочинения, посвященные Египту. Со своей стороны, и наши папирусы могут послужить документальным подтверждением или отрицанием некоторых данных, приводимых в повествовательных источниках, правдивость и обоснованность которых не всегда справедливо заподозривается исследователями и блестящая реабилитация которых, как исторического источника, была дана в разное время C. Becker'ом и И. Ю. Крачковским в критических комментариях при изданных ими документах.

* * *

За истекшие 3 года появилось несколько новых работ по арабской папирологии, принесших значительный прирост изданных материалов. A. Grohmann продолжал публикацию венских папирусов в научном органе Пражского Института Востоковедения, Archiv Orientální. Там же K. Jahn'ом был издан ряд интересных писем и документов, из которых некоторые относятся к раннему периоду халифата. Эта публикация имеет характер этюда по дипломатике. Американской ориенталисткой N. Abbott опубликован ряд папирусов наместника халифа Абдалмелика,

Курры ибн Шерика, с палеографическим анализом. Впервые, в ее же издании, мы получили три папируса, происходящих не из Египта, а из Сирии, и имеющих касательство к сирийским земельным отношениям эпохи ал-Мутеваккиля. Все эти работы снабжены палеографическими таблицами. В пределах Союза — закончена, но до сих пор остается ненапечатанной, работа В. А. Крачковской по палеографии папирусов двух первых веков хиджры.[1]

---

[1] *К стр. 75.* Коллекция арабских папирусов и документов на бумаге Н. П. Лихачева в настоящее время перешли в Институт Востоковедения Академии Наук.

А. Н. ГЕНКО

АРАБСКИЙ ЯЗЫК И КАВКАЗОВЕДЕНИЕ

О ЗНАЧЕНИИ АРАБСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КАВКАЗА[1]

Как повсюду в странах относительно более позднего культурного развития, мы сталкиваемся и на Кавказе (имею в виду как здесь, так и в дальнейшем преимущественно его нагорную часть) с необходимостью пользоваться при изучении исторического прошлого его народов в значительной мере, а иногда и по преимуществу, письменными источниками иноземного или иноязычного происхождения.

Среди источников такого рода для изучения истории народов Кавказа выдающаяся роль принадлежит источникам арабского происхождения или арабоязычным. Обстоятельство это общеизвестно и общепризнано среди изучающих Кавказ специалистов, и потому в задачу моего краткого сообщения отнюдь не входит доказательство значения арабского языка для кавказоведения; речь может итти лишь о напоминании — в интересах арабистов, непосредственно с кавказскими материалами не связанных, — известных, относящихся сюда моментов, а частично о посильном разъяснении или уточнении некоторых деталей, без какой-либо претензии охватить и исчерпать материал или хотя бы сделать излишним критический пересмотр того, что привлекалось до сих пор по данному вопросу в научной литературе.

Прошло уже свыше 25 лет с момента опубликования специально посвященной разъяснению и доказательству значения арабского языка для кавказоведения работы А. Г. Туманского, известного исследователя бабизма.[2] Изданная, по скромному заявлению „Предисловия", с „более публицистической, чем научной" целью, брошюра Туманского остается в существующей литературе единственной работой, касающейся исключительно занимающего нас вопроса; будучи написана востоковедом с бесспорными заслугами перед наукой, она стоит того, чтобы остановиться на разборе основных соображений автора.[3]

Главная мысль, обосновывающая дальнейшее изложение автора, выражена им на стр. 10 следующими словами: „...так как наш Кавказ — на две трети мусульманская страна, то значение арабского языка само собой выдвигается на первый план". По замечанию рецензировавшего

---

[1] Под значащимся в подзаголовке названием настоящее сообщение, переработанное для печати, было прочитано 21 октября 1937 г. на Сессии.

[2] Ср. перечень его работ у V. Minorsky [Ḥudūd al-'Ālam, etc., London, 1937, pp. VIII (no. 4), IX—X].

[3] А. Г. Туманский. Арабский язык и кавказоведение. Публичная лекция на Тифлисских высших курсах по кавказоведению, читанная 6 ноября 1910 г. (Тифлис, 1911, стр. 41).

брошюру акад. Крачковского,[1] вторая, обосновывающая основной тезис, часть работы своей цели не достигает: „...трудно скрыть, что по прочтении этой части читатель может вернуться к тому же вопросу, который ставит автор в начале ее (стр. 28): При чем же тут Кавказ и кавказоведение?". Роль арабского языка для него остается невыясненной..." (стр. 241 рецензии). Источник неудовлетворительного решения задачи, которую ставил себе в своей лекции А. Г. Туманский, приходится усматривать, как мне кажется, в том, что он разделял некоторые характерные для более широких кругов, но безусловно ошибочные воззрения на арабский язык как в его прошлом, так и в его настоящем (разумеется, в кавказских условиях дореволюционного времени).

Так, прежде всего, ограничивая роль арабского языка интересами „основательного практического знания языков" мусульманской культуры (стр. 39) и кругом „юриспруденции, философии и богословия" мусульманских народов (стр. 40), автор допускал необоснованную уступку банальному представлению об арабах как о народе исключительно мусульманском и о литературной деятельности на арабском языке как интересной только с точки зрения мусульманской культуры. Между тем, в действительности наиболее значительная, хотя, быть может, и самая сложная и потому трудная для исследования, сфера культурных взаимоотношений Кавказа с арабским миром связывается с фактом многовекового существования христианско-арабской литературы, существовавшей, как известно, еще до мусульманской и независимо от нее; арабский язык интересен и важен для кавказоведа, в числе других оснований, еще и потому, что (говоря словами акад. Марра[2]) „арабским языком пользовались как литературным христиане различных исповеданий, различных стран, различных происхождений, монофизиты, православные, арабы, сирийцы, копты и др.". Интересом к арабам и арабскому языку у других народов, с точки зрения так называемого „христианского Востока", характеризовалась, по словам акад. Бартольда, русская школа арабистики. Но, наряду с такими представителями этой „одной из наиболее прочных и наиболее ярко выраженных традиций русского арабизма", как называемые акад. Бартольдом[3] В. Ф. Гиргас, В. Р. Розен, Н. А. Медников и И. Ю. Крачковский, в лице непревзойденного корифея кавказоведения акад. Н. Я. Марра мы видели исследователя-кавказоведа, оценившего, с точки зрения интересов своей специальности, прежде других в особой мере именно христианско-арабские источники и в своих работах[4] обосновавшего значение христианско-арабских материалов для разъяснения прошлого целого ряда народов Кавказа. Переводческая деятельность, связывающая многообразными нитями литературную деятельность в Грузии, Армении, Сирии, Палестине, Месопотамии, Египте, Абиссинии и Византии, оставила чрезвычайно важные и интересные в историческом и историко-литературном отношениях памятники на арабском языке: в качестве лишь примера можно назвать известный документ по истории христианизации народов Закавказья (армян, грузин, абхазов и аланов), сохранившийся в одной Синайской рукописи на арабском языке, с коптской по страницам и грузинской по тетрадям нумерацией листов;[5] следует отметить, что и для истории одного из народов Северного Кавказа, ингушей, данный источник содержит важное указание на раннее время (не позднее второй половины VIII в.) проникновения к ним христианской пропаганды в упоминании на стр. 136—137 издания акад. Марра страны ورزقيات.[1]

[1] Мир ислама, I, СПб., 1912, стр. 237—243.
[2] ЗВО, т. XVI, стр. 163—164.
[3] Ср.: Мир ислама, I, стр. 414, примеч.
[4] Перечисление и характеристика относящихся сюда трудов Н. Я. Марра даны в статье акад. Крачковского — „Н. Я. Марр и памятники арабской литературы" (Библиография Востока, вып. 10, 1936, стр. 7—15).
[5] Издан акад. Марром в „ЗВО" (т. XVI, стр. 63—211) в статье „Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием".

В том же плане культурных связей арабоязычных стран с народами Кавказа возникали и непереводные документы, подобно описанию на арабском языке путешествия Макария Антиохийского в XVII в.; описание путешествия в части, касающейся Кавказа, ожидает еще, несмотря на существующие работы проф. Жузе и О. Лебедевой, издателя, переводчика и комментатора-кавказоведа.

Арабские надписи на монетах, чеканившихся в Грузии,[2] долженствовавшие обеспечить этим монетам, в силу международного в то время значения арабского языка, более широкое хождение;[3] датировка памятников грузинской письменности годами хиджры;[4] арабские надписи на предметах христианского культа из Армении и Свании[5] — все это и другие аналогичные факты „обязывают, — по словам И. А. Орбели, — не спешить с определением мусульманского происхождения находимых на Кавказе «мусульманских» по обличию памятников",[6] диктуя кавказоведению необходимость постоянно учитывать арабские письменные источники, как таковые, вне конфессиональной мусульманистической связи, т. е. в рамках истории народов „христианского Востока".

На стр. 28—29 своей брошюры „Арабский язык и кавказоведение" А. Г. Туманский производит оценку роли арабского языка в современном ему быту народов Кавказа: „Как известно, на Кавказе арабского населения нет, и живая арабская речь не раздается ни в одном из населенных мест Кавказа. Только в суровом Дагестане осталась кое-какая письменность на этом языке и кадии пишут свой судебные решения на арабском языке. Причем надо отдать им справедливость, что язык этот весьма не высокого достоинства". В приведенных словах содержится целый ряд неточностей. Безусловно неверно ограничение сферы распространенности арабского языка одним лишь Дагестаном: в таком же положении, как Дагестан, находились Чечня, Ингушия, отчасти Кабарда и Черкесия. О количественной стороне одного лишь книжного издательства на арабском языке, позволяющей судить об удельном весе арабского языка в дореволюционной печатной продукции Кавказа в целом, мы располагаем официальными данными Тифлисского комитета по делам печати, публиковавшимися ежегодно в статистическом отделе „Кавказского календаря". За время с 1 сентября 1910 г. по 1 сентября 1914 г. т. е. за последние четыре предвоенные года, издано было на арабском языке 82 названия, в количестве 151 050 экз.; по характеру содержания эти издания распределялись на „книги религиозно-нравственного характера" — 41 название, „учебники и учебные руководства" — 36 названий, „научные сочинения по разным отраслям знания" — 2 названия и наконец, „беллетристика" — 3 названия. За этот же период времени для 2-миллионной массы туркоязычных народов Кавказа (азербайджанцев,

[1] Ср.: Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 328; Джавахишвили. История грузинского народа (на груз. яз.). I, 1928, стр. 174, примеч.; ЗКВ, V, стр. 704 сл.
[2] Ср.: Пахомов. Монеты Грузии. СПб., 1910, стр. 81 сл.
[3] См. в издававшемся акад. Марром журнале „Христианский Восток" (т. I, 1912, стр. 112—113).
[4] Там же, стр. 279—280.
[5] Перечисление и характеристику этих предметов см. там же, VI, 1917—1922, стр. 201—202.
[6] Указ. м., стр. 201.

кумыков, ногайцев и пр.) издано 272 названия, в количестве 588 980 экз., что дает отношение числа арабских изданий к числу изданий на турецких („татарских“) языках, равное отношению 1 к 3 1/2. Особенно поучительно сравнить, в виду роли персидского языка в литературно-книжном обиходе Азербайджана тех годов, арабское издательство с издательством на персидском языке, составившим за указанное время всего лишь 37 названий, в количестве 112 586 экз. Едва ли удачна, таким образом, в свете этих цифровых данных приведенная формулировка о „кое-какой письменности на арабском языке“. Несмотря на вызванные войной 1914—1918 гг. экономические затруднения, отразившиеся на масштабах издательского дела, и после начала войны зарегистрировано за один лишь год (с 1 IX 1915 по 1 IX 1916) издание 23 названий на арабском языке, с общим тиражем 30 430 экз. (ср. соответствующие показатели: для „татарских языков“ — 37 названий, 66 101 экз.; для персидского языка — 9 названий, 19 050 экз.). В годы войны появилось в административном центре Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск), периодическое издание — газета „Дагестан“, выходившая вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции на двух языках — арабском и „татарском“. До 50% издававшейся на Кавказе литературы на арабском языке относилось к богословию: процент чисто „светской“ печатной литературной продукции, оставляя в стороне учебники, был весьма низок, составляя не более 6% общего количества изданий.

Мы сталкиваемся на Кавказе (в Дагестане и Чечне) последних десятилетий до революции с фактом столь широкого распространения знания арабского языка, какого, по замечанию акад. Бартольда,[1] не встречалось ни в какой другой стране из числа тех, где арабский не является родным языком населения. Известно сообщение К. Снук-Хюргронье о выдающейся роли, какую играли выходцы из „Дагустана“ (Daghustan) в ученых кругах Мекки в 80-х годах XIX в.[2]

Публикация и анализ ряда документов, связанных с Шамилем, производимые в последние годы акад. Крачковским и его учениками, в корне опровергают ту оценку арабистических познаний дагестанцев, которая содержится в труде А. Г. Туманского. Если нам трудно было судить о достоинстве арабского языка дагестанских ученых ранее, до выхода в свет упомянутых работ,[3] в настоящее время мы имеем возможность непосредственно оценить высокий уровень арабистических знаний в Дагестане, тем более высокий, к сожалению, чем менее схоластическая традиция уступала свои позиции требованиям изменившейся эпохи и среды.[4] Весьма любопытны детали в восторженном отзыве, относящемся еще к концу XVIII в., иеменского ученого-араба аш-Шаукани об одном дагестанце: „...я не видал похожего на него в умении хорошо выражаться, пользоваться чистым языком, избегать в беседе вульгаризмов, прекрасно произносить речь. При слушании его слов мной овладел такой восторг и радость, что даже дрожь пошла по мне“.[5]

---

[1] Enzyklopädie des Islam, s. v. Daghestan.

[2] Ср. теперь цитату, со ссылкой на старый русский перевод В. В. Бартольда, в статье акад. Крачковского „Дагестан и Йемен“ Сб. „Памяти акад. Н. Я. Марра“, 1938, стр. 366, примеч. 2.

[3] Косвенные указания, как, например, известный отзыв о Шамиле проф. Казембека в „Journal Asiatique“ (5-me série, t. XV, 1860, pp. 270—271), оставляю в стороне.

[4] Ср., например, суждение Г. В. Церетели „о блестящем знании Шамилем классического арабского языка“ в „Трудах первой Сессии арабистов 14—17 июня 1935 года“ (1937, стр. 112); о характере традиции см. у И. Ю. Крачковского в „Историческом архиве“ (т. II, стр. 26—27).

[5] Акад. Крачковский. Дагестан и Йемен. Сб. „Памяти акад. Н. Я. Марра“, 1928, стр. 365.

Некоторые неясности связаны с вопросом об арабоязычном населении на Кавказе. Слова А. Г. Туманского могут и в этом отношении несколько дезориентировать читателя. Несуществование арабского населения и „живой“ арабской речи на Кавказе в настоящее время, почти в середине XX в., не подлежит, повидимому, сомнениям. Более спорно и сомнительно несуществование такого населения в самом недавнем прошлом (в XIX в.), не говоря уже о более отдаленных временах — XVIII и предшествующих веках. Обычное, традиционное представление об исчезновении, точнее денационализации на Кавказе арабов, оседавших в восточном Закавказье и Дагестане с героической эпохи жизни арабского народа в VIII—IX в. н. э., относит это событие к монгольскому времени (XIII—XIV вв.). „Мы не имеем сведений, — писал акад. Бартольд по поводу Дербента,[1] важнейшего опорного пункта арабизма на Кавказе, — когда и как арабское население оказалось вытесненным турецкими иммигрантами. Этот переход связан, вероятно, с постепенной туркизацией Азербайджана и других пограничных областей северо-западной Персии после периода Сельджуков“, но отмечает тут же арабское имя правителя Дербента в XII в., Сейф аддина ас-Сулами, как доказательство сохранения арабами преобладающей над турками роли в Дербенте того времени. При оценке былого количества и роли арабского населения в Дагестане в ту эпоху следовало бы обратить внимание, между прочим, и на слова работавшего над своим трудом в Багдаде и Алеппо испанского араба-географа XIII в. Ибн Са'ида (1214—1286 гг. н. э.), пишущего, что население горной области Сарир (отождествляется с северным Дагестаном, специально Аварией) произошло от смешения арабов с турками.[2] При всей условности этнографического значения этого и подобных ему известий арабских географов, суждение ученого араба XIII в. имеет, конечно, известный и притом бо́льший вес в наших глазах, чем, например, аналогичное мнение европейского путешественника 80-х годов XVIII в. Рейнеггса (знавшего некоторые восточные языки, в частности турецкий) о хайдаках к северу от Дербента, говорящих будто бы на настоящем староарабском языке, смешанном с ногайско-татарским („ächt alt-arabisch mit Nogaitatarischen vermischt“).[3] Не случайно, быть может, наиболее прочно традиция арабского языка держалась до наших дней не в самом Дербенте и не к югу от него, как следовало бы ожидать по историческим и географическим соображениям, подсказываемым доступными нам источниками, а к западу от него. Еще не далее, как 6—7 лет тому назад, при различных разъездах по Дагестану, мне приходилось встречать показания об арабском языке как родном для местного населения (применительно к исчезающему старшему поколению) одного лишь единственного селения Дагестана — Дарвага, расположенного в горах, в 35 км к западу от Дербента (местное, табасаранское, название сел. Дарваг отбрасывает первую часть слова „Дар“, несомненно иранского происхождения в значении ʿврата', и звучит „Ва'акк“, аналогично тому, как Дербент, вместе с примыкающей к нему с запада горной цепью, называется по-просту „Бенд“, т. е. ʿзапор', а жители ряда селений к северу от названной горной цепи, както селений Дювек, Ерси, Дарваг, Зиль и др., именуются „Бендликк ккаюрар“, т. е. ʿживущие под Бендом'); ни в примыкающей к Дербенту с запада Табасарани, ни среди лезгин, рутулов, цахуров или других яфетических народностей южного Дагестана подоб-

---

[1] См. Enzyclopädie des Islam, s. v. Derbend.

[2] См. текст у В. Бартольда в „Festschrift zu Ehren von Prof. D. Chwolson“ (Berlin, 1899, стр. 235, примеч. 6) по рукописи Британского музея (Or., 1524, fol. 72).

[3] Dr. J. Reineggs. Allgemeine historisch-topografische Beschreibung des Kaukasus, Theil I, 1796, p. 84.

ных указаний не встречалось. Отмеченное показание об арабском населении Дарвага получает видимую поддержку в сведениях переписи 1897 г. В материалах переписи, опубликованных, к сожалению, только суммарно, по крупным административным подразделениям края, Центральным статистическим комитетом в 1905 г., о распределении населения Кавказа по родному языку, указывается на наличие на Кавказе в самом конце XIX в. 955 чел., показавших своим родным языком арабский. Распределялось это арабоязычное население следующим образом:

	Мужчин	Женщин
Бакинская губ	6	5
Дагестанская область	457	455
Кутаисская губ.	17	7
Терская область	4	—
Тифлисская губ.	2	—
Эриванская губ.	2	—
Итого:	488	467

24 чел. Кутаисской губ. — несомненно, горожане и случайные выходцы из Турции новейшего времени, может быть арабизованные ассирийцы (айсоры), так же как и 11 человек в Бакинской губ. С еще большей степенью уверенности можно это утверждать относительно Терской области и губерний Тифлисской и Эриванской. Они, разумеется, настолько же нехарактерны, как, например, те 11 человек „арабов", которые зарегистрированы были переписью 1926 г. в Закавказье (9 чел. в Азербайджане и 2 чел. в Армении). Что же касается говоривших арабским языком в Дагестане, то характерное для сельского населения Дагестана соотношение полов (меньшее число женщин против числа мужчин) и близость общей численности (912 чел.) к численности населения Дарвага (в 1886 г. для Дарвага указывалось 502 мужч. 459 женщ., всего 961 чел.; в 1894 г. — 497 мужч. 471 женщ., всего 968 чел. и т. п.; по более поздним данным на 1926 г. в Дарваге оказывается уже 641 мужч., 582 женщ., всего 1223 чел.) дают основание предполагать, что под арабоязычным населением Дагестана в переписи 1897 г. скрываются дарвагцы.

О ближайших обстоятельствах истории заселения Дарвага арабами мы имеем некоторые интересные указания: разрушенный ал-Джаррахом, полководцем халифа Язида II, в 103 г. х. (721/2 г. н. э.), хазарский Дарваг[1] был восстановлен и укреплен при халифе Мансуре (136—158 гг. х. = 754—775 гг. н. э.) наместником Армении Язидом ибн Асадом (sic!), поселившим в Дарваге арабов, выходцев из Дамаска;[2] отмечается при этом, что Дарваг был город большой и значительный. Более древнее и важное указание по этому же поводу содержится в истории Якуби; свидетельство Якуби позволяет составить более отчетливое представление об обстоятельствах, вызвавших со стороны арабов заселение и укрепление Дарвага и целого ряда пунктов в районе Дербенда. Здесь мы читаем:[3] „И заволновались хазары в области Армении, и напали на Язида ибн Усайда ас-Сулами, о чем он донес [— халифу —] Абу Джа'фару, сообщая, что Рас-Тархан, царь хазар, наступает на него с большой армией и что его [— Язида —] наместник бежал. Тогда Абу Джа'фар отправил к нему Джабра'ила ибн Яхью ал-Баджали с двадцатью тысячами [— воинов —]

[1] См. Dorn. Nachrichten über die Chasaren, etc., pp. 462—463, по персидскому переводу Табари, Бал.ами; Kazem Beg. Derbend Nameh, p. 518.

[2] Kazem Beg, l. c., pp. 571 и 579; версия, опубликованная Клапротом, указывает более точно год события — 146 г. х. = 763/4 г. н. э. (ibid., p. 573).

[3] Текст у Якуби (II, стр. 446) по переводу проф. Жузе (Мат. по ист. Азербайджана, вып. IV, Баку, 1927, стр. 8—9).

из жителей Сирии, Джазиры и Мосула, и они вступили в бой с хазарами, и было перебито много мусульман, а Джабра'ил и Язид ибн Усайд обратились в бегство и прибыли в [— крепость —] Хирс.[1] Получив известие о том, что постигло [— мусульманскую армию —] и о победе хазар и их вторжении в мусульманские области, Абу Джа'фар велел выпустить семь тысяч из тюрем и собрать в разных областях много воинов, которых он отправил [— против хазар —], присоединив к ним рабочих и строителей, и построил он города Камах (كمخ) и ал-Мухаммадию (المحمدية), и Баб-Вак (باب واق), и другие города, которые обратил в опорные пункты для мусульман и куда поселил воинов. После этого [— мусульмане —] возобновили войну и вступили в бой с хазарским народом; благодаря вышеупомянутым городам мусульмане усилились и страна успокоилась". Насколько мне известно, попыток приурочить названный в тексте Якуби Баб-Вак к какому-либо определенному пункту до сих пор не делалось, и название оставалось неразъясненным *ἅπαξ εἰρημένον*. Привлечение современного местного топонимического материала позволяет с легкостью разрешить вопрос: واق [باب] = [Дар] Ва'акк = 'Дар'вагу. Камах отождествляется с одноименным современным Камахом[2] (в 20 км к западу от Дербента). Испорченное в рукописной традиции третье название скрывает, вероятнее всего, современное сел. حميدى, Химейди,[3] расположенное в 30 км от Дербента, по соседству с Дарвагом.

О существовании арабов на Кавказе в новейшие времена, а именно в первой половине XVIII в., нам хорошо известно в связи с русской оккупацией западного и южного побережья Каспийского моря в 1722—1732—1735 гг. и русско-турецким размежеванием захваченных у Персии территорий Закавказья. В составленной Гербером в 1728 г. записке имеется следующее курьезное описание арабов-кочевников Муганской степи: „Аравитяне, живущие ныне в сих (т. е. прикаспийских) областях, происходят от тех, которые прежде сего с скотом своим пришли в Персию и там остались. Они говорят смешанным турецким, татарским и арабским языком и содержат сунскую магометанскую секту. Они живут по поколениям, по нескольку сот шалашов вместе, и выбирают себе юзбашу, которому повинуются. Кочуя в юртах и палатках, так же как их предки, ездят со скотом своим с одного места на другое. Летом укрываются от жару в горах, где есть вода или колодцы. За такое летнее жилище платят они господам тех земель нечто определенное, которое они называют «Ейлаг». Напротив того, зимуют в степи при море, у р. Кура и при других малых реках, платя за паству определенную пошлину, называемую «Кизляг» (т. е. 'кишлак'). Понеже горные места принадлежат туркам, а степные россиянам, то они летом живут в Турецкой, а зимой в Российской области. Юрты их покрыты рогожами, сделанными из тростника, а от дождя обложены войлоками, кои кладут на верблюдов и волов, ежели захотят ехать в другое место. Впрочем, они добрые люди и никому обиды не чинят. Иные употребляют огнестрельное оружие; а другие — стрелы и луки, но токмо для собственной своей обороны".[4] Своими

[1] Читать название этой лезгинской крепости в Ширване, до сих пор не отожествленное с современными данными, надлежит „Хурс". Название связано по происхождению с областью Хурсан и титулом Хурсан-шах и соответствует, по моему мнению, современному Хызр-зиндэ, около горы Беш-бармак; обоснование предлагаемого сближения требует более подробного рассмотрения имеющегося материала в другом месте.

[2] О нем см.: Kazembeg, l. c., pp. 571, 577.

[3] О нем ср.: Kazembeg, l. c., pp. 518, 532, 571 и 577.

[4] Ср.: Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекой Куром, народах и землях и о их состоянии в 1728 году. Сочиненное полковником Артиллерии Иваном Густавом Гербером, в „Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих", часть 2. СПб., 1760, октябрь, стр. 307—308.

сведениями Гербер обязан тому обстоятельству, что он был на Кавказе в течение 7 лет (1722—1729) и участвовал непосредственно, в качестве одного из комиссаров, в работах Комиссии по точному определению новых границ согласно русско-турецкому трактату от 12 июня 1724 г.[1] В районе арабских кочевий граница проходила по Куре, и от места слияния Куры и Аракса, у Джевата, направлялась по прямой линии, на расстоянии 50 верст, в северо-восточном направлении, к р. Пирсагат.[2] Учитывая все показания Гербера, мы можем локализовать район зимних кочевий арабов на пространстве между нижним течением Куры и Пирсагата, примерно на территории современного Али-Байрамлинского района Азербайджанской республики, а летних — к юго-западу отсюда, в сторону талышских предгорий. Главный интерес представляет у Гербера, без сомнения, определенность указания на происхождение описываемых им арабов из Персии; такая определенность могла бы, повидимому, служить основанием отнести время появления этих арабов в пределах Кавказа к эпохе не ранее XV—XVI вв. Аналогией для кавказских арабов послужили бы в этом случае арабы среднеазиатские, относительно которых существует мнение, что они выходцы из Афганистана и появились в местах нынешнего обитания в эпоху Тимура и Тимуридов.[3] Как бы то ни было, следующее по времени авторитетное указание на существование на территории Кавказа сохраняющих родной язык арабов мы имеем в труде известного Аббас-Кули Бакиханова — „Гюлистан - и Ирем“ („Райский цветник“), составленном в 1841 г. на персидском языке и переведенном (повидимому, под наблюдением самого автора) на русский язык в 1844 г. В 1848 г. в № 1 тифлисской газеты „Кавказ“, уже после смерти автора (в 1846 г.), было впервые напечатано извлечение из вводной части труда, касающейся „происхождения племен, населяющих нынешние закавказские провинции“. Полное, к сожалению не вполне удовлетворяющее научным требованиям издание русского текста[4] содержит интересующее нас место на стр. 13: „В Кубинском у. есть две, в Дербентском — одна и в Шекинском — две деревни, а в Ширванском — большое племя, носящие названия „араб“, вероятно, по происхождению своему. Одна отрасль этого племени в Ширванском у. и поныне говорит между собой арабским языком, а в дер. Дарваг, в Табасаране, недавно вышел он из употребления, но некоторые старики и теперь еще знают его“. Автор, местный житель, хорошо знакомый с современным ему положением восточного Закавказья, не называет, к сожалению, более точно тех селений или кочевий Ширвана, которые сохраняли в его время (30—40-е годы XIX в.) живую арабскую речь. Что касается селений денационализованных и утративших родной язык, то Бакиханов имеет в виду, несомненно, следующие: сел. Арабляр Дербендского у., сел. Араб (к северу от р. Вельвели) и сел. Араб (между рр. Гильгин и Ата-чай) Кубинского у. (оба селения, как и Арабляр, расположены невдалеке от самого побережья Каспийского моря), сел. Араб-Уджах[и] и сел.

[1] О подробностях см.: Бутков. Материалы для новой истории Кавказа. I, СПб., 1869, стр. 58—62 и 87—98; Joh. Jac. Lerche. Lebens- und Reise-Geschichte, von ihm selbst beschrieben etc. Halle, 1791, p. 17, Anm.; размежевание производилось с 17 авг. 1725 по 12 дек. 1727 г.

[2] Ср. Бутков, указ. соч., стр. 59. Составленная Гербером, одновременно с „известием“ „ландкарта“, изданная при Академии Наук в 1736 г., представляет, судя по библиографическому указателю Миансарова (приведена у него под № 302 без имени автора и без указания местонахождения, но ср. у него же №№ 109 и 233), известную редкость; экземпляр ее имеется в библиотеке Ленинградского университета.

[3] Ср.: Тезисы и содержание докладов второй Сессии Ассоциации арабистов. Л., 1937, стр. 28—29 (тезисы доклада С. Л. Волина — „К истории среднеазиатских арабов“).

[4] Тр. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, № 4, Баку, 1926.

Арабская Арешского участка Шекинского (Нухинского) у. (на дороге из Ерменибазара в Турьянчай). „Большое арабское племя“ в Ширванском (Шемахинском) у. приходится искать, очевидно, в районе сел. Арабляр, расположенного во времена Бакиханова, судя по показанию 10-верстной карты Кавказа издания 1847 г., верстах в 10—12 к северу от Кюрдамира, на дороге из сел. Эльхасова в Ахсу. Путешествовавший осенью 1842 г. по Дагестану и Закавказью проф. И. Н. Березин воспользовался не только упомянутой выше статьей Бакиханова в „Кавказе“,[1] но и устными сообщениями его по этому предмету,[2] о чем можно заключить из слов его.[3] „... мне говорили еще об арабском народонаселении верстах в 150 от Баку, но я решительно этому не верю“.[4] К тому же свидетельству Бакиханова примыкают сведения статистика Ю. А. Гагемейстера:[5] „Есть также [, — scil. среди народонаселения Закавказья, —] и арабы; две деревни в Кубинском, одна в Дербентском, две в Шекинском и большое поколение в Ширванском уу. поныне называются «Арабами», и часть из них до сих пор говорит между собою испорченным арабским языком. Арабы эти были переселены сюда халифами, для утверждения их власти между покоренными народами. Так, например, в 755 г. 7000 семейств из Сирии и Аравии переведено было в крепости, построенные против хазар, на пути от устьев Терека в Кубу и Шемаху“.[6]

Обстоятельно рассматривает вопрос, на основании, главным образом, камерального описания Бакинской губ. 1859—1864 гг., автор лучшего, не утратившего своего значения по сей день „Этнографического очерка Бакинской губернии“ Н. К. Зейдлиц.[7] „В горах и предгорьях Главного Кавказского хребта заметна еще одна народность, — пишет Зейдлиц,[8] — с возникновением ислама появившаяся в край и здесь властвовавшая, но никогда не имевшая в нем многочисленных представителей — это аравитяне. Потомки этого семитского племени, почти совершенно утратившие свой язык, и до настоящего времени указываются в жителях некоторых кочевьев и деревень, преимущественно Шемахинского и Гекчайского уу., носящих название «Араб». Кочевья и деревни Араблар преимущественно воспитывают верблюдов, что доказывает, что верблюд распространен в крае арабскими его завоевателями“. Более детально останавливается на арабских кочевьях Зейдлиц несколько ниже:[9] „Арабы оставили о себе память в наименованиях следующих населенных мест, по боль-

[1] В примечании к стр. 180, строка 6, 1-го издания 1849 г., его „Путешествия по Дагестану и Закавказью“, на стр. 99 отдела „примечаний“, читается: „Сборн. газ. Кавк. пер. пол. 1848, 3—4. Две деревни Кубинского уезда населены потомками Аравитян, а восточная часть Кубинского уезда занята тюркским племенем (Ibid. 4—5)“.

[2] О знакомстве с Бакихановым см. ук. соч., стр., 171.

[3] Ук. соч., стр. 246.

[4] Указание совпадает с мнением Бакиханова о „большом племени в Ширване“, ср. выше; кроме того, на стр. 53 и 67 отдела примечаний Березин воспроизводит, очевидно, показания Бакиханова, говоря в первом случае, что „жители местечка Дервак, находящегося в Табасаране на берегу речки того же имени, в 4 милях к северо-западу от Дербента, еще не так давно говорили только по-арабски. Может быть, они принадлежат к числу тех Аравитян, о которых говорит Масуди (El-Mas. Hist. Enz. I, p. 462)“, а во втором, что „еще и ныне в Дербентском уезде находится одна деревня, которой жители называют себя Арабами“.

[5] Новые очерки Закавказья. Журн. Мин. внутр. дел, 1847, часть XX, стр. 184.

[6] Гагемейстер пользовался „Рукописной историей восточной части Кавказа“ Аббас-Кули Бакинского, упоминаемой по другому поводу далее в тексте его статьи, стр. 212 и 214, примеч.

[7] Помещен в т. LXV „Списков населенных мест Российской империи“ (Тифлис, 1870) и вторично в „Кавказском календаре“ на 1871 г. (стр. 46—67).

[8] Н. К Зейдлиц. Этнографический очерк Бакинской губернии. Кавказский календарь на 1871 г., стр. 51—52.

[9] Там же, стр. 65—66.

шей части кочевьев: большом кочевом обществе Араб-бала-оглан, часть которого живет в Бакинском у., а главная масса в Джевадском; в Джевадских кочевьях: А.-Ушаги, А.-Абдул Керим, А.-Мамед-Агалу, А.-Кардаш-Беглу, А.-Бабирханлу; в кочевьях Геокчайских и Шемахинских: А.-Джаберлу и А.-Шахверди; Геокчайских: А.-Мехти-бека, А.-Сарван, А.-Ханэдан; Шемахинском: А.-Кадим; в Ленкоранской дер. Араб, и Кубинских деревнях: А.-Бабали (А.-Хаджи тож), А.-Кеймураз, А.-Гамья и А.-Али-Мамед. По свидетельству местных жителей, население всех этих кочевьев и деревень происходит от аравитян, завоевавших Закавказский край в VII столетии по Р. Х. В общей сложности в Бакинской губернии насчитывается по нашему списку народонаселения кочевьев и деревень Араблар 1680 дворов или кибиток, с 5510 д. м. п. и 4371 д. ж., всего 9881 д. об. п. Все это некогда арабское население говорит по-татарски, не сохранив и следов своего происхождения. Знание же арабского языка распространено у ученых и мулл в соседстве с Дагестаном, где и переписка производится на нем же... Что большинство кочевьев и деревень Араблар занимаются разведением верблюдов и извозом на них по краю, — мы заметили в главе о сельском хозяйстве и промышленности, указывая притом, что эта их отличительная черта также служит доказательством их бывших отношений к Аравии".

Следуя Зейдлицу, известный этнограф-кавказовед, покойный Г. Ф. Чурсин писал в 1929 г.: „С прекращением арабского владычества арабские гарнизоны были отозваны из Закавказья, и здесь остались лишь рассеянные там и сям небольшие арабские поселки. Потомки этих арабов до сих пор проживают в некоторых селениях Азербайджана. Они давно забыли арабский язык и усвоили язык окружающего населения — тюркский. От их прошлого арабского быта у них сохранилось лишь их старинное любимое занятие — разведение верблюдов. В настоящее время эти отюреченные арабы сами считают себя тюрками".[1]

Сравнивая с вышеприведенными сведениями (относящимися ко времени до 60-х годов XIX в.) данные позднейшего времени о населении Закавказского края, нетрудно заметить постепенный рост количества населенных пунктов, включающих в составе своего названия элемент „Араб"; в 1886 г., по данным посемейных списков, насчитывалось 31 селение этого рода (с общей численностью населения 16823 чел.), в 1933 г. оказывается уже 35 таких селений (с численностью населения, однако, уменьшившейся против 1886 г. — 11640 чел.), причем главная масса их оказывается сосредоточенной в настоящее время в Кюрдамирском районе Азербайджанской ССР, в котором, наряду с Шемахинским районом, осели, повидимому, отмеченные у Зейдлица кочевники обществ Араб-бала-оглан и Араб-Шахверди.

Для полноты обзора сведений об арабских поселениях на Кавказе, встречаемых в доступных нам печатных источниках, следует упомянуть рассеянные в трудах путешественников рубежа XVIII—XIX вв. не всегда надежные, на наш взгляд, разрозненные замечания, указывающие на арабское происхождение тех или иных элементов населения Кавказа; все подобного рода замечания, извлеченные из путешествий ботаников Биберштейна и Стевена, в особенности же из трудов известного Клапрота, тщательно систематизированы в труде Хасселя.[2] На стр. 739—740 названного труда Хассель пишет, что население Дагестана состоит, между прочим, „aus Arabern, die grösstentheils von den Kolonien abstam-

[1] А. Ф. Ляйстер и Г. Ф. Чурсин. География Закавказья. Тифлис, 1929, стр. 326.

[2] Hassel. Erdbeschreibung des Russischen Reichs in Asia usw. Weimar, 1821.

men, die von den Khalifen nach Eroberung des Kaukasus hierher geschickt wurden, gegenwärtig wohl 800 Familien. Sie halten sich Familienweise in einigen 100 Hütten zusammen usw." (далее — характеристика их быта по Герберу, ср. выше); в частности,[1] „das Gebiet (von Derbent) wird von Turkmanen und einigen Arabern bewohnt, die mit den Einwohnern der Stadt doch 4000 Familien ausmachen sollen".[2] Население Кубинского ханства области Мюшкюр состоит частично из „umherziehende Araber".[3] В Ширване часть населения составляется „aus Arabern, nur eine geringe Zahl, die seit der Oberherrschaft der Khalifen in dies Land gezogen sind und wie in Daghestan ihr Hirtenleben festgehalten haben";[4] точнее[5] указывается в Ширване: „der Distrikt Kerach, oder die Ebene an beiden Seiten des Persagat, von Arabern, Paddar und Turkmanen bewohnt, die hier in kleinen Hütten nomadisieren". На названный труд Хасселя находим неоднократные ссылки в востоковедной литературе по Кавказу первой половины XIX в. (у акад. Френа, Дорна, d'Ohsson'a — в частности по вопросу об арабах на Кавказе).[6] Злоупотребление этническим термином „араб" у предшествующего по времени Герберу голландского путешественника де Брейна (был на Кавказе дважды — в 1703 и 1707 гг.) справедливо отмечается Г. Ф. Миллером:[7] „Ле Брюн также пишет сие имя Низовой в своем описании путешествия (том I, стр. 14 и пр.; том II, стр. 405). Тамошних жителей, которые проводили его в Шамахию, называет он Арапами, но в том ему последовать не должно".

Арабами, поселившимися в Закавказье на правах завоевателей, не исчерпывались, однако, арабские элементы населения Кавказа. Мы имеем представляющее интерес исторического курьеза свидетельство ездившего по Дагестану в июле 1860 г. офицера генерального штаба Н. Глиноецкого об арабах-рабах в Дагестане, едва ли не последних по времени представителях арабоязычной по рождению и происхождению части постоянного населения Кавказа. „В Куссуре (аварское селение, расположенное в верховьях южнодагестанской р. Самур, — *А. Г.*) я встретил, — пишет Глиноецкий,[8] — несколько арабов, которые принадлежали в полную собственность или, говоря прямее, были рабами некоторых из зажиточных тамошних жителей. Арабы эти обыкновенно покупаются в Турции горцами, отправляющимися на поклонение в Мекку; цена арабу, смотря по летам его, силе и красоте, изменяется от 35 до 50 рублей серебром. Раз купленный и привезенный в горы, араб делается полною собственностью своего господина, наравне с рабочим скотом; впрочем, по отзывам самих же владельцев арабов, эти рабы очень недолговечны и редко выживают в горах более пяти лет. Однако же, следует заметить, что рабов из арабов я видел только в горных магалах (т. е. в бассейне верхнего Самура, — *А. Г.*); во внутреннем же Дагестане я их нигде не встречал; что же касается до Закавказья, то, судя по словам Ибрагим бея [спутника Глиноецкого по путешествию], там только изредка встречаются арабы в услужении, но ими очень дорожат, потому что они чрезвычайно усердны, трудолюбивы и бывают вполне душою и телом преданы своим хозяевам". Глиноецкий не приводит цифр, но следует полагать, что численность арабов-рабов не превышала нескольких десят-

[1] Hassel, l. c., p. 742.
[2] «Klaproth's Beschreibung der Russischen Provinzen des Kaukasus, p. 153.»
[3] Hassel, l. c., pp. 752—753.
[4] L. c., p. 762.
[5] L. c., p. 768.
[6] d'Ohsson. Des peuples du Caucase. Paris, 1828, p. 186, note XXII.
[7] В примечании к Герберу (стр. 209 русск. издания) к слову „Низабат".
[8] Поездка в Дагестан. Воени. сб., т. XXIII, 1862, стр. 154—155

ков; когда в 1866—1867 гг. состоялось так называемое „освобождение рабов" в Дагестане, то официально насчитано было в южном Дагестане всего лишь 44 раба — цифра явно преуменьшенная, что признавалось и редакцией „Сборника сведений о кавказских горцах, изд. при Кавказском горском управлении".[1] По сообщаемым здесь сведениям, цена на рабов бывала значительно выше той, какую указывает Глиноецкий, а именно от 150 до 300 рублей (если только последний расчет не произведен на ассигнации).

Если непосредственное указание на былое арабское происхождение некоторых селений, представляемое элементом „Араб" в составе самого названия соответствующего населенного пункта, можно признать в большинстве случаев не вызывающим существенных сомнений, то попытки, встречаемые в кавказоведной литературе, аналогичной интерпретации некоторых других имен, кажутся лишенными пока исторического основания. Наиболее ярким примером подобного сомнительного истолкования географических названий в угоду звуковым созвучиям представляются мне этимологизации названий селений Кала (Кара)-Курейш и Куруш, связываемых по происхождению с арабским племенным именем Курайш. Сел. Кала-Курейш, называемое иначе Ургмузда, известно как своими арабскими надписями (изданы в атласе Дорна), так в особенности тем, что оно служило древнейшей резиденцией кайтакских уцмиев; арабскую этимологию названия имеет, несомненно, в виду Дорн, пишущий в своем отчете по путешествию 1861 г. о „горной крепостце Кала-Курейш, которая в просторечии называется Кара-Курейш, а ошибочно Кириш".[2] Козубский[3] разъясняет категорически: „[—Кала-Курейш—] жительство первых уцмиев, производивших свой род от Корейшитов, откуда название, означающее крепость Корейшитов". Сел. Куруш замечательно тем, что оно — высочайший населенный пункт на Кавказе, расположенный на высоте 2492 м над у. м. Посетивший его в 1892 г. А. В. Пастухов подробно сообщает „корейшитские" предания об основании селения,[4] а дагестанский ученый Х. Алкадарский упоминает эту же версию в своем обзоре арабского населения Кавказа, суммирующем сведения Бакиханова и его собственную осведомленность, в следующих строках: „...рассказывают, что селение Арабляр, находящееся в окрестностях Дербента, было местожительством стоявших здесь в то время арабов. Точно так же есть несколько таких же селений, называемых Арабляр, в Кубинском, Шемахинском и Нухинском уу. Также в Самурском округе было местожительством арабов сел. Куруш, название коего Куруш произошло от искажения названия племени Корейш. Даже в северной Табасарани предки жителей сел. Дарвах были арабы, и до начала последнего столетия у них был в употреблении своеобразный арабский язык, который затем был заброшен и забыт. Но аллах лучше знает."[5] С другой стороны, приходится думать, что и название „Араб" сохранилось до наших дней далеко не во всех тех местах, где оно требовалось бы по обстоятельствам возникновения тех или иных населенных пунктов. В качестве характерного в этом смысле примера,

---

[1] Вып. I, Тифлис, 1868, отдел „Горская летопись", стр. 49, примеч.**.
[2] Дорн. Отчет об ученом путешествии по Кавказу. Тр. Вост. отд. Археол. общ., т. VIII, стр. 278; также, отд. оттиск, стр. 34. Ср. замечание А. В. Комарова в „Записках Кавк. отд. Географ. общ.", VIII (1873), в статье „Народонаселение Дагестанской области", стр. 17, примеч. *.
[3] Памятная книжка Дагестанской области, Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 327.
[4] Зап. Кавк. отд. Геогр. общ., кн. XIV, Тифлис, 1894, стр. 202—203.
[5] „Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа", вып. 44, Махач-Кала, 1929, стр. 33.

интересного еще и в другом отношении, приведу, по словам Бакиханова,[1] следующий: „Шейх Молла-Юсуф Мускурский происходил из аравийской фамилии, пришедшей в VII в. гиджры из Медины в Карабаг, а оттуда переселившейся в Мускур (кубинской провинции). В VIII столетии гиджры там родился шейх Молла-Юсуф... Потомки шейх Молла-Юсуфа всегда пользовались в народе особенною почестью и уважением. Деревня, где был похоронен шейх и где живут его потомки, называется Шейхляр... он умер в конце VIII столетия". Данный отрывок интересен, помимо указания на арабское происхождение по меньшей мере части населения сел. Шейхляр (или Шихляр, находится поныне в Хачмазском районе Азербайджанской ССР, с численностью населения в 1933 г. 67 чел.), еще и в том отношении, что служит подтверждением высказанному выше предположению о позднейшем появлении некоторых арабских элементов на Кавказе; в приведенном примере речь идет о поселенцах XIII—XIV вв.

Высказывая свое отрицательное мнение о достоинствах арабского языка, употреблявшегося до революции в дагестанской административной (добавим: и школьной) практике, А. Г. Туманский выражал общераспространенную в русских кругах на Кавказе тенденциозную оценку своего времени. Отнюдь не разделяя этой оценки по отношению к современному ему Дагестану, старший современник Туманского — Хасан-Эфенди Алкадарский[2] — совершает иную, также понятную в наших глазах ошибку. Он держится относительно исторического прошлого Дагестана того убеждения, что „они (речь идет о правителях и старейшинах Дагестана) вовсе не слушались ученых и порядочных людей. Есть также много других оснований полагать, что здесь со стороны правителей не было особой заботы о науке и школах, так как ни в одном селении или городе из многочисленных старинных книг нет заметных остатков и в течение тысячи лет после Гиджры нигде здесь не было собранной библиотеки. Даже выяснить, какие были ученые, получить о них письменный документ или достоверное предание стало предметом обследования. Из древних книг, встречающихся в местных школах и мечетях, видно лишь, что большинство их собрано и составлено в последние времена, главным образом, в начале XX века (XVIII века хр. эры), в эпоху корифея среди ученых Гаджи-Магомед-Эфенди ибн Муса Кудутлинского". Акад. Бартольд, цитируя слова Алкадарского, отнесся еще в 1913 г. с некоторым недоверием к его утверждению, находя его „вероятно несколько преувеличенным".[3] По замечанию акад. Крачковского, „местная традиция не сохранила памяти о древнем периоде распространения арабского влияния в Дагестане; наоборот, она настаивает на том, что оно восходит не дальше как к концу XVII в. ".[4] Между тем, в европейской науке уже свыше 100 лет тому назад приводились, хотя и не комментировались достаточным образом, данные, свидетельствующие о чрезвычайно важных в культурно-историческом отношении фактах влияния арабской культуры и письменности на создание на восточном Кавказе местной письменности в эпоху значительно более раннюю, чем XVII в.

Еще в 1834 г. один из основоположников востоковедения в России, создатель Азиатского музея Академии Наук, акад. Френ в напечатанном им анонимно „Хронологическом списке некоторых армянских исто-

---

[1] Аббас-Кули Бакиханов. Гюлистан-и Ирем („Райский цветник"), стр. 172.
[2] Цит. Сб., стр. 156; ср. к приведенной цитате из русского перевода замечание акад. Крачковского в „Сборнике памяти акад. Н. Я. Марра" (стр. 359 и примеч. 2).
[3] Enzyklopädie des Islam, s. v. Daghestan.
[4] Сб. „Памяти акад. Н. Я. Марра", стр. 358.

риков, рукописные творения коих стоило бы отыскать и купить, с указанием важных рукописных сочинений из разных других литератур, к отысканию и приобретению коих мог бы представиться случай в Грузии и в других Кавказских странах“ [1] писал следующее: „Что и лезгинцы имели свою литературу, — обстоятельство, бывшее доселе неизвестным, — мне только недавно объяснилось. На их язык переведены были некогда арабские сочинения. В числе таковых один известный писатель XIII столетия называет كتاب الامام الشافعى или «Книгу Имама Шафеи» и مختصر المزنى или «Сокращение Музения». Первое из сих сочинений есть многотомное творение, сочиненное упомянутым Имамом, умершим в 820 г. по р. х., о главных догматах ислама, по установленному им и по нем же названному обряду. Второе, излагающее побочные учения магометанского права по тому же обряду, есть одно из главных творений Шафеитов, коего сочинитель, умерший в 878 г. по р. х., назывался настоящим именем Исмаил. Лезгинский перевод сего последнего творения есть по всему вероятию Коран Исмаила, о котором Рейнеггс и другие этнографы Кавказа упоминают как о древнем арабском кодексе, на решения коего ссылаются лезгинцы во всех до правоведения касающихся делах... Надлежало бы тщательно заняться отысканием сих обоих сочинений, равно как и других литературных произведений лезгинцев из древних времен, о прежнем существовании коих можно посему догадываться не без основания. Открытие таковых памятников ныне уже давно истребившейся образованности сего народа во многих отношениях, и в особенности для лингвистики, было бы весьма важно“.

Обращение Френа нашло отклик, но не там, где оно могло дать интересовавшие его практические результаты. В главном органе французского востоковедения, „Journal Asiatique“, появилась небольшая заметка (Note communiquée par M. Brosset) под заголовком „Sur la littérature des Lesgues“, воспроизводящая, без указания источника информации и с некоторыми погрешностями, вышеприведенные слова Френа и редактированная таким образом, что могла ввести читателя в заблуждение по части авторства заметки: [2] в составленной в 1887 г. сыном Броссе „Bibliographie analitique des ouvrages de M. Brosset“ [3] данная заметка отнесена к числу оригинальных статей Броссе. Результатом заметки Броссе в „Journal asiatique“ было, в свою очередь, сообщение одного немецкого журнала (именно „Das Ausland“), что названные в труде Френа лезгинские переводы уже найдены. Имея в виду эти литературные отклики, Френ писал в 1845 г. в другом сочинении, сходного с „Хронологическим списком“ назначения, следующее: „Этого [—, т. е. находки переводов —], к сожалению, по сие время еще не случилось, хотя вышеупомянутое небольшое сочинение, посвященное литературам Кавказа [—, т. е. вышеназванный «Хронологический список армянских историков» —], было распространено во многих экземплярах в Закавказском крае. По сей причине я поместил из него оба эти нумера (т. е. «Книгу имама Шафеи» и «Сокращение Музения») в предлежащем новом издании, так как некоторое число его экземпляров должно быть послано также в закавказские таможни. Будем желать и надеяться, что по крайней мере хотя один из этих любопытных древних памятников прежней лезгинской литературы найдется, быть может, опять в непродолжительном времени, что для предпринятого здесь

[1] Изд. Акад. Наук, СПб., стр. 8—9.
[2] Journal Asiatique, 3-me série, t. III, Mars 1837, p. 319.
[3] См. p. 99, no. 55.

теперь грамматического обработания так мало еще известного нам языка сего народа было бы настоящим приобретением“.[1]

Надежде Френа не суждено было сбыться до настоящего времени, что не может удивлять при знакомстве с общими условиями литературной традиции в Дагестане; трудно сказать что-нибудь об отношении к затронутому Френом вопросу каких-то „лезгинских рукописей“, упоминаемых в предисловии к книжке Альтманна,[2] однако вероятнее всего, что „лезгинский“ понимается здесь в неправомерно расширительном смысле „дагестанского“. Из ученых, которым поручалось на месте воспользоваться библиографическими указаниями Френа и которые побывали на Кавказе и в Дагестане, следует отметить известных „путешественников по Востоку“, магистров Казанского университета Дителя и Березина.[3]

Комментарий, которым Френ сопроводил интересное известие писателя XIII в., при всем остроумии сближения имен автора одного из двух арабских сочинений, переведенных некогда на „лезгинский“ язык, Исмаила ибн Яхья ал-Музани [это один из первых и наиболее популярных классиков шафиитского толка, скончавшийся в 264 г. хиджры (=877/8 г.); его сочинение называлось полностью مختصر المزنى فى فروع الشافعية, т. е. „Компендий ал-Музани по отделам шафиитского учения“],[4] с именем какого-то Исмаила, „Кораном“ которого, по сообщению Рейнеггса,[5] пользовались судьи дагестанских селений Эрпели, Карабудахкент и Губден (находятся в северо-восточной части Дагестана, населены первые два кумыками, последнее — даргинцами), могло только дезориентировать читателя, поскольку оно основано на заведомо ошибочном, по крайней мере в данном случае, хотя и давно широко распространенном смешении понятий „лезгин“ и „дагестанец“. Между тем, тот источник, на котором основывался Френ, — арабский космограф Закария Казвини, написавший свое географическое сочинение „Памятники стран“ в 1275 г. н. э., — держится господствующей в классической арабской географической и исторической литературе точки зрения, согласно которой лезгинами (اللكز, لكزان) называлось население только ю ж н о й части Дагестана, бассейна р. Самур, а также прилегающей с юга равнины, тянущейся по побережью Каспийского моря, между рр. Самур на севере и Ата-чай на юге. Арабский текст интересующего нас сообщения Закарии Казвини, с немецким переводом, но без комментария, напечатан был впервые акад. Дорном,[6] а вслед за тем издан в составе всего труда арабского космографа, без перевода, Вюстенфельдом;[7] незначительные разночтения и исправления,

[1] Ср.: Ф р е н. Некоторые указания, взятые большей частью из историко-географической литературы арабов, персов и турков, преимущественно для наших чиновников и путешественников в Азии. Изд. Акад. Наук, СПб., 1845, стр. XLIV—XLVI.
[2] Ср.: Die Wüstenharfe. Eine Sammlung arabischer Volkslieder. Nach in Russland befindlichen, zum Theil slawisirten, zum Theil latinisirten Codices zum ersten Male ins Deutsche übertragen von Dr. Julius Altmann. Leipzig, 1856. Книга известна мне лишь по статье акад. Крачковского — „Арабские рукописи в русских монастырях“ (ЗВО, т. XVIII, Пгр., 1915, стр. 126).
[3] Ср. замечание Березина в предисловии к его книге „Путешествие по Дагестану и Закавказью“, изд. 1-е, 1849, стр. XI.
[4] О Музани см.: B r o c k e l m a n n. Geschichte der arabischen Literatur. I, 180, no. 2. Enzyclopädie des Islam, IV, p. 272, s. v. ash-Shafi'î.
[5] Dr. J. R e i n e g g s. Allgemeine historisch-topografische Beschreibung des Kaukasus. Theil I, 1796, p. 192.
[6] D o r n. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. V. Geographica etc. Mém. Acad., série VI, sc. polit., t. VII, St.-Pétersb., 1847, pp. 567—568.
[7] Zakariya Ben Muh. ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Hrgs. von F. Wüstenfeld, Bd. 2 Göttingen, 1849, стр. ٢٠٥.

представляемые изданием Вюстенфельда сравнительно с текстом использованной у Дорна старинной (1330 г. н. э.) рукописи, см. у Дорна в „Nachtrag zu den Geographicis Caucasiis“ (p. 657). Еще до Френа и Дорна на интересные сведения Казвини о двух лезгинских городах (طاخر и شناس) обратил внимание в 1828 г. d'Ohsson.[1] Из труда Казвини эти же сведения почерпнул уже в XV в. позднейший географ Бакуви, содержание труда которого подробно, хотя и неточно, пересказал по-французски de Guignes еще в 1789 г.[2]

Текст сообщения Закарии Казвини в русском переводе гласит (ср. немецкий перевод Дорна):[3] „طاخر (у Бакуви — ظاهر; у d'Ohsson,[4] — طاخر) — город большой, населенный, в шести переходах от Ганджи (جنزه). Он — главный город [—, rsp. столица, —] страны лезгин (لكزان). Холод в нем очень силен. Рассказал мне факих Юсуф ибн Мухаммад Ганджинский, что вода его [—, т. е. города, —] из реки, называемой Самур (ثمور). Она [— находится —] в замерзшем состоянии зимой и летом. Они ломают лед и черпают воду из-под него. А когда они почерпнут [— воду —] и нальют в кувшин, они помещают его в [— особую —] покрышку из бараньей шкуры, чтобы [— вода —] не замерзла тотчас же. А пища их [— состоит —] из злака, называемого сульт (السلت); он похож на ячмень по виду, а по качеству он имеет природу пшеницы. Нет торговли у них и нет торговых сношений [— друг с другом —], но каждый сеет от этого злака удовлетворяющее его количество и питается им и молоком своих овец и кислым молоком их; а одевается он от их шерсти. И нет главаря [— у них —], но есть у них хатиб [—, т. е. проповедник], который молится с ними, и казий, который разбирает тяжбы между ними по учению имама ал-Шафеʿи, да ниспошлет аллах ему свое благоволение. Жители этого города все шафеиты. В нем — медресе; основал его везир Низам ал-Мулк ал-Хасан ибн Исхак, да очистит аллах его душу. И при нем (т. е. училище) имеется учитель и факихи. И полагается каждому факиху в нем [—, т. е. училище, —] ежемесячно один баран и определенная мера сульта. Рассказывают, что они перевели «Компендий Музани» на лезгинский язык и подобно этому «Книгу имама ал-Шафеи» и занимаются ими обеими, аллаху споспешествующу“.

Дорн, транскрибирующий طاخر посредством „Dsachar“, не поясняет, что это за город и существует ли он в настоящее время. D'Ohsson, считавший имя города „Takhar“, сближает это название с названием какой-то деревни „Takhir“; судя по пояснению („le village de Takhir, au bord d'une petite rivière qui va, du midi au nord, se jeter dans le Samour“),[5] он имеет в виду современное сел. Тахирджал (طاهرجال), расположенное на небольшом южном притоке Самура, километрах в 7—8 выше впадения его в Самур. Отождествление это совершенно произвольно и явно ошибочно: ни название, ни местоположение в сравнительно невысоких предгорьях, в стороне от нижней части р. Самур, не соответствуют описанию Казвини. Приурочить „главный город страны лезгин“ представляется, однако, делом нетрудным: под طاخر Закария Казвини скрывается, очевидно, современный Цахур, лежащий высоко

[1] d'Ohsson. Des peuples du Caucase, p. 158.
[2] Notices et extraits des manuscripts du Roi, t. II, pp. 386—545; заметка о городе ظاهر на стр. 537, ср. еще ссылку у Березина (указ. соч. примечания, стр. 96 внизу).
[3] Dorn. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen, V, Geographica etc. Mém. Acad., série VI, sc. polit. t. VII, St. Pétersb., 1847.
[4] L. c., p. 158
[5] L. c., p. 159.

в горах, в верхней части долины р. Самур. Цахур, начальный звук названия которого представляет специфический для кавказских языков надгортанный аффрикат (отсюда колебания в передаче этого звука в наших источниках, в арабском между ʿ и ز, в русском между ц и з), известен в имеющихся в нашем распоряжении арабских источниках с 1238 г. н. э. (или 636 г. х.): к указанному году относится древнейшая из найденных в 1850 г. в Цахуре Бартоломеем пяти старинных арабских надписей. К 1433 г. н. э. (или 836 г. х.) относится очень интересная в историческом отношении надпись, подробно повествующая об обстоятельствах сооружения крепости в Цахуре (زاخور); надпись была издана, переведена и комментирована Н. В. Ханыковым дважды.[1] Три другие надписи относятся: одна — к 1302 г. н. э. (=701 г. х.), другая — к 1368 г. (=770 г. х.) и третья — не датированная. Указанные находки позволяют, таким образом, утверждать, что уже с первой половины XIII в. существование как самого сел. Цахур, так и памятников арабской письменности в нем несомненно. Более определенные и подробные сведения по истории Цахура, чем отрывочные намеки надписей, относятся, впрочем, лишь к позднейшему времени, а именно к XVI и следующим столетиям; для этого времени в нашем распоряжении имеются: 1) серия шахских и султанских фирманов, дававшихся цахурским владельцам, начиная с 1562 г.;[2] 2) повествовательные источники на персидском языке по истории Сефевидов, Надира и Каджаров и их войн в Закавказье (основные материалы у Искендера Мунши и историков Надир-шаха); 3) повествовательные источники на турецком языке (в особенности — Али-Челеби); 4) источники грузинские (так, например, о походе грузинского царя Теймураза I в 1628 г. в Цахур и Кусур нам известно по грузинским писателям Вахушту и Арчилу) и пр. По некоторым народным преданиям Цахур существует не более, не менее как 18 столетий и насчитывал первоначально до 2000 дворов;[3] другой, более трезвый и положительный вариант предания[4] об основании Цахура относит это событие к „500 годам магометанской эры“, т. е. к XII в. н. э., что вполне согласуется с историческими данными. Различные предания, связанные с историей Цахура XVI—XVIII вв., сведены в так называемый цахурами-любителями родной старины „тарих“, на арабском языке, встречаемый в настоящее время в рукописях в Цахуре, Сувагиле и других цахурских селениях; копия „тариха“, снятая по моему поручению в 1933 г., имеется и в Ленинграде.

Бассейн верхнего течения Самура выделяется вообще в Дагестане обилием древних памятников арабской эпиграфики: в Гельмеце, расположенном на Самуре в 6 км ниже Цахура, найдены были в том же 1850 г. две куфические надписи (одна из них датирована 557 г. х.= 1162 г. н. э.), в Лучеке (12 км ниже Гельмеца) — две, в Рутуле (15 км ниже Лучека) — семь (с датами 572, 625, 683, 910 гг. х.), в Зырыхе (Ханыков пишет Зуроглу, Zouroglou, 10 км ниже Рутула) — две (563 и 615 гг. х.), в Ахтах — две (одна — времен ширваншаха Халил Улла, XV в., другая — 1039 г. х.). Некоторые из надписей, обнаруженных Бартоломеем

[1] См.: газ. „Кавказ“ за 1851 г., № 25; idem. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. Journ. Asiat., Paris, 1863 (отд. отт., pp. 84—85).
[2] Напечатаны частично у Берже, в приложении к т. II „Актов Кавказской археографической комиссии“ (Тифлис, 1868).
[3] Запись И. Линевича в 1878 г., см. его статью „Бывшее Елисуйское султанство“ в „Сборнике сведений о кавказских горцах“ (вып. VII, стр. 10); в наше время, в 1932 г., в Цахуре насчитывалось 160 домохозяйств с населением 831 чел.
[4] Ср.: А. фон Плотто (со слов некоего Гадки Баба-эфенди) в его статье „Природа и люди Закатальского округа“ (в цит. Сборнике сведений о кавказских горцах, вып. IV, стр. 10).

в 1850 г., следовательно до известного переселения всех селений, расположенных в долине Самура выше Лучека, на приалазанскую равнину в Закавказье в 1852 г., в настоящее время, повидимому, приходится считать погибшими: при принудительном переселении аулы (в том числе и Цахур) разрушались артиллерийским огнем из орудий большого калибра и восстановлены в нынешнее состояние в 1860—1861 гг. из обломков и развалин, сохранившихся кое-как на месте. Однако и сейчас еще не исключена вероятность обнаружения неучтенных в существующей литературе древних эпиграфических памятников на арабском языке в этом же районе; по крайней мере в 1933—1935 гг. нам приходилось встречать указания местных жителей на „куфические“ надписи в Ихреке, Шиназе и других аулах бассейна Самура; к сожалению, как плохая сохранность виденных нами надписей, так и расположение некоторых из них в труднодоступных местах препятствовали снятию эстампажей или требовали, по меньшей мере, специальной затраты значительного труда и времени. Отождествлению „главного города страны лезгин“ с современным Цахуром, с точки зрения точной этнографической классификации, могла бы на первый взгляд помешать принадлежность современных цахурцев к особой, отличной от лезгин, языковой группе (к ней принадлежит в бассейне Самура население ряда селений, начиная от Гельмеца и выше по течению реки, вплоть до Кусура, где жители — уже аварцы по языку); означенное затруднение представляется тем не менее несущественным, в виду того, что называемый тем же Закария Казвини Шиназ (по Казвини — „городок из [— числа —] городов Лезгин“) также не лезгинское в строгом смысле этого термина, а рутульское по языку селение. Как это последнее обстоятельство, так и ряд иных данных арабских географов, космографов и историков не оставляют сомнения в более широком значении термина „лезгин“ в мусульманских источниках IX—XIII вв. сравнительно с современным, как уже было нами упомянуто выше.

Что касается реального значения слова السلت, как названия особого злака, служившего главной растительной пищей в Цахуре и Шиназе, то следует заметить, что в толковании его арабскими лексикографами замечается некоторое расхождение между большинством источников, указывающим (по справке, обязательно сообщенной мне акад. Крачковским) значение ‘ячмень’ и испано-арабскими авторитетами (согласно Dozy), толкующими этот термин в смысле ‘ржи’. Речь идет, очевидно, о какой-то особой зерновой культуре, быть может той, которая известна ныне в горах под названием „голого ячменя“ (местное название звучит ныне „маар“, معر); культура эта признается местными жителями древнейшей из существующих и некогда весьма распространенной, а сейчас сохраняемой лишь как пережиток прошлых времен.

Приведенное известие Казвини ставит нас перед фактом значнтельного арабского влияния на население южного Дагестана; кажется возможным сравнить его, в известном отношении, с влиянием византийско-греческим на Киевскую Русь в X—XI вв. Оно совершенно опровергает популярное представление о позднем развитии местной дагестанской, пользующейся арабскими языком письменности, выразителем которого оказался в конце XIX в. Хасан Алкадарский. Но это же известие ставит перед нами трудную историческую проблему, сущность которой сводится: 1) к точному определению территориальных и хронологических границ и ближайших условий возникновения южно-дагестанского „кавказско-арабского“ культурного очага, случайным отзвуком былой жизнедеятельности которого остается для нас известие Закария Казвини; 2) к определению культурно-исторической обстановки в северном Дагестане в конце XVI и в начале XVII в. и тех непосредственных причин, которые вызвали здесь своеобразный „ренессанс“ средневековой арабской культуры на Кавказе и создали, в конечном счете, тот воинствующий во имя идей шариата, глубоко враждебный иноземному (безразлично как русскому, так и персидскому) культурно-политическому влиянию Дагестан Гази-Мухаммада (Кази-Муллы), Гамзата и Шамиля, каким его знает позднейшая (XVIII—XIX вв.) научная и популярная литература. Здесь не место входить в детальное рассмотрение этой проблемы и средств для ее научного решения. Следует все же оттенить решающее, на наш взгляд, значение, в процессе перемещения центра арабизма на Кавказе из южного Дагестана в северный, событий, сопутствовавших военным столкновениям периода начала персидско-турецко-русской борьбы за политическое господство на восточном Кавказе во второй половине XVI и первой половине XVII в. Как отметил в свое время Н. В. Ханыков, северная граница заметного арабского культурного влияния проходила в эпоху XII—XIII вв. примерно на широте Дербента (т. е. по водораздельному хребту, отделяющему бассейн р. Сулак и его притоков на севере Дагестана от бассейнов рр. Самур, Гюльгерычай и Рубасчай на юге). „Мы видим, — писал Ханыков по поводу древних эпиграфических следов арабского влияния на Кавказе,[1] — что из 85 персидских и арабских надписей, собранных на Кавказе, значительно больше половины (51) принадлежат Дербенту, Дагестану и Кубинскому округу“. В XVII—XVIII вв. мы замечаем, в противоположность эпохе до XVI в., в качестве очагов возрождения арабизма преимущественно районы к северу от указанной границы. Таким образом из древнейших известных деятелей этого возрождения трое — аварцы по национальности, родом из близких друг другу селений Кудутль, Аймаки и [—общества—] Карах [—располагалось в среднем течении р. Кара Койсу—], трое — даргинцы, из сел. Акуша и соседних с ним селений Муги и Усиша.[2] Имена этих деятелей: 1) Гаджи-Магомад-Эфенди ибн Муса Кудутлинский (ум. в 1708 г.); 2) Таиб Карахский, современник Гаджи-Магомад-Эфенди; 3) Гаджи-Абубекр-Эфенди ибн Моавия Аймакинский (ум. в 1790 г.); 4) Дамадан-Эфенди Мугинский, современник Гаджи-Магомад-Эфенди; 5) Гаджи-Дауд Усишинский (ум. в 1758 г.) и 6) Магомад-Кади ибн Муса Акушинский (ум. в 1790 г.).

Процесс постепенной исламизации Дагестана представляется в следующем виде: соседящие с юга с Табасараном, обращенным в Ислам по традиции уже в VIII в., а с запада с Кумухом, обращенным по преданию в 161 г. хиджры (т. е. 777 г. н. э.), кубачинцы, бывшие еще в XII в. язычниками и сохранявшие любопытные погребальные обычаи (они обсуждались в научной литературе неоднократно, в последний раз акад. Бартольдом),[3] могут считаться окончательно вовлеченными в орбиту мусульманского религиозно-политического влияния лишь с начала XV в.: найденная Дорном в 1861 г. надпись 807 г. х. (=1404—5 г. н. э.) относится ко времени принятия ими мусульманства.[4] Мы знаем, что расположенный далее к северу Акушинский район (Ашкӯджа у Шарафаддина Йезди) был еще в конце XIV в. населен немусульманами. Что здесь; быть может, распространено было не только язычество, но и христианство (а именно вплоть до XVI—XVII вв.), — дают повод думать,

[1] Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. Journ. Asiat., Paris, 1863 (отд. отт. стр. 21).

[2] Алкадарский, цит. Сб., стр. 156—158.

[3] ЗВО, т. XIII, стр. 0101—0104; здесь же см. указания на основную предшествующую литературу.

[4] Ср. разъяснения Дорна в Bulletin de l'Académie des sciences de St. Pétersbourg (t. XIX, 1874, p. 307); древнейшая из надписей соседящего с Кубачами с севера Кала Курейша датирована 826 г. х. (1422—3 г. н. э.), ср. ibid.

с одной стороны, находящаяся в близком к Акуше Гидатле (аварское общество, расположенное по течению Аварского Койсу) христианская часовня в Датуне, построенная, по свидетельству Гаджи-Али Чохского, в 880 г. х. (т. е. 1475 г. н. э.), с другой стороны — недавние находки древних надписей на грузинском или сходном с ним алфавите в нескольких пунктах северного Дагестана; последняя по времени находка, сделанная в 1933 г., имела место в аварском сел. Чох, расположенном к западу от Акуши, на большой глубине под землею (надпись, судя по плохой копии от руки, из 6 строк, грузинским уставным письмом). В конце XVI в. турецкий историк Али-Челеби рисует авароязычную часть подданных шамхала в самых мрачных красках и приписывает им общность жен. Для конца XVII в. мы имеем свидетельство писавшего уже в XVIII в. грузина Вахушта о соседящих с ними дидойцах как об идолопоклонниках, соблюдающих обычай снохачества; то же самое подтверждается в 20-х годах XVIII в. Гербером,[1] сообщающим, кроме того, о соседних дидойцам так называемых андо-дидойских племенных группах такие подробности, которые полностью подтверждают его собственное суждение: „...они, хотя и последуют сунской секте и называются муслиманами, однако имеют притом многие языческие обряды и в самом деле больше идолопоклонники, неже мусульмане“.[2] Таким образом мусульманский прозелитизм северного Дагестана конца XVII—начала XIX в. оказывается типичным прозелитизмом неофитов, лишь недавно обращенных в ислам: традиционная для XIX—XX вв. концепция о древнем распространении ислама среди горского населения Дагестана оказывается именно для бо́льшей его части чистейшей фикцией.

На стр. 19—20 своей брошюры А. Г. Туманский предлагает вниманию читателей собственный перевод образца древнеарабской доисламской поэзии. Нельзя не заметить с сожалением, что избранный им для перевода текст решительно никакого отношения к непосредственной теме работы не имеет. Между тем, среди дошедших до нас образцов древнеарабской поэзии без труда отыскиваются такие, которые могут способствовать уяснению различных моментов прошлого Кавказа. В качестве интересного в историко-этнографическом отношении примера назову известные стихи поэта Абдуррахмана ибн Джуманы ал-Бахили, посвященные могилам его знаменитых соплеменников — Сальмана ибн Раби'а и Кутейбы ибн Муслима. С именем первого из них связываются в традиции наиболее древние события арабо-хазарской борьбы за обладание восточным Закавказьем и Дагестаном, относящиеся к эпохе первых халифов (40—50-е годы VII в.). Трагическая гибель Сальмана со всеми сопутствовавшими ему (по преданию в количестве 4000) воинами имела место где-то в равнинной части северного Дагестана, севернее Дербента. В написанных по этому поводу стихах Ибн Джуманы говорится:

„Есть у нас две могилы: могила Баланджара и могила в Синистане. О, удивительные могилы!

„Тот, который [— похоронен —] в Сине — всеобъемлющи были его завоевания, а тот, который у турок, то при его помощи добывается [— дождевая —] влага“.

Цитирующий приведенные стихи Ибн Джуманы историк IX в. Ибн Кутейба объясняет смысл их следующим образом:[3] „Убили Сальмана

[1] Указ. соч., стр. 131, 132.
[2] Указ. соч., стр. 134, 135.
[3] См.: Ibn Coteiba's Handbuch der Geschichte, hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1850, p. ٢٢١, cf. p. ٢٢٦.

в Баланджаре в стране турок в халифат Османа... и говорят, что кости его у баланджарцев [— хранятся —] в гробу. Когда не выпадает у них [— букв.: задерживается над ними,—] дождь, они выносят его [— т. е. гроб —] и испрашивают при посредстве его дождь и получают его [— букв.: орошаются —]“. С незначительными вариантами те же стихи приводятся у Балазури,[1] Ибн ал-Факиха,[2] и наконец, у Якута, в двух местах его „Географического словаря“.[3] Якуту принадлежит более подробное, чем у Ибн Кутейбы, объяснение смысла стихов: „Он [— т. е. поэт —] имеет в виду, что турки или хазары, после того как они убили Сальмана ибн Раби'а и товарищей его, наблюдали каждую ночь великий свет над местом их убиения. И говорят, что они похоронили их и взяли Сальмана ибн Раби'а, и поместили его в гробу, и отправили в свой храм [— собств. дом поклонения —]. Когда же они бывали поражены засухой или страдали от нее, они выносили гроб и снимали с него покров и получали дождь“,[4] при второй цитате[5] короче: „поместили его в гробу и затем испрашивали при помощи его дождь, когда страдали от засухи“.

В связи с приведенными толкованиями стихов Ибн Джуманы Ибн Кутейбой и Якутом, прежде всего, естественно, вспоминается другой, известный по арабским источникам аналогичный пример магической роли костей покойника в хазарском быту: имею в виду интересный рассказ Ибн Хаукаля[6] о споре двух юношей за наследство, причем для определения законного претендента вырытые из могилы истлевшие кости отца одного из них поливались кровью спорящих. Подобным образом кости первого арабского полководца, погибшего в борьбе за торжество ислама в горах Кавказа, испытали у северодагестанских хазаров курьезную судьбу — служить магическим средством борьбы с бездождием и засухой. Неясно, ограничивались ли баланджарцы открытием костей Сальмана и выставлением их под открытым небом, или — что быть может случайно опущено в наших источниках — они еще и погружали их в воду. В пользу первого понимания говорит аналогия суеверия, существующего до наших дней у населения нагорного Дагестана,[7] нагорной Чечни и Ингушии, объясняющего дождливую погоду тем, что где-либо лежат непохороненными на поверхности земли кости покойника; в случае же засухи практикуется выбрасывание на землю костей из старинных могильников, в изобилии разбросанных в горах, так называемых в Ингушии „кашамаш“. Погружение костей покойника в воду практиковалось до недавнего времени с магической целью у сванов, карачаевцев, абхазов, черкесов и русских Северного Кавказа. Магическая роль костей в деле вызывания дождя, притом (что для аналогии с разбираемым историческим примером особенно любопытно) по преимуществу костей людей, чем-либо выдающихся (самоубийц, убитых молнией, сектантов, чужеземцев), из-

[1] Liber expugnationis regionum, p. ٢٠٤. Ср. неточный перевод у Жузе (Мат. по ист. Азербайджана, вып. III, Баку, 1927, стр. 141).
[2] BGA, V, p. ٢٨٧. Ср. перевод у Караулова (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXXI, стр. 13).
[3] Изд. Вюстенфельда, t. I. pp. ٤٤١ и ٧٣٠. Перевод первой из названных цитат у Barbier de Meynard (Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse etc. Paris, MDCCLXI, p. 72).
[4] L. c., p. ٤٤٠,
[5] L. c., p. ٧٣٠.
[6] BGA, II, p. ٢٨٠. Ср. перевод Караулова (цит. Сб., вып. XXXVIII, стр. 111).
[7] Ср. замечание одного из участников научной экспедиции в Дагестане в 1923 г. в журнале „Новый Восток“, № 5 (М. 1924), стр. 250, примеч. 2. „Следует отметить, что сильно затруднявшую раскопки дождливую погоду местные жители (сел. Урода в Хидатле), как и в других местах Дагестана, считали прямым следствием нарушения покоя древ его кладбища, но на этот раз участвовали в раскопках весьма охотно, так как перед этим Хидатль сильно страдал от засухи“.

вестна, конечно, не только этнографам Кавказа;[1] по связи территориальной и в силу культурно-исторического преемства судьба останков арабского полководца дает тем не менее небезинтересное указание на бытовые черты северодагестанских хазар, укрепляющее тезис об исконном этнографическом единстве населения северо-восточного Кавказа, неоднократно высказывавшийся в кавказоведческой литературе.

Не менее интересны для характеристики быта арабского гарнизона в Дербенте в ту же раннюю эпоху первых халифов, к которой относится деятельность Сальмана ибн Раби'а, стихи Сураки ибн Амра, по прозвищу Зу-ннун, также приводимые у Якута.[2] Сурака ибн Амр был, по свидетельству Табари,[3] непосредственным участником военных действий на Кавказе, и стихам его присуще значение автобиографическое. По этому поводу уместно подчеркнуть особое значение тех письменных источников на арабском языке, которые обязаны своим происхождением авторам, посещавшим Кавказ и знавшим его по непосредственным собственным наблюдениям на месте. Эти авторы могут быть поставлены в ряду тех позднейших по времени восточных и западных путешественников по Кавказу, описания которых играли и играют до настоящего времени столь выдающуюся роль в научных исследованиях прошлого народов Кавказа. К сожалению, ближайшие обстоятельства биографии целого ряда арабских географов и путешественников остаются для нас недостаточно выясненными, и мы не можем судить с полной достоверностью об источниках их информации (таковы Ибн ал-Факих, Ибн Хаукаль и др.). К числу немногих авторов, о пребывании которых на Кавказе мы можем заключать с полной достоверностью, принадлежит Абу Хамид Мухаммад ал-Андалуси ал-Гарнати (1080—1170), побывавший в Дербенте и на западном побережье Каспийского моря в промежутке между 1130 и 1160 гг. н. э. и описавший свои путешествия в 1162 г. в Мосуле в книге под заглавием „Подарок для сердец и собрание диковинок". В оценке достоверности сообщений этого автора мнения авторитетных ориенталистов резко расходились: с одной стороны, мы видим Сильвестра де Саси, Кюртона, Фаньяна, акад. Бартольда, считающих ал-Гарнати „довольно сомнительным", по выражению акад. Бартольда,[4] автором; с другой стороны, акад. Френ, Дорн, Г. Якоб, в последнее время Г. Ферран, издатель полного текста путешествия,[5] отмечают значительный культурно-исторический интерес его сообщений. Кавказоведы должны, без сомнения, полностью присоединиться к последнему мнению: ал-Гарнати дает нам возможность судить о таких сторонах современного ему быта населения Дагестана, каковые оставались бы без него совершенно недоступными нашему суждению. Сведения, сообщаемые им о кубачинцах, обсуждались в научной литературе со времен Френа,[6] что же касается рассказа его о табасаранцах, то он привлек к себе меньшее внимание. Между тем, мы имеем возможность полностью подтвердить путем анализа этого рассказа точность и надежность его ин-

---

[1] Ср., например: Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. Перевод с однотомного издания Глана, под ред. проф. В. К. Никольского, вып. I. М., 1931, стр. 89—90, где, на ряду с кавказскими параллелями, примеры из Новой Каледонии, Европейской России и т. д.

[2] L. c., pp. fff—fffr Перевод их дан по-французски Ханыковым в цит. статье "Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase", напечатанной в „Journal Asiatique" (Paris, 1863).

[3] Annales, t. I., p. ררר sq.

[4] ЗВО, т. XIII, стр. 0101.

[5] См.: Le Tuhfat al-Albâb de Abu Hâmid al Andalusî al Ğarnâtî..., édité par Gabriel Ferrand [extrait du Journal Asiatique juillet—décembre 1925, Paris, MDCCCCXXV].

[6] Frähn. Ueber ein merkwürdiges Volk des Kaukasus, die Kubetschi. Bull. sc. Acad. Sc., IV, 1838.

формации и проследить вместе с тем поучительную историю постепенной трансформации одной древней местной культовой легенды.

Ал-Гарнати рассказывает:[1] „В странах Дербенда Баб мин ал-Абваб [— имеется —] народ, называют его Табарсалан. В нем [—, т. е. Дербенде—] — 24 волости. В каждой волости [— есть —] главный начальник, подобный эмиру. Они мусульмане. Обратились они в ислам во времена Масламы ибн Абд ал-Малика, когда послал его Хишам ибн Абд ал-Малик, в то время, когда возложено было [— на него —] халифское достоинство. И он [— т. е. Маслама —] завоевал Баб ал-Абваб, и обратились в ислам при содействии его многие народы, так, например, Лакзан (اللكزن), Филан (والفيلان), Хайдак (والخيداق), Зуклан (والزقلان), Гумик (والغميق), Дархах, (والدرهاه). Среди этих народов [— насчитывается —] 70 народов, у каждого народа [— особый —] язык. А когда вознамерился [— Маслама —] уйти, после того как он поселил в Дербенде 24 тысячи домов из арабов [—, выведенных —] из Мосула, Дамаска, Химса, Тадмура, Халаба и прочих стран Сирии и Месопотамии, сказали ему табарсаланцы: «О эмир, мы боимся, когда ты удалишься от нас, что [— снова —] отпадут от религии эти народы и мы будем бедствовать [— ,находясь —] в соседстве с ними». Тогда извлек Маслама меч свой и сказал: «Мой меч [— да будет —] посреди вас. Оставьте его здесь. Пока он будет пребывать посреди вас, не отпадет от религии из этих народов ни один». Затем они сделали для меча его нечто подобное часовне [— собственно михрабу, нише в мечети, показывающей положение кыблы —] из скалы и поместили его [— меч, —] внутри ее [— т. е. часовни, —] на холме, там, где он [— т. е. Маслама —] располагался лагерем. И он [—меч —] в настоящее время остается в этой стране. Паломничествуют к нему люди. Если кто-либо направляется к нему, то, если случится зимнее время, не возбраняется одеваться в голубые и другие одежды, а если случится во время жатвы, то возбраняется, чтобы посетил его кто-либо, кроме как в белой одежде. Ибо если он посетит его не в белой одежде, наступает частый дождь и гибнут посевы и портятся плоды. Это предписание распространено [— среди них —]". Приведенный рассказ ал-Гарнати воспроизводится в последующей арабской литературе неоднократно, прежде всего у усердного использователя его сочинения, упоминавшегося выше писателя XIII в. Закария Казвини. У него читаем:[2] „А вне города [—речь идет о Дербенде—] [—имеется—] холм. На нем [—расположена—] мечеть, в михрабе ее [— хранится —] меч. Говорят, что он — меч Масламы ибн Абд ал-Малика ибн Марвана. Паломничествуют к нему люди, и не совершается паломничество к нему иначе, как в белых одеждах. Ибо если кто направится к нему в цветной одежде, — наступают дожди и ветры, и едва не погибает то, что [— находится —] вокруг холма. На нем [— т. е. холме, —] — охрана, они удерживают того, кто идет к нему в цветных одеждах. А по близости от этого холма — источник; выходят люди к нему каждую ночь пятницы и видят во [— время —] некоторых ночных молений в этом источнике сияние и свет до такой степени, что им становится видными голыши и камень [— ,scil. находящиеся на дне

---

[1] См. арабский текст у Ferrand (l. c., pp. 82—85); ср. сокращенный французский перевод у Barbier de Meynard (l. c., p. 69, nota 1) и полный немецкий перевод у Дорна в „Bulletin de l'Académie des Sciences" (t. XVIII, pp. 308—309), а также в „Mélanges Asiatiques" (t. VI, pp. 699—700).

[2] Ср. текст у Дорна в „Geographica Caucasia" (p. 489), а также в „Nachtrag zu den Geographicis Caucasiis" (pp. 655—656), где разночтения по изданию Казвини, сделанному Вюстенфельдом (см. Zakariya Ben Muh. ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Hrsg. von Wüstenfeld, Bd. II, p. 342); немецкий перевод у Дорна (ibid., pp. 536—537)' английский перевод, с воспроизведением части оригинального текста по изданию Дорна, у Казембека (Derbend Nâmeh, p. 565).

источника—]. И они называют этот источник источником воздаяния". В XV в. эта легенда принимает под пером Абу Абдаллаха Мухаммада ал-Химьяри (в сочинении „Весьма благовонный сад") следующий вид: „Еще в этой стороне [—, т. е. Табарсаране—], в одной пещере, находится меч, тамошние жители говорят, что это—меч Масламы, из числа мусульман, покорившего эту страну. Народ этой страны весною приносит в пещеру всякого добра и подаяния, пелеринствуют к этому мечу и делают новые ножны. Когда несут ножны в пещеру, берут с собою около пудовки пшеницы и, идя, бросают ее по земле, пока вложат в новые ножны меч, и тогда возвращаются домой. Удивительно, что из брошенной пшеницы не находят в земле ни одного зерна".[1]

В XVII в. турецкий полигистор Хаджи Халифа, сохранивший нам приведенный рассказ Химьяри, со своей стороны сообщает,[2] ссылаясь на Абу Хамида (ал-Гарнати), но явно извращая его показания, следующее: „После того как Маслама захватил Баб ал-Абваб и Табаристан (=Табарсаран), Хишам ибн Абд ал-Малик прибыл в эти земли. Когда он собирался уехать, наместник страны попросил у него оставить в стране какой-либо след [—, scil. своего пребывания—]. Хишам дал свой меч, а они соорудили над ним камень наподобие михраба и поставили на возвышенном месте. Продолжительное время народ совершал к нему паломничество". Бакиханов[3] сопровождает эту цитату замечанием: „По словам очевидцев, в верхнем Табасаране Харакского магала, близ деревни Джурдаф, в одной пещере находится кинжал, куда окрестные жители ходят на поклонение и приносят жертвы. Вокруг этого места земля считается священною, где всякий безопасен от грабительства, насилия и кровавой мести. Можно думать, что сабля Гушшама [—, scil Хишама,—] есть тот кинжал, который по давности времени и отдаленности места от Абу Гаммида [—, scil. ал-Гарнати,—] назван им саблею". Сходный комментарий предложен почти одновременно с Бакихановым (в 1844 г.) Казембеком:[4] „Похожее предание сохраняется до настоящего дня среди обитателей Дербента и Дагестана; оно гласит, что Маслама [—, или, как обычно называют, Абу Муслим—], возвращаясь в Сирию, оставил свой меч в одной пещере в память о торжестве ислама в Дагестане и т. д. и что этот меч был видим в течение многих веков, пока он, наконец, не исчез. Этому мечу и пещере они приписывали многие чудеса, настолько, что жители страны стремились приносить туда свои дары и испрашивать милости бога в минуту нужды". В 1872 г. впервые непосредственно от местных жителей (Казембек и Бакиханов дальше Дербента не были) был записан вариант предания, своей подробностью и топографическими указаниями связывающий предание с реальным бытом населения. Предание было записано известным исследователем горских языков П. К. Усларом от уроженца сел. Ханаг, муллы Селима, и опубликовано в 1912 г. А. М. Дирром.[5] Говоря о народном самоназвании табасаранцев (так кстати замечу, называли себя только северные табасаранцы), Бумʒумар, rsp. Буннар, Услар добавляет: „Мы приводим здесь легенду, относящуюся до Буннар и известную каждому табасаранцу,

[1] Цитировано по русскому переводу И. Березина (Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд. 1, 1849, примечания, стр. 102—103) текста Химьяри, сделанному с константинопольского издания Хаджи Халифы (جهان نما, p. 403); ср. у Казембека (l. c., p. 565) часть турецкого текста и английский перевод.

[2] См. جهان نما, p. 400; приведено у Казембека (Derbend Nâmeh, p. 564) в оригинальном тексте и английском нереводе.

[3] Аббас-Кули Бакиханов. Гюлистан-и Ирем („Райский цветник"), стр. 44.

[4] Derbend Nâmeh, p. 565.

[5] А. М. Дирр. Неизданный труд барона Услара о табасаранском языке. Изв. Кавк. отд. Русск. геогр. общ., т. XXI, стр. 43—44.

хотя, быть может, с некоторыми вариантами. Не в дальнем расстоянии от границы Табасарани с Джӯкв-ӱлкӗ [—, Кайтагом—], в долине Рубаздинир (р. Рубас), вблизи аула Улудз, находится опустелое ныне место, на котором видно много кладбищ и развалин аулов. Это место называется Бунна. Здесь некогда жило богатое и могучее семейство, которому вверено было охранение знаменитейшей табасаранской святыни—меча (кинжала?) Абу Муслима, первого арабского завоевателя Дагестана и первого установителя в нем исламизма. Меч до сих пор хранится вблизи Чвурдафа, на урочище Турил йишв [—, место меча—]. Рассказывают, что он становится видимым только тогда, когда его берет в руки правдивый человек, но при этом каждому из смотрящих представляется в особенном виде. Последними представителями фамилии, в продолжение многих веков охранявшей священный меч, были семь братьев, богатых и сильных, и одна сестра девица. Братья переселились из Улудза в Хӯчна [—, Хучни,—] и оттуда, пользуясь недоступностью положения, делали тяжкие поборы со всех проезжающих. Жители, однако, не смели открыто напасть на братьев, но вступили в тайные переговоры с сестрою, которая желала выйти замуж за сына старшины Ругуджа, на что братья не соглашались. Сестра, по наущению жителей, испортила соленой водою ружейные стволы у братьев; тогда жители напали на них, убили шестерых, а седьмой, тяжело раненый, отнесен был в Ругудж. Находясь на смертном одре, он сделал призыв народу—отомстить за него сестре. Жители пяти селений приняли его сторону. Сестра заперлась в Кыз-Кала (девичья башня), которою овладели ополчившиеся, и сестра была умерщвлена. Чтобы наградить мстителей, умирающий всем пяти селениям завещал богатые дары, которые до сих пор известны в народе по фамильному имени завещателя: а) сел Ханаʒ—пашенное место Буннарин хутил (пашня гуннов); б) сел. Тивак [—, Дювек,—]—мельницы Буннарин рāʒāр (мельницы гуннов); в) сел. Хили [—, Халикент,—]—коран Буннарин Кур'ан (коран гуннов; этот коран весьма больших размеров и высокочтим; за право присягнуть на нем платится по 1 рублю в пользу мечети; коран до сих пор совершенно хорошо сохранился, на одной только странице виднеется кровавое пятно: кто-то дерзнул присягнуть ложно, и глаз его немедленно вырвался и влепился в коран; в виде приписки изложено все завещание последнего из гуннов); г) сел. Урʒӱлиʒ—пашенное место Буннарин хутил; д) сел. Ляхла—медный котел Буннарин йаһаг (котел гуннов), в котором будто бы можно сварить зараз мясо двух быков. Все эти дары последнего из гуннов до сих пор показываются в Табасарани. Для хранения же меча Абу Муслима назначаются теперь сторожа из одного семейства, живущего в селении Чвурдаф". Через 18 лет после Услара, в 1890 г. Хасан Эфенди Алкадарский подтверждает, комментируя слова Бакиханова, „что в северной Табасарани, в Кыракском магале, в селении Чордаф есть пещера, в которой находится какое-то оружие вроде кинжала. Местное население говорит, что это—кинжал Абумуслима завоевателя и они всегда свою поминальную милостыню приносят туда во имя Абумуслима и раздают. В настоящее время этот кинжал хранится в доме одного благонадежного жителя селения Чордаф, дабы кто-нибудь его не украл из пещеры".[1] Следующий, последний по времени этап в развитии легенды представлен в 1899 г. записью[2] ученика Бакинского реального училища Джемал Эддина Доногуева в форме „былины о семи братьях-

[1] Х. Алкадарский, указ. соч., стр. 30.

[2] Опубликована в „Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа" (вып. XXVI, отд. 2, стр. 19—20).

нартах, и об их сестре". Здесь мы читаем: „В Кайтаготабасаранском округе, недалеко от г. Дербента, близ сел. Хучни, на берегу р. Рубас-чай, возвышается небольшая гора, на которой красуются и поныне остатки старинной крепости, так называемой «крепости семи братьев» (едди кардаш каласы). Про эту крепость сохранилось среди народа следующее предание. Крепость эта прежде состояла из громадной башни в семь этажей. По народному преданию, в ней жили семь братьев-нартов с красавицей сестрой. Красота сестры нартов была неописанная: она имела золотые косы и такой длины, что привязывала к ним кувшин и доставала из реки воду. Братья и сестра жили в дружбе и согласии; она занималась домашними работами, а братья — охотой и грабежом соседних ханов. Соседи, выведенные из терпения грабежами нартов, объявили им войну и двинули против братьев многочисленное войско под начальством одного из своих ханов. Сестра нартов, увидев предводителя неприятельского войска, влюбилась в него. Она хотела, чтобы братья ея были побеждены, и решилась погубить их. Когда враги осадили крепость, то сестра разрядила ружья и пистолеты братьев и налила соленой воды в ножны кинжалов и шашек. Братья сделали вылазку, с криком бросились на врагов и дали залп из ружей и пистолетов, но к их удивлению, выстрелы не причинили врагам никакого вреда; они схватились за шашки и кинжалы, но не могли их вынуть, потому что от соленой воды они заржавели; братья были окружены врагами, и шесть из них погибли, только младший спасся бегством в крепость. Он узнал про измену своей сестры и, привязав ее за косы к седлу своего коня, убил перед глазами неприятеля; но сам после того пропал без вести. И теперь перед крепостью, на огромном камне, виднеется, говорят, отпечаток копыт его коня. Кроме того, около крепости находятся два громадных камня с выбитыми на них отверстиями; в эти отверстия каждый проходжий клал одну пулю и один заряд пороху; это служило как бы пошлиной с каждого прохожего. А то место, где похоронена сестра нартов, слывет проклятым, и каждый прохожий считает своим долгом бросить на ея могилу камень, так что здесь образовалась небольшая горка камней". Во время пребывания в Табасарани и в Хучни в 1933 и 1936 гг. лично мне удалось побывать в Хучнинской крепости и слышать как турецкое название ее (едди кардаш каласы), так и отрывки самого предания, в частности подробность о проклятой братом могиле сестры и обычае бросать на нее камни, т. е. ту форму предания, которая засвидетельствована Доногуевым.

Все вышеизложенное можно, как мне кажется, резюмировать вкратце, не вдаваясь здесь в возможный детальный этнографический и фольклористический анализ материала, таким образом: ал-Гарнтаи сохранил нам для истории XII в. наиболее интересную и древнюю (хронологически и типологически) форму реально существовавшей вплоть до конца XIX в. легенды, связанной безусловно с домусульманским местным языческим земледельческим культом. Земледельческий характер культа вытекает из сообщаемой им подробности об особой ответственности периода жатвы, когда приближение к культовому месту обусловливалось белым цветом одежды, а также из той роли, какую, по сообщению Химьяри, играла пшеница в обряде ежегодного весеннего обновления ножен (?) для какого-то вещественного атрибута культа. Что это был за предмет (быть может серп? по Алкадарскому — „какое-то оружие, вроде кинжала"), — мы теперь достоверно не знаем: лично ал-Гарнати его, конечно, не видел, как не видели его и все последующие наши осведомители; в этом отношении весьма характерны сообщения XIX в. (дербендца по рождению Казембека и муллы

Селима из табасаранского сел. Ханаг по Услару) об исчезновении этого предмета, rsp. о видимости его только при особых условиях правдивости держащего. Существенно, что уже в XII в. предмет этот интерпретировался в смысле меча или кинжала распространителя ислама Масламы, т. е. по связи с эпохой первого торжества ислама в Табасарани в 20-х годах VIII в. н. э. Культовое сооружение, в котором хранился меч-кинжал, описывается у ал-Гарнати как михраб (часовня), у сильно зависящего от него Казвини превращается даже в мечеть. Позднейшие сообщения говорят об естественной пещере (Химьяри, Бакиханов, Казембек, Алкадарский). Сообщение Услара об урочище под названием „место меча", находящемся „около сел. Чвурдаф", поддерживает наилучшим образом вариант ал-Гарнати об искусственном сооружении из камия: дело в том, что этимологическое значение табасаранского названия сел. Чвурдаф — „(находящееся) около Чвурда", а слово „чвурд" употребляется в табасаранском языке в значении: „каменная башня; вообще старинное искусственное сооружение из камня", и применяется, в частности, к многочисленным на территории Табасарани следам дербендской заградительной линии укреплений, тянущихся по сел. Лиджва и далее к сел. Хучни — повидимому, последнему западному звену этой цепи. (Кстати заметить, Хучни замечательно обилием древних кладбищ с многочисленными арабскими надгробными надписями; следы древнейшего из кладбищ находятся в непосредственном соседстве с „едди кардаш каласы", причем надгробные плиты торчат из-под корней толстых деревьев довольно густого и немолодого уже леса.) И Казвини и, в особенности, Химьяри не ограничиваются, повидимому, механическим воспроизведением сведений ал-Гарнати, как это имеет место у Хаджи Халифы (с искажением: Хишам вместо Масламы), а дополняют его интересными подробностями (Казвини: + стража, источник воздаяния; Химьяри: + новые ножны, пшеница). Версия Услара отражает интересный, но неясной давности возникновения этап развития легенды и контаминации ее с циклом этнонимических преданий о народности Буннар, быть может, частично книжного происхождения;[1] версия содержит важное указание на Улудз как древнейший центр политического объединения Табасарани и на легендарные обстоятельства переноса этого центра из Улудза в Хучни. По словам Алкадарского,[2] „...по преданию отцов и дедов известно, что поставленные над мусульманами в Табасаранском округе майсумы и кадии, а после них их потомки, осуществляли управление, живя в одном селении [каком? — *А. Г.*], но в последнее время, когда они, живя в сел. Хучни, управляли по соглашению, среди них произошел раскол, и табасаранский народ, собравшись, выселил оттуда майсумов в сел. Джараг, а кадиев в сел. Зиль, причем, разделив также страну, вручил северную часть кадиям, а южную майсумам и установил между ними мир"; разделение произошло, по Алкадарскому,[3] в конце XVIII в. Последняя по времени версия Доногуева характеризует развитие легенды в сторону чистой сказочной фантазии, уже совершенно обесцвеченной в отношении реалий и потому внеисторической (число 7 братьев, мотив предательства сестры, „девичья башня" — Кызкала; термин „нарт" — отголосок общего для ряда народностей Северного Кавказа героического „нартовского" эпоса).[4]

---

1 Ср. запись в Коране; кстати существование замечательного экземпляра Корана подтверждалось многими местными жителями в 1936 г., но видеть его не пришлось.

2 Цит. соч., стр. 94.

3 Там же.

4 Ср. наиболее полную сводку материалов о нартах у Dumézil (Légendes sur les nartes, Paris 1930).

По поводу списка народов, обращенных, по сообщению ал-Гарнати, в ислам Масламой, уже давно справедливо судил Дорн:[1] „Когда восточные писатели приводят имена народов, которые в настоящее время более не пользуются широкой известностью, это не должно вводить нас в заблуждение и побуждать без дальнейшего к заключению об ошибке осведомителя. Мы знаем, например, Казикумуков теперь обычно только под этим именем, однако они имеют на самом Кавказе различные имена: Тумал (تومال), Туман (تومان), Вулугуни, Вулечуни и Яхолшу".[2] Лакзан соответствуют лезгинам (о более широком, чем современный, смысле этого термина у арабов сказано выше). Филан следует читать قيلان (соответствуют *Γῆλαι* Феофана Митиленского у Страбона)[3] — это авары района среднего течения р. Аварское Койсу, общества Кель (قيل), имевшего повидимому, более крупное значение в древности и охватывавшего территорию позднейшего Гидатля и Анкратля (позднейшее общество Кель охватывало территорию современного Ругельдинского сельсовета); Зуклан — термин, остававшийся доселе необъясненным *ἅπαξ εἰρημένον*, следует читать زقشان (это — современные агул-кошанцы, по-табасарански именуемые рукушин); Дархах — сомнительная форма, повидимому, относится к одному из современных даргинских обществ.

Частные, признаюсь, несколько случайные, примеры из далекого прошлого, более подробно рассмотренные выше в обоснование и развитие положения о важности арабских письменных источников для истории народов Кавказа, способны вызвать с первого взгляда несколько одностороннее и потому ошибочное представление о хронологических границах преимущественной действенности значения этих источников. В гораздо более близкую к нам, чем XII и XIII вв., эпоху подъема национально-освободительного движения народов Кавказа, направленного против посягательств императорской России на их экономическую и культурно-политическую независимость, арабский язык и документы арабской письменности стимулировали организацию их сопротивления, играя роль междуплеменного и международного орудия взаимообщения. Факт общеизвестен, конечно, и потому здесь можно ограничиться, в целях простого напоминания, каким-нибудь одним характерным примером. По словам авантюриста Штюкера (C. Stücker), пребывавшего среди черкесов в 1857—1858 гг., наблюдавшаяся им, как очевидцем, обстановка многочисленных политических собраний народа, организовавшихся известным „наибом" Шамиля на северо-западном Кавказе, Мухаммадом Амином, рисуется в следующем виде: „На этих общественных собраниях, совершавшихся обычно в какой-нибудь долине, наиб занимал место, садясь на турецкий манер, под тенистым деревом. Вокруг него располагались старшины всех окрестных селений, а по обеим сторонам его стоял его конвой с заряженными ружьями. Он обращался к народу на арабском языке, вероятно для того, чтобы произвести более внушительное впечатление (um einen würdevolleren Eindruck zu machen), и переводчик переводил собравшимся. Подобное заседание тянулось нередко долго, до 7 часов, и завершалось потом молитвой председательствующего".[4] Итак, живая арабская речь звучала 80 лет тому назад в горах северо-западного Кавказа отнюдь не в мечетях и не с религиозными целями, а под открытым небом на

[1] Geographica Caucasica, p. 309, Anmerk. 25.
[2] «Ср.: Schiefner. Kasikum. Studien, p. 1.»
[3] Ср. замечание Marquart'a в журнале „Caucasica" (fasc. 8, pp. 95—96).
[4] C. Stücker, Sitten- und Charakterbilder aus der Turkei und Tscherkessien. Berlin, 1862, p. 239.

политических сходах народа, где обсуждались самые основные жизненные вопросы о том, быть или не быть дальнейшему самобытному существованию черкесов на Кавказе. Впрочем, объяснение Штюкера мотивов для пользования арабским языком неверно: Мухаммад Амин вынужден был пользоваться этим языком по незнанию черкесского.

Помимо эпохи мюридизма и связанных с ней позднейших литературных фактов влияния этого религиозно-политического движения среди народов Кавказа (арабские документы эпохи служат теперь, как уже сказано, предметом более или менее систематического исследования наших арабистов, во главе с акад. Крачковским), еще целый комплекс письменно-исторических документов на арабском языке, мало известных и еще менее изученных, ждет своего серьезного исследователя: имею в виду такие документы, как различные варианты Дербенд намэ,[1] Ахты намэ,[2] различные версии „тариха", приписываемого Мухаммаду Рафи, и многочисленные иные, в большинстве весьма малоизвестные и не обследованные с точки зрения их происхождения, содержания, а иногда и языка, на котором они могли бы быть первоначально написаны, разнообразные образцы местной историографии Дагестана,[3] Чечни[4] и Черкесии.[5] Большинство сочинений последней категории сохранялось до последних лет в рукописях в собраниях частных лиц (лично я встречал подобные произведения в Хиналуге, Будуге, Рутуле, Цахуре, Ахтах и многих других аулах южного Дагестана); можно без риска ошибиться утверждать, что большинство из них относится, по времени своего возникновения, к эпохе не ранее конца XVII — начала XVIII в.

Заканчивая свое сообщение, не могу не отметить, что со времени акад. Б. А. Дорна и Н. В. Ханыкова в среде русских специалистов-востоковедов не было и нет ученого, который поставил бы себе целью последовательное и планомерное изучение всей совокупности источников на арабском языке, способствующих разъяснению исторического прошлого народов Кавказа. Нельзя не пожалеть об этом: и количество и качество соответствующих материалов вполне вознаградило бы исследователя за труд, потраченный на это дело. Нет сомнения, что известные трудности на этом пути предстоят; они проистекают, главным образом, из большой разрозненности материала и недостаточной разработанности и систематичности в том, что так или иначе приведено уже в известность

[1] Первоначальная редакция этого популярного в турецком и персидском изводах произведения, написанная на арабском языке, обнаружена, наконец, в последние годы в библиотеках Стамбула.
[2] Известна в печати по своему содержанию лишь по пересказу Бакиханова (указ. соч., стр. 35 и 48—50); ср. примыкающую к ней по типу историю потомства Абу Муссоч., стр. 35 и 48—50); ср. примыкающую к ней по типу историю потомства Абу Муслима, изданную и переведенную Ханыковым в цит. статье в „Journal Asiatique", и два документа на арабском языке из коллекции уцмиев Кайтакских, изданные в русском переводе Бергэ в „Актах Кавказской археографической комиссии" (т. II, стр. 1072—1077, прилож.).
[3] Ср. например, список сочинений исторического характера, пользовавшихся известностью в Дагестане в 1856 г., напечатанный в „Дагестанском сборнике" (т. I, 1902, отд. I, стр. 167—168).
[4] Ср., например, сочинение „ичкеринского кадия Шамиля Каратаева" — „О происхождении чеченцев", известное по русскому переводу Н. Семенова: „Туземцы северо-восточного Кавказа" (СПб., 1895, стр. 209—222), или „выписку из архива Султана Казы Гирея", приводимую в статье Ф. С. Гребенца — „Курганы в окрестностях станицы Змейской" (Сб. мат. для опис. местн. и плем. Кавказа, вып. XLIV, отд. 3, стр. 3—4).
[5] Ср., например, не вполне ясную по происхождению, но безусловно отражающую какой-то арабский первоисточник „Историю нещастных чиракес" князя Александра Мисостова, 1841 г., хранящуюся в рукописи в наследии акад. Буткова в архиве Академии Наук СССР в Ленинграде; о ней см.: Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, часть III, стр. 618.

кавказоведами. Впрочем, история науки знает блестящие примеры плодотворного сотрудничества арабистов с неарабистами (Куник и Розен, Куник и Дорн и др.) в разработке аналогичных проблем. Как бы то ни было, мы можем быть положительно уверены в том, что ближайшие годы принесут с собою сдвиги и в этом, несколько отстающем, участке исторической науки и что в общем плане дальнейшего углубления в разработке истории народов СССР найдут себе подобающее место и арабские источники для истории народов Кавказа.

С. Л. ВОЛИН

К ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ АРАБОВ

Экспедицией 1936 г. в значительной степени выполнена одна из первоочередных задач советской арабистики и советского востоковедения в целом: изучение современного состояния небольшой, но своеобразной национальности Советского Союза — среднеазиатских арабов; о необходимости скорейшего выполнения этой задачи еще 15 лет тому назад писал покойный В. В. Бартольд.[1] В связи с этим, на очередь ставится и изучение прошлого этих арабов. Сведения о них имеются, в крайне отрывочном виде, во множестве источников, можно сказать во всех источниках по истории Средней Азии; чтобы собрать все эти сведения, нужно совершить огромную работу по просмотру печатных и рукописных исторических трудов и сборников документов. Не ставя перед собой такой задачи, я попытаюсь изложить только те немногие данные, которые мне удалось собрать.

О существовании среднеазиатских арабов было известно давно. С начала XIX в. почти каждый путешественник, бывший в Бухарском ханстве, посвящал им несколько строк. Так, Мейендорф,[2] ездивший в Бухару в 1820 г., пишет: „Арабы поселились в Бухаре с тех пор, как халифы завладели этой страной; их можно признать с первого взгляда по их очень смуглому цвету лица; они живут в селениях, некоторое число арабов и других полукочевников бродит около Каршей и Термеза. Многие из арабов-земледельцев имеют стада, которые они отправляют пастись в степях; это они, главным образом, доставляют торговле знаменитые шкурки выкинутых ягнят". В другом месте он определяет общее число арабов в Бухаре в 50 000. По Ханыкову,[3] который был в Бухаре в 1841—1842 гг., арабы живут в северных частях Бухарского ханства, главным образом около Варданзы и Самарканда, они кочуют, кроме некоторой части, занимающейся торговлей, между собой говорят по-арабски, „но это не есть чистый арабский язык". Вамбери (1863),[4] так же как и Мейендорф, считает бухарских арабов потомками завоевателей I в. хиджры; он отмечает, что они сохранили сходство с арабами Хиджаза и Ирака, и добавляет: „Я находил немногих, которые бы говорили по-арабски". Число арабов он определяет в 60 000, они живут преимущественно в окрестностях Варданзы и Вафкенда (Вабкента).

---

1 Задачи изучения Туркестана. Наука и просвещение, 1922, № 2, стр. 10 особой пагинации.

2 Meyendorff. Voyage d'Orenbourg à Boukhara. Paris, 1826, pp. 191—192 et 197.

3 Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 56—58.

4 Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, стр. 183; перевод не точен, ср.: A. Vambery. Travels in Central Asia. London, 1864, p. 370.

Из русских авторов — офицеров и чиновников, участников завоевания Средней Азии в 60—70-х годах XIX в., назову одного — А. Д. Гребенкина,[1] который хорошо знал Зеравшанский округ, т. е. занятую русскими часть долины Зеравшана от верховьев до Катта-кургана и Зарабулака. По его словам, арабы Зеравшанского округа резко делятся на две группы, различающиеся по физическому типу, языку и т. п. Первая группа, живущая в Ходжа Ахраре, около Самарканда, в особом квартале Катта-кургана и в нескольких окрестных деревнях, говорит по-таджикски, вторая группа, живущая в Ангарском тюмене, к юго-западу от Самарканда, и в степи около Катта-кургана, говорит по-узбекски. Среди обеих групп есть полукочевники и земледельцы, они занимаются также выделкой шерстяных и бумажных материй и хороших ковров. Женятся только между собой, и в Каттакурганском отделе даже преследуют тех, кто роднится с другими народностями. Грамотных между ними очень мало, и муллы — из таджиков. Арабы, по Гребенкину, делятся на ряд отделов — родовых групп, которые здесь нет надобности перечислять; число арабов Зеравшанского округа, по его данным, около 2000 семейств, т. е. около 10 000 чел. Другой автор того же времени, Л. Н. Соболев,[2] считает цифру Гребенкина преувеличенной раза в три. К этому Гребенкин добавляет, что „родственники" первой группы живут в западной части Каршинского округа, где они славятся особой породой овец и хорошими лошадьми; „каршинские арабы говорят между собой на испорченном арабском языке". Интересны сообщения Гребенкина о происхождении арабов: „Относительно времени прихода арабов в Среднюю Азию существует два предания: первое говорит, что они пришли сюда как завоеватели и вводители ислама еще при Уали-хане,[3] Шах-и-зинда и других ревнителях распространения магометанства, второе же — что их привел в Среднюю Азию эмир Тимур при возвращении своем из походов на западные государства. Арабы первого типа считают себя потомками арабов — вводителей магометанства". Отмечу еще сообщение Гребенкина, что первый тип, в отличие от второго, не служил в армии бухарских эмиров.

Первым автором, писавшим о среднеазиатских арабах после революции, является М. С. Андреев,[4] обследовавший арабов Самаркандской области в 1921 г. По его данным, арабы говорят по-узбекски и потеряли свой язык уже давно. Многие сообщения Андреева совпадают с данными Гребенкина, хотя последнего он не цитирует и, может быть, даже не знает. Деление арабов на роды он дает несколько иное, чем Гребенкин, но сведения последнего подтверждаются Бурыкиной и Измайловой. Приводимые Андреевым предания арабов об их происхождении довольно сбивчивы. Как и по Гребенкину, часть арабов считает себя пришедшими при Тимуре, другая — прибывшей ранее. Арабы Каттакурганского уезда указывают, что они были раньше в Каршах, некоторые даже указывают местность Камаш, откуда они были переселены по приказу бухарского эмира лет 250 тому назад. Другие считают себя переселенцами из Гиссара и Бухары. По одной из версий предания о переселении арабов Тимуром, они были направлены им „в Китай", но выпрошены у него его наставником Мир Хайдаром и поселены в окрестностях Гиссара и Каршей. В награду за заботу о них эти арабы обязаны были уплачивать особого рода налог со своего имущества в пользу Мир Хайдара и его потомков. Любопытно еще сообщение Андреева о происходивших лет за 40 до него столкновениях на почве национальной вражды между арабами, таджиками и узбеками в Катта-кургане, что указывает на значительную степень национальной обособленности арабов. Я не буду останавливаться на сообщениях Андреева об особых культах, существующих у арабов Самаркандской области — почитании кукол-идолов и очага.

Только в начале 1931 г. вышла из печати первая, хотя и не вполне удовлетворительная работа, посвященная специально среднеазиатским арабам — статья Бурыкиной и Измайловой.[1] Им опять-таки остались неизвестны не только данные Гребенкина и других старых авторов, но и Андреева. Из этой общеизвестной работы я приведу только некоторые сведения, имеющие исторический интерес. В преданиях жителей кишлаков Араб-хана около Самарканда, Джейнау в Каршинском районе и кишлаков около Кермине одинаково фигурирует Тимур, но сами предания несколько отличаются друг от друга. Тимур, по этим преданиям, переселил арабов из Афганистана и Ирана, а не из арабских стран; по словам жителей Джейнау, они шли через Андхой в Афганском Туркестане, и там многие из них оставались, другие прибыли в кишлак Гача (о нем ниже). Султан Мир Хайдар, зять Тимура, просил оставить их здесь (из изложения Бурыкиной и Измайловой не видно, где собственно, — в Гача или в Каршах). В Кермине рассказывают, так же как и у Андреева, о намерении Тимура послать арабов в Китай и о заступничестве Мир Хайдара; наконец, в Араб-хане рассказывают, что Тимур перебрасывал 70 000 арабов с места на место и оставил, наконец, в покое только по заступничеству того же лица. В Джейнау отмечается наличие двух групп: одной — говорящей по-арабски, просто арабов, другой — не говорящей, арабов-андхойцев (на каком языке говорят последние — не указано). В статье приведен целый ряд названий родовых групп: некоторые из них отсутствуют у Андреева, но имеются у Гребенкина, чем подтверждается точность сведений последнего. Население кишлака Джугары около Бухары, по преданию, пришло в Бухару из Андхоя. Как рассказывают, предки его пришли позже остальных групп на поклонение мазару Бехааддина Накшбенда в окрестности Бухары и остались там. Интересно еще указание на довольно сильное расслоение среди арабов, причем по типу, обычному для оседающих кочевников; бедные оседают раньше, богатые продолжают кочевать, но ведут в то же время оседлое земледельческое хозяйство при помощи батраков и издольщиков. Напомню, что сведения относятся к 1929 г. Расслоение, очевидно, было сильнее, чем у окружающего населения, из-за распространенности у арабов каракулевого овцеводства.

Я далеко не исчерпал имеющихся в литературе упоминаний о среднеазиатских арабах.[2] Арабы упоминаются в Туркмении, в Хорезмском оазисе, в Фергане, в горных частях Таджикистана вплоть до долины

---

[1] Сб. „Русский Туркестан", вып. 2, М., 1872, стр. 113—115.

[2] Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. СПб., 1874, стр. 143—149. Численность среднеазиатских арабов всеми авторами определяется различно.

[3] Так у Гребенкина; что это означает, — не знаю.

[4] Изв. Туркест. отд. Русск. геогр. общ., т. 1924, XVII, стр. 126—137.

[1] Зап. Колл. востоковедов, т. V, стр. 527—549.

[2] Ср.: Е. А. Вознесенская и А. Б. Пиотровский. Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и среднеазиатских республик, стр. 234. К указанным там 24 названиям и нескольким приведенным мною выше можно добавить еще: А. А. Семенов. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 18; он же, в журнале „Мир Ислама", 1912, стр. 301; А. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876, стр. 515; А. Л. Кун. Мат. для статистики Туркест. края, вып. 4, стр. 246 и 247; В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1885, стр. 10; В. В. Бартольд. Мусульманский мир. Пгр., 1922, стр. 30; он же. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 23—24.

р. Ях-су на границе Дарваза, но язык свой сохранили, повидимому, только небольшие группы в Бухарском и Каршинском оазисах.[1] Чтобы уяснить, как широко раскинулись поселения арабов в Средней Азии, достаточно взглянуть на любую детальную карту: почти нет района без селений с названиями „Араб“ или „Араб-хана“.

На данных, которые можно извлечь из арабских географов и историков IX—X вв., я остановлюсь ниже; у нас нет достаточных оснований для того, чтобы считать современных нам арабов в долинах Зеравшана и Кашка-дарьи потомками арабов, упоминаемых на 1000 лет раньше и притом в других районах. Поэтому я предпочел другой путь — итти от современности к прошлому, от XIX в. к XVI и X.

Упоминаний об арабах в среднеазиатской исторической литературе последних четырех веков довольно много, но большинство их относится к территории Туркмении, к арабам, давно принявшим туркменский язык и слившимся с туркменами.[2] Эта литература весьма обширна, но поиски в ней крайне затруднены тем, что почти все ее произведения до сих пор остаются в рукописях и в значительной части даже мало известны. Так, Абдалкерим Бухарский,[3] писавший в начале XIX в., перечисляя кочевые племена Бухарского ханства вслед за туркменами, живущими около Чарджуя, называет арабов, делящихся на племена: Бену-Хузейма, Бену-Темим, Бену-Зейд и др., которым нет числа; затем, он переходит к кочевникам, живущим в Миankале, около Катта-кургана. Текст Абдалкерима несколько сбивчив, из него не видно, где собственно жили эти арабы; можно понимать даже так, что речь идет об арабах левого берега Аму-дарьи.

Чаще, чем хроники, говорят об арабах документы. Несмотря на то, что доступный мне материал этого рода крайне случаен и составляет только незначительную часть массы сохранившихся документов последних четырех столетий, мне уже сейчас известен целый ряд упоминаний об арабах. Последние из них по времени — документы начала XIX в. Так, в приказе эмира Хайдара от 1218 г. х. (1803 г. н. э.) о наборе „кара-чирик“ (ополчения) в окрестностях г. Бухары среди узбекских племен, упоминаются арабы, которые должны были выставить 150 чел.[4] В документах, использованных В. Л. Вяткиным в его работе о Каршинском вилайете[5] и относящихся к 1800—1803 гг., упоминаются арабы, живущие в селениях Камаши,[6] Абране, Фуладе и др.; они должны были выставлять 100 стрелков. Сел. Камаши находится в Бешкендском районе; это, очевидно, то же, что Камаш, упоминаемый Андреевым; сел. Аброн = Абран находится в Касанском районе,[7] о сел. Фулад (= Пулад) сведений не удалось найти. К сожалению, В. Л. Вяткин не приводит подлинного текста документов; изучение использованного им сборника

[1] По словам И. Гаевского (Изв. Русск. геогр. общ., т. 55, вып. 2, стр. 23), в Курган-тюбинском бекстве, в нижней части долины р. Вахша, есть два селения, населенные полукочевыми арабами, в их языке много арабских слов, затрудняющих разговор с ними по-узбекски. Возможно, что между собой эти арабы говорили тогда (речь идет о 1920 г.) по-арабски; ср. также: Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, ч. I, стр. 175.

[2] См.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, Изд. Акад. Наук, 1938, указатель племенных названий.

[3] Histoire de l'Asie Centrale par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publié, traduit et annoté par Ch. Schefer. Paris, 1876, p. 77 (texte persan). Ср.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, стр. 202.

[4] Зап. Инст. востоковед., т. II, стр. 78.

[5] Изв. Ср.-Аз. отд. Гос. Русск. геогр. общ., т. XVIII, 1928, стр. 16, 17, 22 и 23.

[6] У Вяткина ошибочно Камыши.

[7] Список населенных пунктов Узбекской ССР 1928 г., ч. X, Округ Кашка-дарья, Самарканд, 1929.

(он теперь находится в Государственной Публичной библиотеке УзбССР в Ташкенте[1]), вероятно, даст некоторые дополнительные данные по интересующему нас вопросу.

Следующие два документа специально посвящены арабам; они находятся в сборнике документов и формуляров — „инша“, хранящемся в Институте востоковедения Академии Наук СССР под шифром A 212 и содержащем документы, относящиеся ко второй половине правления бухарского эмира Хайдара (1800—1826). Тут, среди образцов грамот о назначении на разные должности, находятся два документа, касающиеся арабов. Первый из них на лл. 56б—57а, озаглавленный „Нишан (на должность) мир-хазора“:[2]

نشان میر هزار چون خاطر انور قدر شناس و ضمیر منیر معدلت اساس در تقویت احوال غلامان خانزاد توجه مند میباشد بنابران شمهٔ از مراحم خاقانی را شاملحال و قرین آمال مبارزت پناه عقیدت خصال میرزا بیك ولد اسماعیل بیك میر هزار گردانیده بجماعهٔ اعراب عربی گوی دار الفاخره بخارای شریف و توابع آن مرحمت فرموده سرافرازی بخشیدیم باید که جماعه مذکوره مومی الیه را میر هزار و کلان خودها دانسته اعزاز و اکرام اورا بجا آرند از صواب دید او که صلاح دولت روزافزون و خیریت جماعه مذکور بوده باشد تجاوز جایز ندارند چون بتوقیع وقیع اعلی امجد رسد اعتماد نمایند.

„Так как светлейший разум, знающий цену (людей), и блестящая мысль, основа справедливости, заботятся об улучшении положения исконных рабов (наших), то, коснувшись частицей милостей ханских и удовлетворив надежды «убежища войны»,[3] благочестивого Мирза-бека, сына Исмаил-бека, мы возвели (его) в сан, сделав мир-хазором и оказав милость общине (джамоа) арабов, говорящих по-арабски (ароби-арабигуй), превосходной столицы благородной Бухары и ее округа. Следует, чтобы упомянутая община признавала вышесказанного своим мир-хазором и старшиной (калон), почитала и уважала его и не считала допустимым отступление от его указаний, которые являются благом для процветающей державы и выгодой для упомянутой общины. Когда (эта грамота) будет снабжена высочайшей печатью, то да оказывают доверие“.

За этим на лл. 57а—57б следует другой документ, озаглавленный „Нишан (на должность) мир-хазора Акча“:

نشان میر هزار اقچه حکام عالیمقام و امرای ذوی الاحترام اصول و اعیان اکابر و اشراف جماهیر و اعراف خواص و عوام ولایت آقچه مطلع کشته بدانند که عقیدت شعار خال[4] میر هزار که عمر مستعار در خدمت درگاه عالم پناه بدولتخواهی و نمك حلالی و خیر اندیشی گذرانیده جهان فانی را پدرود نموده تصدق فرق عالی گردیده بنابران شمهٔ ازمراحم خاقانی را شاملحال و قرین آمال خانزاد بالتحقیق

[1] Коллекция Вяткина № 55, ср.: Тр. Гос. Публ. библ. УзбССР, т. I, стр. 64, № 23

[2] О значении подобных сборников, как исторических источников, мне придется говорить в другой работе. Крайне незначительное число опубликованных до сих пор документов, на ряду с тяжелым и вычурным языком этих документов, делают затруднительным их перевод и истолкование отдельных терминов. Эти трудности увеличиваются еще в связи с тем, что ряд вопросов истории Средней Азии последних веков совершенно не исследован. При передаче среднеазиатских терминов, названий и отдельных слов, я придерживаюсь современного таджикского и городского узбекского произношения (а → о).

[3] Муборазат-панох — титул бухарских чинов от караул-беги до ишик-ага-баши, ср.: А. А. Семенов. Образцы таджикских официальных документов. Ташкент, 1923, стр. 25.

[4] Имя написано неясно, может быть فال.

محمد صدیق ولد آن کردانیده بجماعه اعراب عربی کوی ولایت مذکوره[1] مومی الیه را میر هزار و کلان خودها دانسته اعزاز و اکرام اورا بجای آرند از صوابدید او که صلاح دولت روز افزون و خیریت جماعه مذکوره بوده باشد تجاوز ننمایند از غله و نقده هر ساله چمقداریکه از سرکار خاصه شریفه بپدر او میرسید در وجه علوفه او تعیین فرمودیم دیوانیان در دفتر عالی ثبت نمایند عاملان از سرکار خاصه شریفه بلا کسر جوابکویند چون بتوقیع وقیع امجد اعلی برسد اعتماد نمایند.

„Да ведают высокопоставленные хакимы, уважаемые эмиры, вельможи, сановники, знать и простонародье вилайета Акча, что верный Холь[2] мир-хазор, который с благожелательством и верностью провел жизнь преходящую в службе дворцу — убежищу мира, распростился с преходящим миром и принес свою жизнь в жертву высочайшему челу. Поэтому, коснувшись частицей милостей ханских положения настоящего исконного раба (нашего), его сына, Мухаммед Садыка, и удовлетворив его надежды, (мы пожаловали его) общине арабов, говорящих по-арабски (ароби-араби-гуй), упомянутого вилайета. [Люди упомянутой общины] да считают его своим мир-хазором и старшиной (калон), да почитают и уважают его и да не уклоняются от его распоряжений, которые будут пользой для процветающей державы и благом для упомянутой общины. Ту сумму, которую его отец получал из высокой личной казны (саркори хосса) ежегодно хлебом и деньгами (накда), мы назначили и ему в качестве жалования (алуфа). Чиновники дивана должны это вписать в высокий список (дафтари оли), а сборщики податей выплачивать без удержаний из высокой личной казны. Когда (эта грамота) будет снабжена высочайшей печатью, то да оказывают доверие".

Итак, в первой четверти XIX в. арабоязычные арабы, по крайней мере двух районов — Бухары и Акча, составляли особые административные единицы во главе с мир-хазорами, буквально 'тысячниками'; звание это, как видно из второго документа, иногда передавалось по наследству. Подчеркивание „арабы, говорящие по-арабски", показывает, что и тогда существовали неарабоязычные арабы. Слово 'община' передает термин „джамоа", употреблявшийся в то время обычно в значении родовой единицы — племени, рода, но иногда и в значении общины в нашем смысле слова — общины сельской, земельной. Акча — городок Афганской провинции Мазар-и-Шериф, недалеко от Андхоя и Шубургана. До середины XIX в. этот район подчинялся бухарским эмирам; повидимому, это — тот самый „кишлак Гача", который упоминается в арабских преданиях, записанных Бурыкиной и Измайловой; таким образом связь между среднеазиатскими арабами и Афганским Туркестаном подтверждается документально. Функции мир-хазора не указываются, но очевидно, что податей он не собирал, мир-хазор Акча даже сам получал жалование от сборщиков. Оба мир-хазора не носят никаких чинов и весьма вероятно, что они были чем-то вроде старшин из самих арабов; выражение „исконные рабы" означает только, что они потомственно находились или считались на службе у бухарских эмиров. К происхождению этой должности я еще вернусь.

Для XVII и XVIII вв. у меня нет никаких данных об арабах, для конца XVI в. есть только упоминание в формуле обращения грамоты Абдуллы-хана 1598 г. к жителям Сыгнака на Сыр-дарье, опубликованной

[1] Пропуск; повидимому, следует читать: مرحمت فرمودیم جماعه مذکوره باید и т. д.

[2] Имя написано неясно, можно читать „Фоль".

В. В. Бартольдом[1] и переведенной П. П. Ивановым.[2] Тут перечисляются узбеки, тюрки, арабы, казахи и каракалпаки; арабы в этом районе упоминаются в „Абдулла-намэ", в рассказе о событиях 887 = 1482/83 гг.[3]

Гораздо богаче первая половина XVI в., для которой мы имеем сборник документов — „инша", приобретенный В. В. Бартольдом в 1902 г. и теперь хранящийся в Институте востоковедения.[4] Основная часть этого сборника состоит из образцов грамот (как почти всегда в такого рода сборниках, без дат и указания имени хана), относящихся к Самаркандскому вилайету и отчасти к другим районам Средней Азии. Сама рукопись по бумаге и почерку не может быть моложе середины XVI в., на то же самое время указывает ряд деталей в тексте грамот и упоминание в двух документах (лл. 83б и 186б) Абдалазиз-хана с формулой „да продлит Аллах его жизнь", — этот хан умер в 1550 г. В формулах обращения нескольких грамот этого сборника упоминаются арабы, в четырех из них — мир-хазоры арабов; приведу такую формулу первого документа — „нишана" на должность (тогда еще не чин) мирахура (л. 25б)

برادران کامکار خورشید اقتدار و امرای نامدار ممالك مدار ووزرای با وقار کفایت اثار وعمال و مباشران امور و اشغال سلطانی و ناظمان مهمات دیوانی ویوزبیکیان ایماقات و میر هزاران اعراب و احشام و ارباب و کلانتران و جماعهٔ تجّار و غیره بلده و ولایت سمرقند و علیاباد و مضافات و ملحقات قلمرو سمرقند خاصه بدانند.

„Да ведают могущественные братья, могучие как солнце, именитые эмиры, опоры государств, важные везиры, проявляющие способности, сборщики налогов, заведующие делами и должностями султанскими, распорядители дел дивана, юзбегии (сотники) аймаков, мир-хазоры арабов (аʿроб) и племен (ахшом), арбобы и калонтары (старосты), община купцов и прочие (люди) города и вилайета Самарканда и Алиабада[5] и (местностей), присоединенных и относящихся к личному (хосса) владению[6] Самарканда..."

Та же формула с небольшими вариациями повторяется еще в трех документах, также относящихся к Самаркандскому вилайету (лл. 25б, 26а, 26б; в документе на л. 26а термин „ахшом" отсутствует и упоминаются только мир-хазоры арабов). Затем, еще в трех документах, в аналогичных формулах, упоминаются арабы без упоминания о мир-хазорах,[7] эти документы относятся к вилайетам Балхскому (л. 28а), Кешскому (= Шахрисябскому, л. 28б) и Бухарскому (л. 194б). Таким образом и в середине XVI в. арабы были в Средней Азии в тех районах, где они есть и теперь, — Бухарском, Самаркандском и долине Кашкадарьи, арабы (аʿроб = бедуины) упоминаются среди кочевых племен рядом

[1] ЗВО, XV, стр. 266.

[2] Материалы по истории Каракалпаков. Л., 1934, стр. 34—35.

[3] Рукопись Института востоковедения, шифр D 88, лл. 250а—250б. В другом месте „Абдулла-намэ" (л. 448а) упоминаются арабы в Балхском вилайете.

[4] Шифр А 210, ср.: ЗВО, XV, стр. 219.

[5] К северу от Самарканда; ср.: В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 115.

[6] Как известно, Средняя Азия при Шейбанидах была разделена на уделы между членами ханского рода; хан сам правил только округом столицы. В первый период ею был Самарканд; очевидно, здесь подразумевается этот округ, находящийся в личном владении хана.

[7] В этих документах, вообще, перечисляются только народности, так что отсутствие упоминания о мир-хазорах само по себе еще не указывает на то, что их не было в этих вилайетах.

с аймаками — племенами тюркского или монгольского происхождения; последние управляются юзбегиями (сотниками), тогда как арабы и какие-то другие племена (ахшом) — вероятно нетюркского происхождения[1] — мир-хазорами (тысячниками). О том, что представляли собой эти мир-хазоры, мы узнаем несколько больше из приведенного ниже документа, находящегося на лл. 124а — 124б того же сборника; из документа не видно, к какому вилайету он относится, можно только предполагать, что, как и большинство грамот сборника, — к Самаркандскому:

نشان میر هزاری اعراب

برادران کامکار نصرت شعار و فرزندان نامدار برخوردار و امرای ملك آرای ذوی الاختیار و وزرای کفایت نمای جمعیّت آثار و نواب درگاه کیتی پناه و مقربان سدّه فلك اشتباه و عمال و مباشران امور و اشغال سلطانی و متکفلان مهمات دیوانی و ملازمان خاصه عموما احسن الله تعالی احوالهم بدانند که چون همگی نیت رعایت کیش و جملگی [همت][2] تربیت اندیش داعی و ساعی بران است که بفحوای سعادت نمای ان الله یامرکم ان تؤدّوا الامانات الی اهلها[3] عملنموده هریك از امور سلطنت و مهام کارخانهٔ دین و دولت را بآدمانی[4] که بحلیهٔ حسب محلّی و بجلوهٔ نسب مجلّی بوده نیکو خواهی ایشان بر همکنان روشن و مبرهن است تفویض فرموده مرتبه اعتبار و درجه اقتدار ایشانرا بمضمون کلام فرخنده انجام و رفع بعضکم فوق بعض درجات[5] افزوده بمناصب مناسب منصوب گردانیده بین الامثال و الاشباه ممتاز و سرافراز فرماییم چون ماصدق اینمعنی و شاهد برین دعوی عمدة الاماثل و الاقران و زبدة الاقارب و الاخوان نیك اندیش خلایق خشنود کمال الدین مقصود بود و نسبت قدمت و خدمت و سبقت و دولتخواهی از زمرهٔ و السابقون السابقون اولئك المقربون[6] است اورا مشمول رعایت ساخته مناصب میر هزاری[7] اعراب تفویض فرمودیم و تمامی مهمات و معاملات ایشانرا بقبضه اقتدار و اختیار او سپردیم باید که مشار الیه‌را میرهزار صاحب اختیار ذوی الاعتبار دانسته هیچ آفریده دخل نکند و کلانتران و رعایا مشار الیه را میرهزار معتبر مقدم نیکوی خود دانسته جمیع امور و معاملات خودرا مرجوع باو شناسند مقرری و اخراجات و سایر عوارضات [که] بدان هزارجات اطلاق یابد از قرار[8] توجیه و تخصیص او عملنموده از سخن و صوابدید او بیرون نروند و تعظیم و احترام و اعزاز و اکرام اورا واجب و متحتم شمرده دقیقه از دقایق احترام و تبجیل نامرعی نگذارند بدستوری سابق الغ و حق الاهتمام اورا جواب گفته حجت ننمایند در هرجا از ولایات و تومانات رعایا و شرکا خود باشند باهتمام مشار الیه به یورت و منازل خود آمده بکسب حلال بفراغ بال اشتغال نمایند هیچ کس حمایت نشود و مانع نگردد.

[1] Ср. у Бабура (GMS, I, 187в): ترك و مغولدین و ایماق و احشامدین و افغان و هزاره دین مختلف ایل و اولوس.

[2] Пропуск в тексте дополнен по аналогичным формулам других грамот.

[3] Кор., 4, 61.

[4] Cod. بآمانی.

[5] Кор., 6, 165.

[6] Кор., 56, 10—11.

[7] Cod. میرآهواری.

[8] Cod. باندار موار.

„Нишан (грамота) мир-хазора арабов

Да ведают братья могущественные и победоносные, сыновья славные и благоденствующие, эмиры, украшающие царство, полновластные, везиры, проявляющие способности и обладающие совокупностью хороших качеств, наибы дворца — убежища мира, приближенные врат, подобных небосводу, сборщики налогов и заведующие делами и должностями султанскими, управляющие делами дивана и слуги приближенные (хосса) вообще, — да улучшит Аллах их положение, — что вся воля, думающая о заботе, и все внимание, помышляющее о ласке, призывает и толкает (нас) к тому, чтобы мы, поступая согласно смыслу (слов), указывающих счастье: «подлинно аллах приказывает вам отдавать (вещи) отданные на хранение, владельцам их»,[1] поручали каждое из дел султанства и должностей мастерской веры и державы людям, которые украшены собственными качествами и прославлены происхождением и чье доброжелательство ясно и доказано для всех, возвышая степень почета и достоинства их согласно словам, доставляющим радость: «и он поднял степени одних из вас над другими»,[2] и, назначая на соответствующие должности, выделяли и поднимали среди равных и подобных. Так как подтверждением этой мысли и свидетелем в пользу этой претензии был высший из сановников и ближних, лучший из родичей и братьев, доброжелатель счастливых творений Кемаладдин Максуд, в отношении услужения, службы, старательности и доброжелательства, он принадлежит к числу (тех, о ком сказано): «Старающиеся, старающиеся они — приближенные»,[3] то, охватив его заботой (нашей), мы поручили ему должности мир-хазоров арабов (aʿроб) и передали его власти и распоряжению все дела их. Следует, чтобы упомянутого признавали полновластным и уважаемым мир-хазором и чтобы никто не вмешивался (в это). Калонтары (старосты) и крестьяне[4] да признают упомянутого своим уважаемым мир-хазором и хорошим предводителем, да считают нужным обращаться к нему во всех делах. Налог (мукаррари),[5] сборы (ихроджот) и прочие повинности (ʿаваризот), которые будут наложены (итлок йобад)[6] на эти тысячи (хазораджот), да выполняют они согласно его назначению и распределению, да не уклоняются от его указаний и решений, да считают необходимым и обязательным уважение, почитание, величание и чествование его и да не оставляют без внимания ни одной подробности почитания и превозношения. По прежнему порядку да выплачивают ему алыг и хакк-ал-ихтимом и не приводят отговорок. Где бы в вилайетах и тюменях ни были крестьяне (раʿайā) и издольщики (шарик), да придут они под упра-

[1] Кор., 4, 61.

[2] Кор., 6, 165.

[3] Кор., 56, 10—11.

[4] Слово „раайа“, собственно 'подданные', часто обозначает именно крестьян, иногда же, как в конце документа, крестьян-собственников, в отличие от издольщиков.

[5] По А. А. Семенову (Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929, стр. 6) термин "мукаррари" означал совокупность налогов «определенного характера, которые у нас принято обозначать термином „прямые“». Однако мне в документах XIX в. этот термин встречался только в значении 'жалованье'; в грамотах же XVI в., где этот термин встречается очень часто, он заменяет собой термин „мол“ (مال) параллельных мест других грамот; мне представляется возможным, что „мукаррари“ означало налог, уплачивавшийся в определенной сумме, назначенной диваном, а „мол“ — налог, уплачивавшийся в виде доли урожая.

[6] Ср. аналогичное выражение в грамотах времен монгольского владычества в Иране („Дастур ал-катиб“, венская рукопись, Flügel, 244, л. 177а; цитирую по копии в бумагах В. Г. Тизенгаузена, хранящихся в Институте востоковедения, стр. 259): و المبلغ کذا بر سبیل مرسوم بر مواضع مرجوّ الحصول بنام اطلاق کنند

вление[1] упомянутого в свой юрт и становище и да занимаются спокойно законным промыслом; пусть никто не укрывает (химайат нешавад) и не препятствует".

Если мир-хазор в XIX в. уже не собирал податей, то в XVI в., как видно из документа, это была его главная обязанность (и выгода): он собирает налоги в пользу дивана (т. е. государства) и какой-то сбор в свою собственную пользу, весь документ носит скорее характер пожалования бенефиция, чем назначения на должность в нашем смысле. Впрочем, при Тимуридах и Шейбанидах всякое назначение на должность рассматривалось как „суюргал" 'пожалование', 'бенефиций', даже, может быть, 'феод'. Термин „алыг", тюркское 'взимание', 'налог' нередко встречается в документах XVI в. и в более позднее время, чаще в комбинации с термином „салыг" 'наложение'; реальное значение термина не выяснено.[2] Можно думать, что значение его было широким и обнимало налоги вообще; до нахождения других материалов вопрос приходится оставить открытым.[3] Термин „хакк ал-ихтимом", букв. 'плата за заботу', т. е. плата за управление, мне встречается впервые, но Средняя Азия в последние века знает целый ряд таких сборов в пользу должностных лиц под разными наименованиями (миробона, мухосилона и т. п.); в государстве персидских монголов даже начальники военных отрядов получали особый сбор (расм) со своих воинов.

Особый интерес имеет заключительная часть документа: крестьянам и издольщикам, где бы они ни были, предписывается вернуться на свои места (юрт) и стоянки; никто не должен их укрывать и задерживать. Повидимому, здесь речь идет о какой-то форме прикрепления крестьян к земле и о возвращении бежавших. Аналогичная, но более ясная формула имеется и в другом документе того же сборника (л. 26а) о назначении хакима над „чагатаями":

و هیچ آفریده از سادات و مشایخ و امرا و جمیع ملازمان درکاه عالم پناه جماعهٔ جغتای را حمایت نکنند و بملازمان مشار الیه سپارند.

„Никто из сейидов, шейхов, эмиров и всех слуг дворца — убежища мира, да не укрывает (химойат накунад) чагатаев, а да выдают их слугам упомянутого (хакима)". Такие же формулы встречаются и в грамотах на наделы (поместья — икта) времен монгольского владычества в Иране.[4] В общей форме о прикреплении крестьян говорится в известном ярлыке Газан-хана об икта, в котором, кроме того, устанавливается тридцатилетний срок давности для розыска беглых. Весьма вероятно, что в ярлыке только зафиксирован уже установившийся порядок.[5] Вопрос о существовании прикрепления крестьян к земле или к владельцам в Средней Азии и о формах такого прикрепления нуждается в особом исследовании; В. В. Бартольд отрицал самое существование его во всех странах ислама.[1]

[1] Букв.: заботу (ихтимом).

[2] Часто встречающаяся форма آلغات и параллельная ей سالغات, может быть, — просто арабское множественное число от тех же тюркских слов; ср., например, выражение آلغات و عملات و مراعیات в документе, опубликованном А. А. Семеновым (цит. соч., стр. 11). Перевод всей фразы у Семенова совершенно неверен, она значит: „налоги, повинности и сборы за пастбища, которые издавна принадлежали прежним шейх-ал-исламам, по существующему порядку должны уплачивать ему, не противоречить и не противодействовать".

[3] Ср.: ЗВО, XV, стр. 269. Термин „салыг" в первой половине XIX в. означал подворную подать; ср.: А. Л. Кун. Очерки шахрисябского бекства. Зап. Русск. геогр. общ. по отд. этногр., VI, 1880, стр. 230.

[4] „Дастур ал-катиб", венская рукопись, л. 183б (копия В. Г. Тизенгаузена, стр. 278 и 279); термин „химойат" — ср. еще: В. В. Бартольд. Надпись на стене Анийской мечети Мануче, стр. 27 и 31.

[5] D'Ohsson. Histoire des Mongols, IV, p. 425. — И. П. Петрушевский. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья. Изв. Акад. Наук СССР, Отд. общ. наук, 1937, стр. 888.

Как уже сказано выше, грамоты помещают арабов между кочевыми племенами и именуют их собственно не арабами (عرب), а бедуинами (اعراب); о том же говорит и выражение „места кочевий (юрт) и стоянки". Однако упоминание о крестьянах и издольщиках (шарик)[2] говорит, как будто о начавшемся оседании; применение последнего термина к кочевому скотоводческому хозяйству пока неизвестно и кажется маловероятным.

Интересны также самые термины „мир-хазор" 'тысячник' и „хазора" 'тысяча' как административные, а не военные. В литературе о них, насколько я знаю, нет никаких упоминаний; о более крупных единицах, тюменях (буквально 'десять тысяч'), существовавших в Бухарском ханстве вплоть до XIX в., В. В. Бартольдом высказано предположение, что они введены при хане Кебеке (1318—1326).[3] Термин „хазора" в Средней Азии встречается в XVI в.[4] Горный райоч Матча еще в конце XVI в. считался „хазора",[5] следом этого деления является также сохранявшееся в верховьях Зеравшана, вплоть до русского завоевания, деление на „сада" 'сотни'.

Термин мир-хазор, как видно из приведенных документов, особенно из формул обращения, на равнине уже в начале XVI в. был связан только с арабами и еще какими-то кочевыми племенами, но в Дарвазе и Каратегине мир-хазоры (по местному произношению мирозоры) сохранялись вплоть до революции;[6] это были выборные, с утверждения бека или шаха, должностные лица, ведавшие, наряду с другими делами, и сбором податей, также сохранявших архаический характер. По одному месту Вассафа[7] население г. Бухары уже в середине XIII в. делилось в фискальных целях на хазора 'тысячи'; весьма вероятно, что это деление возникло первоначально во время переписи, производившейся монголами; для России это засвидетельствовано летописью.[8] Деление на туманы существовало при монголах и в современном Афганистане (Кабул — по Бабуру) и в Азербайджане, а также в Грузии.

Этим исчерпываются у меня данные об арабах в самой Средней Азии. Следующий и последний документ относится уже к Хорасану. Он находится в сборнике официальных документов, составленных Абдаллахом ибн Мухаммедом ал-Марварид во время его службы в качестве секретаря у Султан-Хусейна Байкары, правившего Гератом и большей частью Хорасана с 1468 по 1506 г.; сам Абдаллах умер в 1516 г.;[9] сборник, рукописных списков которого имеется довольно много, обычно именуется „Тарассули-Марварид", хотя в нем этого названия нет. В Институте востоковедения имеется несколько рукописей этого сборника, отличающихся друг от друга по составу. Я использовал рукопись

[1] Культура мусульманства, стр. 48.

[2] Об этом термине см.: Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма горных таджиков Вахио-боло. Л., 1936, стр. 29—33.

[3] Улугбек и его время, стр. 9; История Туркестана, стр. 39.

[4] Из архива шейхов Джуйбари. Л., 1938, стр. 456 (Таткент в Миankале), стр. 460 (Нур); на эти места обратил мое внимание П. П. Иванов.

[5] Несколько документов XVI—XVII вв. из Матчи подготовляются мною к изданию.

[6] Ср., например: И. Гейер. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901, стр. 108; Н. А. Кисляков, цит. соч., стр. 54 и 81.

[7] Бомбейское издание 1852 г., стр. 49.

[8] Лаврентьевская летопись под 1257 г. (цитирую по: Б. Греков. Золотая орда, стр. 161): „тое же зимы приехаще численницы и сосчетоша всю землю... и ставиша десятники и сотники и тысящники".

[9] Ch. Rieu. Catalogue of the Persian Manuscripts, III, p. 1094.

С 333 (лл. 46б—48а, ниже А). Кроме того, значительная часть документов сборника включена в описанный выше сборник (шифр А 210, л. 97а—98б, ниже В). Я опускаю очень длинную формулу обращения и мотивировку.

نشان حکومت اعراب سعیدی باسم خواجه افضل الدین محمد ...درین وقت
فلان و فلان که[1] از صنادید و روسا[2] قبایل اعراب بنی سعید[3] اند و قبل ازین
بمدتی از ممالك خراسان که موطن اصلی و منشاء حقیقی[4] ایشانست بسبب
بعضی وقایع بجانب عراق افتاده بوده اند و کرفتار ظلم و ستم شده اقبال[5] مثال
بدرکاه عالم پناه التجا نموده[6] بعز[7] بساطبوسی رسیدند و بعنایت و مرحمت بی
دریغ مستمال[8] کشته التماس نمودند که سرانجام مهام و تصدی جزوی و کلی
ایشانرا بیکی از عظمای ارکان دولت فرماییم تا مرفة الحال درین دیار بدعای دولت
پایدار قیام توانند نمود بنابر صلاح حال ایشان و اعتقاد[9] تمام که[10] به حُسن رای
ملك آرای ناظم اعاظم قواعد السلطنة و الخلافت موتمن الملك صلاح اندیش خواجه
افضل الدین محمد وفاکیش واقع است تمامی مهمات ایشانرا از داروغکی و
محصلی اعراب مذکوره که آمده اند و آنچه بعد ازین آیند با تعیین مباشران و
عمال و توزوك[11] بستن و غیرها بحسن اهتمام آن نیك نام[12] خجسته فرجام[13]
سپردیم تاجنانچه از فرط صلاح اندیشی او متصورست غایت دارایی و غمخواری بظهور
رساند و جنانچه شیوهٔ پسندیده و شیمهٔ حمیدهٔ آن ناظم قواعد السلطنة است
نکذارد که هیچکس بقاعده مشوش حال ومخرب امانی و امال سعادت مآل ایشان
کردد و نوکران خودرا برسم داروغکی در میان ایشان تعیین نموده نکذارد که میانه
ایشانان بی سویتی واقع شود و سال بسال از نوکران خود محصل تعیین نماید
که واجبی ایشانرا بمحل کرفته بدیوان آورد ایشان نیز باید که اوامر و نواهی اورا
که فی الحقیقه امر و نهی ماست منقاد و مطیع بوده دقیقه از دقایق مطاوعت
نا مرعی نکذارند و در همه ابواب شکر و شکایت اورا موثر دانند الی آخره.

„Нишан хакима арабов Са'иди на имя ходжи Афзал-ад-дина Мухаммеда... В это время такой-то и такой-то, которые принадлежат к числу вождей и предводителей племен арабов (а'роб) бену Саид и несколько времени тому назад из-за некоторых событий ушли из владений Хорасана, их первоначального места поселения, и попали в Ирак, где стали пленниками несправедливости и притеснения, пришли искать убежища у дворца — убежища мира,[14] удостоились чести целования ковра, были обнадежены безграничной добротой и милостью и просили, чтобы решение дел и управление частное и общее ими мы поручили одному из столпов державы, дабы они в спокойствии могли

1 А отсутствует.
2 Sic B, А روعسات.
3 В سعد.
4 А отсутствует.
5 В امثال.
6 А доб. دعرستان.
7 В بشرف.
8 А مسمال, В مشمال.
9 А اعتضاد, В اغتعاد.
10 В отсутствует.
11 А توروك. В других рукописях توزك.
12 В отсутствует.
13 На этом в В документ обрывается.
14 Т. е. Султан-Хусейна.

заниматься молитвой за непоколебимую державу. Ради улучшения положения их и полного доверия, которое имеется (у нас) к хорошему взгляду, украшающему царство, устроителя величайших основ султанства халифата, благожелателя и верного Мутамин-ал-мулька ходжи Афзал-ад-дина Мухаммеда, мы поручили хорошему попечению (ихтимам) этого славного, — да будет хорошим конец его, — все дела их: и администрацию (даругаги) и сбор налогов (мухассили) упомянутых арабов, которые пришли и которые придут впредь, с назначением чиновников (мубаширов), сборщиков (амилей), установлением правил (тузук бастан)[1] и прочим, дабы он, так как это можно ожидать от его особой доброжелательности, проявил крайнее внимание и сострадание и так, как (требуют) добрый обычай и похвальный характер этого устроителя основ государства, не допускал, чтобы кто-нибудь стал беспокоить положение и разрушать исполнившиеся желания и надежды их. Да назначит он к ним своих нукеров в качестве даруг (управителей) и да не допускает, чтобы между ними происходили беспорядки. Каждый год да назначает он из своих нукеров сборщика (мухассил), который возьмет во время налог (ваджиб) с них и доставит в диван. Они же должны подчиняться и повиноваться его приказам и запрещениям, которые в действительности являются приказаниями и запрещениями нашими, не пренебрегать ни одной тонкостью повиновения и во всех случаях признавать действенными его благодарность и жалобу.[2] И так далее".[3]

Таким образом еще в самом конце XV в. большие группы арабов могли совершать передвижения из Хорасана в Ирак[4] и обратно. Помимо установления этого факта, настоящий документ объясняет нам некоторые места предыдущего. Очевидно, арабы-переселенцы нуждались в покровителе из крупных феодалов или чиновников;[5] такой покровитель, конечно, не ограничивался сбором налогов в казну, а желал что-либо получить и в свою пользу, это и есть, очевидно, та „плата за заботу", которая упоминается в предыдущем документе, термин „ихтимам" 'забота' есть и в этом документе; арабы, таким образом, оказывались в зависимости от этого феодала. Таким покровителем был, вероятно, и загадочный Мир Хайдар, в пользу которого и его потомков шел особый сбор, упомянутый в записях М. С. Андреева.

В заключение нужно остановиться на вопросе, когда же собственно попали в Среднюю Азию те арабы, о которых говорится в документах и которые существуют там до сегодняшнего дня. Окончательный ответ на это сейчас дать еще невозможно, и приходится ограничиваться более или менее обоснованными предположениями.

Уже во время завоевания Средней Азии арабами, в VII—VIII вв. в главных городах Мавераннахра — Бухаре и Самарканде, а быть может, и в других, были поселены в качестве гарнизонов крупные группы арабов, в Бухаре им была передана половина домов и земель жителей.[6] Вероятно, с того времени некоторые местности — кварталы, ворота, клад-

1 Перевод предположительный.
2 Смысл этой фразы неясен. Ср. в грамоте 893 г. из Фарса: شکر و شکایت عظیم موثر دانند (فارس نامه ناصری, соч. Хаджи Мирза Хусейна Табиби; Тегеран, 1313, стр. 82—84).
3 Очевидно, должны следовать обычные заключительные формулы, вроде: „Все должны оказать доверие этому, написано по высочайшему повелению в таком-то году".
4 Подразумевается, конечно, Ирак Аджеми, т. е. Западный Иран.
5 Ходжа Афзал-ад-дин Мухаммед Кермани был одним из везиров Султан-Хусейна, с 1473 по 1487 г. и снова с 1498 г.; документ, судя по титулатуре, относится ко второму его везирству. См. о нем: В. В. Бартольд в сборнике „Мир-Али-Шир" (стр. 136, 143, 152—154).
6 Ср.: В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 23.

бища и т. п. — в Бухаре и Самарканде получили название по именам арабских племен. Указаний на то, чтобы арабы в этот период селились вне этих крупнейших центров, повидимому, нет; да и трудно представить возможность этого в только что завоеванной стране, постоянно грозившей восстанием. Позже, когда завоевание было закончено и началось слияние победителей с побежденными (точнее, с эксплоататорскими классами последних), арабы, по крайней мере горожане, распространились гораздо шире; по географу IX в. Якуби, во всех городах Хорасана (в который он включает Мавераннахр) уже были арабы.[1] У нас нет никаких данных о том, чтобы арабы и в этот период составляли где-либо за пределами больших городов компактные массы. В. В. Бартольд[2] считает селение и волость (рустак) Ведар к северу от Самарканда средоточием арабов в X в., однако источник этого сообщения — ал-Истахри[3] — говорит только: „Ведар и многие из селений этих волостей принадлежат группе (каум) людей из (племени) Бекр ибн Ваиль, известной под именем Суба'ийа, им принадлежала власть в Самарканде, и у них были дома для угощения и хорошие качества". Ибн Хаукаль добавляет к этому: „Я застал из них часть, немногое указывало на многое". Из этого сообщения можно скорее заключить, что Ведар и другие селения принадлежали, как собственность, арабскому роду, представители которого занимали большие административные места и воспользовались этим, как часто делали арабские наместники, для захватов или покупки крупных земельных владений. Самаркандский военачальник Абу-Музахим Суба' ибн ан-Надр, потомками которого, очевидно, является этот род, умер, по ас-Сам'ани, в 882 г. Для признания арабским другого пункта, Наукад Курейша между Кешем (Шахрисябзом) и Нахшебом (Каршами),[4] нет других оснований, кроме названия, которое, может быть, испорчено в рукописях.

В дальнейшем арабы в крупных городах, естественно, быстро ассимилировались с местным населением. Уже в IX в. знаменитый Джахиз[5] писал, что нельзя отличить арабов, поселившихся в Фергане или других частях Хорасана (в широком смысле), от коренного населения. Возможно, однако, что современные арабы гг. Бухары, Самарканда, Ходжента и, может быть, Катта-кургана, почти не отличающиеся от соседних таджиков, происходят от этих поселенцев первых веков ислама.

Иначе обстояло дело на левом берегу Аму-дарьи, в Хорасане. Тут, в очень рано завоеванных арабами районах Мерва и Балха, ставших основными базами для дальнейших завоеваний, с самого начала было очень много арабов, селившихся крупными племенными группами. Если оседлые арабы, поселившиеся в городах и соседних селениях (может быть, скорее как землевладельцы, чем земледельцы), довольно скоро растворились в массе коренного населения, то кочевые арабы, как везде, гораздо дольше сохранили свои особенности.[6] Из рассказов о гибели последнего представителя династии саманидов, Мунтасира,[7] видно, что

[1] BGA, VII, 294, 5—7.
[2] Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 97. — К истории орошения Туркестана, стр. 111—112.
[3] BGA, I, 322, 10 и 323, 2; II, 373, 11—14. Слова Ибн Хаукаля, повидимому, относятся к благотворительным учреждениям, устроенным этим родом.
[4] К истории орошения Туркестана, стр. 126.
[5] Tria Opuscula, ed. Van Vloten, p. 40.
[6] В. В. Бартольд. Мусульманский мир, стр. 30.
[7] В. В. Бартольд. Туркестан, II, стр. 284. — Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 226 (ал-Утби), 360 (Ибн ал-Асир). По Абу-л-Хасану Бейхаки (Тарих-и-Бейхак, стр. 70), он был убит „в стоянке Курмуша-араба, а это — Халид ибн Нухейб из Серахских бедуинов, из племени 'Иджль".

в степи между Мервом и Чарджуем была значительная группа кочевых арабов, подчинявшаяся Махмуду Газневиду и управлявшаяся назначенным им чиновником — бундаром. „Стоянка арабов" упоминается еще в XII в. около г. Шахристаны, в районе современного Ашхабада.[1] Писавший в конце X в. ал-Макдиси[2] называет район г. Хульма (теперь Ташкурган, в восточной части Афганского Туркестана) страной племени Азд; в сел. Хаст, где-то в том же районе, жили арабы; арабское селение Бармадуй лежало у переправы через Аму-дарью, выше Чарджуя.[3] Наиболее интересно, однако, сообщение писавшего также в конце X в. автора Худуд-ал-Алем,[4] которое я приведу в переводе: „Азив[5] — маленький городок в конце округа Гузганана; все эти города, которые мы упомянули, принадлежат царству гузгананского владетеля. В степи этого города находятся арабы в количестве двадцати тысяч мужчин, они имеют много баранов и верблюдов; эмир их назначается от гузгананского владетеля, и они платят ему садакат (т. е. зекат — налог со скота); эти арабы — самые богатые из всех арабов, разбросанных повсюду в Хорасане. Хош[5] — большое селение, приятное и населенное, расположенное среди пустыни, оно принадлежит тому же царю. Эти арабы летом большей частью бывают тут". Граница Гузгананского владения, в которое входили Андхой, Меймене, Шубурган и т. д., лежала где-то между Шубурганом и Балхом, там, где теперь Акча; напрашивается вывод, что эта весьма значительная группа арабов и является предками тех „арабов, говорящих по-арабски" округа Акчи, о которых говорит приведенный выше документ. Приходится, однако, учитывать, что такие же, довольно большие, группы арабов, жившие в туркменских степях, давно потеряли свой язык и вошли как особые племена в состав туркменского народа. Может быть, арабы Афганского Туркестана сохранили свой язык вследствие присоединения какой-либо группы, пришедшей гораздо позднее; мы уже видели, что такие переселения были возможны вплоть до конца XV в. Связь же современных среднеазиатских арабов, если не всех, то значительной части, с Афганским Туркестаном достаточно установлена преданиями и документами. Есть ли теперь арабы в этой местности, — мне установить не удалось; по английскому официальному источнику,[6] в Афганском Туркестане есть арабы, говорящие по-таджикски, но где именно — не указано.

Арабы были и значительно южнее, в центральной части Афганистана. Как известно, в состав армии Махмуда Газневида входили и арабы, как особая составная часть; где они были набраны — неизвестно, но и много спустя после смерти Махмуда они упоминаются при описании событий в районе Газны. Еще в самом начале XVI в., при Бабуре,[7] кочевые арабы были в районе Кабула; из слов Бабура можно даже заключить, что они говорили по-арабски; есть ли они там и теперь, — неизвестно. Возможно, что от них попали в язык среднеазиатских арабов афганские языковые элементы; в Афганском Туркестане, как известно, афганцев до XIX в. не было вовсе, а теперь очень мало.

Столь же мало известно, когда именно среднеазиатские арабы попали на правый берег и в те места, где они живут теперь. Записи преданий показывают, что передвижения их были сложны и происходили не сразу.

[1] Джувейни, GMS XVI, II, 46, 13, где, очевидно, следует читать: منزلگاه عرب.
[2] BGA, III, 301, 1 и 4.
[3] Ibid., III, 292, 9.
[4] Издание В. В. Бартольда, л. 21б; ср.: Введение, стр. 5.
[5] Чтение сомнительно.
[6] The Imperial Gazetteer of India, V, p. 68.
[7] GMS, I, fasc. 131a.

Часть самаркандских арабов, напр., прошла через Карши, другая — через Бухару; упоминается как промежуточный пункт и Гиссар. Д. Н. Логофет[1] замечает, что арабы, повидимому, были когда-то поселены по пути между Балхом и Самаркандом — в бекствах Кабадианском, Шахрисябском, Гиссарском, Ширабадском и Чиракчинском; возможно, что это наблюдение имеет некоторые основания. Однако во всех трех опубликованных записях фигурирует широко распространенная легенда о переселении арабов Тимуром. Само по себе такое переселение могло иметь место: мы знаем о многих принудительных переселениях при Тимуре, главным образом ремесленников, но иногда и кочевников; тотчас после его смерти эти переселенцы начали уходить на свои прежние места. Странно, однако, то, что историки Тимура, отмечающие каждый его шаг, ни слова не говорят о переселении арабов. Кроме того, следует иметь в виду, что среднеазиатские легенды относят все крупные события и сооружения или к Тимуру, или к Абдулле-хану, так что из такого предания можно вывести только то, что событие было давно.

Очень странно еще упоминание в легендах какого-то Мир Хайдара, зятя Тимура — совершенно неизвестной личности; тождество его с бухарским эмиром Хайдаром невероятно, так как последний жил сравнительно недавно и память о нем еще жива. Мне пока известно только одно событие, с которым может быть связано массовое переселение с левого на правый берег Аму-дарьи; оно происходило на 100 лет позже Тимура, в 1513 г. Занявшие перед тем северный Хорасан и Балх узбекские султаны вынуждены были очистить захваченные области. При этом, по сообщению современника — автора сочинения Зубдет-ал-Асар,[2] Убейдулла, тогда еще султан, а не хан, переселил в Бухару жителей Мерва, а Джанибек-султан переселил через Аму-дарью в свой удел жителей Балха, Шубургана и Андхоя, того самого района, где жили арабы северного Афганистана. Уделом Джанибека в это время была долина Зеравшана от Самарканда до Кермине,[3] и весьма вероятно, что по крайней мере часть арабов этого района попала туда во время этих событий. Может быть, с этим как-либо связан тот документ середины XVI в., который я привел выше.

Многие поставленные мною вопросы можно было бы решить, если бы предания самих арабов были записаны более точно и полно. На месте, вероятно, удалось бы выяснить, кто такой был Мир-Хайдар. Для этого понадобилось бы выяснить, кому собственно уплачивался специальный арабский налог и какие мазары существуют в районе г. Карши (в частности в сел. Касби).

---

[1] Бухарское ханство, ч. I, стр. 175.
[2] ЗВО, XV, стр. 202—203.
[3] В. В. Вельяминов-Зернов. Монеты бухарские и хивинские. Тр. Вост. отд. Русск. археол. общ., IV, стр. 354, 356 и сл.

А. П. РИФТИН

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ФОРМ НАКЛОНЕНИЙ В АРАБСКОМ И АККАДСКОМ ЯЗЫКАХ

Проблема наклонений глагола в семитических языках представляется нам одной из наиболее трудных и наименее разработанных среди проблем указанной части речи. Особые трудности возникают при исследовании происхождения форм наклонений, которые, насколько нам известно, остаются до сих пор необъясненными. Эта небольшая работа ставит себе задачей исследование образования и развития некоторых наклонений в пределах семитических языков. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению интересующего нас вопроса, мы считаем необходимым остановиться на том, что мы понимаем под термином наклонение. Дело в том, что не все то, что называется наклонением в традиционных грамматиках семитических языков, в действительности является наклонением. Так, например, в грамматике аккадского (ассиро-вавилонского) языка различаются в числе других наклонений также subjunctiv и energicus.[1] Последняя форма, как показал Landsberger,[2] есть не что иное, как выражение направления движения, ventiv или terminativ, как ее называют. Она может находиться как при изъявительном, так и при повелительном и других наклонениях и характеризуется особым суффиксом. Равным образом и subjunctiv нельзя считать в аккадском языке наклонением, потому что в этой форме находятся только вербальные сказуемые придаточных предложений. Мы будем в дальнейшем под наклонением понимать то, что принято современным языкознанием и что прекрасно сформулировано у В. В. Виноградова: „Категория наклонения выражает точку зрения субъекта на содержание самого глагольного высказывания, на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Категория наклонения — это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом. Категория наклонения выражает оценку реальности связи между действием и его производителем (производителями) с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи“.[3]

Что же касается форм, в которых выражаются наклонения, то их можно разделить на морфологические и синтаксические. Поскольку происхождение синтаксических форм выражения наклонений, как правило, более или менее ясно, то, естественно, наше внимание привлекают морфологические формы выражения, генезис которых до настоящего времени остается еще неизвестным. Надо отметить, что семитские языки обла-

---

[1] A. Ungnad. Babylonisch-assyrische Grammatik. München, 1926, § 32.
[2] B. Landsberger. Der „Ventiv“ des Akkadischen (ZA NF, I, 1924, p. 113 ff.).
[3] В. В. Виноградов. Современный русский язык, вып. 2, М., 1938, стр. 450.

дают незначительным количеством наклонений, выражаемых морфологически. Это обстоятельство стоит в теснейшей связи с развитием анализа в пределах семитических языков, следовательно, со стиранием морфологических форм и развитием синтаксических. Наиболее далеко процесс анализа зашел в живых семитических языках, однако черты его можно отчетливо проследить и в древних языках этой группы. В виду того, что морфологические формы лучше всего сохранились в аккадском и арабском языках, материалы этих языков и будут положены в основу нашего анализа. Особый интерес для нас представляет тот факт, что те формы, которые в арабском языке выражают значение наклонений, в аккадском языке существуют, но не все из них имеют значение наклонения. Далее, любопытным является также и то, что формы, совпадающие в обоих языках, в каждом из них имеют значение разных наклонений. Если, например, в арабском языке глагольные формы ед. ч. на „u“ и „a“ выражают изъявительное и сослагательное наклонения, то в аккадском языке формы на „u“ и „a“ — формы subjunctiv'a и energicus'a, которые, как мы видели, не являются формами, выражающими наклонение.[1] Если затем, в арабском языке усеченная форма, прежде всего, служит для выражения условного наклонения, то в аккадском языке эта же форма имеет значение изъявительного.[2] Не может быть упущено из виду и то, что указанные показатели интересующих нас форм совпадают с падежными окончаниями в семитических языках. Итак, все, вместе взятое, заставляет нас обратиться к проблеме наклонений. Рассмотрим сначала материалы аккадского языка.

Изъявительное наклонение в аккадском языке является формой, лежащей в основе всех других нас интересующих форм (кроме повелительной), так как она в ед. ч. в конце имеет нулевой показатель, обнаруживает чистый корень. Эта форма справедливо может считаться древнейшей среди наклонений, исключая повелительное. Анализ изъявительного наклонения нас здесь больше интересовать не будет, потому что он приведет нас к образованию глагольной формы вообще, возникшей из местоимения и имени с значением действия или состояния в предикативной функции. Что же касается содержания изъявительного наклонения, как грамматической категории, выражающей отношение к действию или состоянию, заключенному в глаголе, с точки зрения реальности, то исследование его должно быть связано с целым рядом сложных проблем гносеологического характера, которые мы в этой статье опускаем. Нам необходимо будет перейти дальше к разбору форм subjunctiv'a и energicus'a в аккадском языке. Выше мы говорили, что эти формы не являются выразителями особых наклонений, а представляют глагол в изъявительном наклонении в функции предиката придаточного предложения, когда дело идет о subjunctiv'e, и то же изъявительное наклонение в ventiv'e, когда дело идет об energicus'e. Однако, так как эти обе формы в арабском языке выражают изъявительное и сослагательное наклонения, они должны быть рассмотрены и в аккадском.

Форма subjunctiv'a была предметом нашего специального исследования, и поэтому мы можем здесь ограничиться кратким изложением добытых уже результатов.[3]

[1] Например, аккадская форма subjunctiv'a, оканчивающаяся на „u“, есть только форма глагольного сказуемого придаточного предложения, а форма на „a“ выражает в аккадском „ventiv. Первая имеет вид ikšudu, вторая — ikšuda(m) в Praeter. первой породы от глагола kašâdu 'достигать'.

[2] Например ikšud, форма с нулевым показателем, есть форма изъявительного наклонения.

[3] А. Рифтин. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке. Советское языкознание, т. III, стр. 59 и сл.

Мы исследовали аккадскую конструкцию типа awât iqbû 'слово, которое он сказал', причем союзное слово „который“ отсутствует в аккадской фразе. Особенность этой конструкции заключается в том, что слова, определяемые придаточным предложением, стоят в форме status constructus, иначе говоря, в форме имени, управляющего родительным падежом другого имени, а глагол-сказуемое стоит в subjunctiv'e в форме на „u“, характерной для придаточного предложения. Ungnad совершенно правильно указал, что по существу перед нами именная конструкция,[1] и возражения Brockelmann'a не могли поколебать эту точку зрения.[2]

Затруднение, следовательно, заключалось в том, что имя как бы управляет другим именем, а вместо формы управляемого имени стоит глагол в форме subjunctiv'a на „u“. Мы полагаем, что это затруднение может быть удовлетворительно разрешено, если мы усмотрим в subjunctiv'e субстантивизацию глагола. Иначе говоря, показатель сказуемого придаточного предложения должен быть один из показателей при существительном. В результате работы Soden'a[3] мы теперь знаем, что в аккадском языке был падеж на „u“ со значением локатива, который застыл в целом ряде выражений наречного характера. Субстантивизация же глагольного сказуемого заставляет предположить, что до глагола в этой позиции было имя со значением действия или состояния в косвенном падеже.

Такая синтаксическая конструкция нам известна в оборотах с так называемыми отглагольными именами, передающими содержание придаточных предложений. В аккадском языке часты такие обороты с инфинитивом в родительном падеже с предлогом. Самое же интересное с нашей точки зрения заключается в том, что в аккадском языке сохранились обороты с инфинитивом с предлогом или без него, в которых инфинитив стоит в падеже на „u“.[4] В них-то мы и хотим видеть именную конструкцию, которая впоследствии была заменена вербальной. Поскольку падеж инфинитива показывал на зависимость оборота и на тип связи, то естественно, что спрягаемая форма глагола, заменив отглагольное имя, получила его показатель, т. е. номинализировалась. В итоге же получилось: 1) что оборот с отглагольным именем превратился в придаточное предложение; 2) что предлоги стали употребляться как подчинительные союзы. Впоследствии употребление подчинительных союзов привело к тому, что „u“ потерял со временем свой именной характер и положил начало особой глагольной форме — subjunctiv'y, которая употребляется только в придаточных предложениях. Итак, оказалось, что аккадский subjunctiv есть не что иное, как глагол в изъявительном наклонении, функционирующий как предикат придаточного предложения.

Перейдем теперь к рассмотрению аккадского energicus'a. Последний был предметом обстоятельного исследования Landsberger'a,[5] который доказал, что эта форма по содержанию является ventiv'ом, указывающим на направление движения к определенному пункту, тем самым выражающим предел движения. Показатель этой формы в ед. ч. „am“ совпадает с окончанием винит. пад. имени и дат. пад. местоимения первого лица при глаголе.[6] Нам кажется, что совпадение не является

[1] A. Ungnad. ZA, XVIII, p. 58. — Idem. Babylonisch-assyrische Grammatik§, 16.
[2] C. Brockelmann, Grundriss, II, Anmerk., p. 554.
[3] W. Soden. ZA NF, VII, p. 93 ff.
[4] Op. cit., p. 122, Anmerk. 1.
[5] B. Landsberger. Der „Ventiv“ des Akkadischen. ZA NF, I, 1924, p. 113 ff.
[6] Примерами являются следующие формы: 1) energicus illik-am 'он пришел сюда'; 2) вин. пад. имени в ед. ч. mât-am 'страну'; 3) дат. пад. местоимения первого лица при глаголе iddin-am 'он дал мне'.

случайным, так как эти формы указывают на направление и предел движения. Этот формант, однако, распадается при анализе на „a“ + „m“, происхождение которых пока остается еще неясным. Оставляя в стороне элемент „m“, который, повидимому, связывается с указательными местоимениями в пределах семитических языков, мы констатируем, что элемент „a“ имеет пространственное значение, именно, указывает направление и предел движения, откуда и происходит скорее всего совпадение указанных выше форм energicus'a, вин. пад. имени и дат. пад. местоимения.

Если мы теперь обратимся к наклонениям в классическом арабском языке, то, как указывалось уже выше, мы увидим совпадение форм с аккадскими, содержание же в арабском будет иное.

Начнем обзор с арабского сослагательного наклонения, которое формально совпадает с аккадским energicus'ом, так как оба имеют в качестве форманта „a“. В арабском эта форма на „a“ употребляется только с союзами подчиненного типа и прежде всего выражает целевые отношения.[1] Сопоставление с другими языками показывает, что выражение отношений цели обычно восходит к формам, обозначающим направление и предел движения.[2] Мы склонны поэтому предположить, что совпадение форм аккадского energicus'a с арабским subjunctiv'ом не случайно: арабское сослагательное наклонение представляет более высокую ступень развития и специализации, чем аккадский ventiv. Мы полагаем также, что это развитие есть результат роста сложно-подчиненного предложения, в частности предложений целевых.

Чрезвычайно любопытным представляется нам условное наклонение в арабском, которое по форме совпадает с аккадским изъявительным наклонением, так как оба имеют нулевой показатель. Если употребление сослагательного наклонения имело место в предложениях, примерно, одного и того же типа, то употребление условного наклонения в арабском языке очень разнообразно. И надо сказать, что эта форма имеет значение условного наклонения только с условными частицами, в других же случаях значение этой формы, с нашей точки зрения, не является условным.[3]

Очень соблазнительно сопоставить эти формы с соответствующими формами и значениями в аккадском: совпадение получается разительное, так как в аккадском с теми же частицами пожелания и отрицания и условия употребляется форма с нулевым показателем, т. е. аккадское изъявительное наклонение.[4] Это сопоставление наводит нас на мысль,

---

[1] H. Reckendorf. Arabische Syntax. Heidelberg, 1921, p. 454 ff.

[2] Привожу только один пример, так как такое развитие является общим для языков самых различных структур. См.: C. Meinhof. Die Sprachen der Hamiten. Hamburg, 1912, p. 42 (о языке фул): „Das Suffix -o (-o) hat deutlich lokative Funktion am Verbum ... In den meisten Fällen ist aber die lokale Vorstellung an die Finale übergegangen; z. B. Omo rāra 'er sieht'; omo yaha raroa 'er geht um zu sehen'; o rāri 'er sah'; o yehi raroi 'er ging um zu sehen'.

[3] Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. Л., 1928, стр. 105. — H. Reckendorf, op. cit., §§ 10; 24, 3; 27; 28; 258 и стр. 517 и сл.

[4] Ср. аккадские формы изъявительного наклонения:

1) likšud	'пусть он достигнет'
2) lâ takaššad	'не достигай!'
3) šumma ikšud	'если он достиг'

и арабские формы apocopatus'a с частицами:

1) 'in yaktub	'если он напишет'
2) lâ taktub	'не пиши!'
3) liyaktub	'пусть он напишет'

что так называемая усеченная форма в арабском по происхождению есть не что иное, как изъявительное наклонение, исходная форма, имевшая нулевой показатель, от которой образовались другие формы. Это предположение, как нам кажется, может объяснить все употребления этой формы. Вместе с тем оказывается, что первоначально условное наклонение, как и в аккадском, выражалось синтаксически: изъявительное наклонение получало условное словечко и вместе с ним выражало условное значение. Впоследствии эта синтаксическая форма стала морфологической. Но этот процесс был связан с образованием новой формы изъявительного наклонения, формы на „u“, совпадающей с аккадским subjunctiv'ом, особым видом сказуемого придаточного предложения. К рассмотрению этой формы в арабском мы сейчас и перейдем.

Итак, мы будем исходить из того, что форма с нулевым показателем является древнейшей формой не только для аккадского языка, но и для арабского. С такой точки зрения форма на „u“ в арабском должна быть формой производной и вторичной. Мы полагаем, что в пределах простого предложения нет условий для возникновения новой формы наклонения. Как и выше, при рассмотрении subjunctiv'a и apocopatus'a (происхождение значения которых нельзя отрывать от образования целевых и условных предложений), так и теперь нам следует обратиться к сложным предложениям.

Мы склонны думать, что пути образования сложного предложения в арабском не отличаются от аккадского, а именно, и в арабском языке, как и в других языках, сложное предложение создается либо в результате соединения двух простых предложений, либо возникает изнутри простого предложения через оборот с отглагольным именем.[1] О втором пути образования предложения мы говорили при образовании subjunctiv'a, формы на „u“ в аккадском языке. Этот же путь мы хотим видеть и в арабском. Признаки его мы находим в том, что в арабском существуют обороты с именами действия с предлогами, причем значение падежа имени действия прежде всего — локатив. Далее следует указать на то, что и в арабском спрягаемая форма глагола заменила имя действия, как это зафиксировала также и арабская филологическая терминология.[2] И, наконец, употребление предлогов в функции союзов подчиненного предложения также указывает на то, что вместо придаточного предложения раньше была конструкция с отглагольным именем с предлогом.[3] Процесс развития, как нам кажется, аналогичен был тому, который был в аккадском. Иными словами, первоначально имя действия стояло в косвенном падеже, в локативе, который когда-то оканчивался и в арабском языке на „u“.[4] Затем, спрягаемая форма глагола заменила имя действия и приняла показатель „u“ как показатель подчинительных связей и отношений. Нам надо помнить, что аффиксы в семитическом глаголе присоединялись в порядке агглютинации. Таким образом, как нам кажется, форма на „u“ появилась прежде всего в придаточном предложении в качестве изъявительного наклонения в глагольном сказуемом. Создалось, таким образом, положение, которое мы застаем в аккадском языке:

---

[1] См. стр. 128, прим. 3.

[2] H. Reckendorf, op. cit., p. 377, Anmerk. 1: 'udila 'ani l-masdari 'ilal-fi'li 'man setzt ein Verbum an die Stelle des Infinitivs'. См. также § 192. Для нас важно, что союз сложного предложения называется „harfun masdariun“ 'частица имени действия'.

[3] Brockelmann, op. cit., II, p. 588, § 348a. Точно так же обстоит дело и в других семитических языках.

[4] Op. cit., I, p. 462; см. также: H. Reckendorf, op. cit., § 123: «Die auf „u“ auslautenden Adverbien behalten in der Regel das „u“ wenn sie von einer Präposition a ängen».

изъявительное наклонение с нулевым показателем, изъявительное наклонение с показателем „u“ в роли предиката придаточного предложения, изъявительное наклонение с нулевым показателем и различными служебными словами как синтаксическое выражение условного наклонения и, наконец, форма „a“ в роли терминатива. Развитие прежде всего сложного предложения в арабском приводит к тому, что начинается специализация и уточнение отдельных типов придаточного предложения, а вместе с ними и изменение значения интересующих нас форм. Как мы говорили уже выше, развитие и выделение целевых предложений превращает форму на „a“ в subjunctiv. Обособление условных и родственных ему предложений приводит к превращению нулевой формы с служебными словами в морфологическую форму для выражения условного и близких ему смыслов.[1] Таким образом единственной формой, выражающей изъявительное наклонение, оказывается форма на „u“, которая первоначально возникла в придаточном предложении. Из придаточного предложения эта форма на „u“ переходит в главное для выражения изъявительного наклонения. Этот переход был облегчен также и тем, что развитие подчинительных союзов из предлогов, местоимений и наречий свело к нулю подчинительный характер „u“, восходящего в этой форме к локативу.

Итак, мы полагаем, что первоначально путь развития наклонений в аккадском и арабском был один и тот же. Развитие сложного предложения в арабском, обособление некоторых типов придаточных предложений, было причиной возникновения тех форм и значений, которые мы только что рассмотрели.

[1] В связи с тем, что усеченная форма закрепила за собой значение условного наклонения, как одного из нереальных наклонений, становится понятным, почему эта форма употребляется для выражения пожелания, повеления и запрещения: последнее также относится к категории нереальных значений.

Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЯЗЫКА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ АРАБОВ

(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Опубликование в томе V „Записок Коллегии востоковедов“ (Академии Наук СССР) сообщения Н. Бурыкиной и М. Измайловой об арабских наречиях Средней Азии[1] явилось событием исключительной важности для истории арабской диалектологии. Авторам сообщения удалось обнаружить в Бухарском и Кашкадарьинском округах Узбекской ССР арабов, говорящих по-арабски. О пребывании арабов в Средней Азии в литературе известно давно, но до самых последних времен специалисты не располагали материалами, свидетельствующими о сохранении живой арабской речи среди среднеазиатских арабов. Важность изучения указанных наречий ясна всякому, интересующемуся вопросами семитологии и арабской диалектологии в частности. В своем докладе на первой Сессии арабистов Я. С. Виленчик, касаясь вопросов развития арабских диалектов, указывал, что „если язык бедуинов аравийской пустыни и прилегающих к ней степей представляет собою дальнейшее развитие староарабских диалектов доисламского населения, то арабидские диалекты (если употребить термин Я. С. Виленчика), т. е. диалекты оседлого населения ʿИрāка, Сирии, Палестины, Египта и т. д. возникли как продукт смешения староарабских говоров исламских завоевателей и языков туземного населения завоеванных ими стран и развивались в направлении, сходном с аравийскими говорами“.[2] Но при этом не следует забывать, что с развитием социально-культурных отношений в странах арабского Востока растут значение и роль литературного арабского языка. Растет влияние классического языка на диалекты. Это влияние сильнее чувствуется в странах с более высокой образованностью, именно — в Египте и Сирии. Этим и объясняется, что египетское и сирийское наречия, в основе которых лежит иноязычный субстрат, в некотором отношении значительно ближе стоят к литературному арабскому языку, чем более изолированно развивающиеся аравийские диалекты центральноаравийской пустыни. Наконец, не следует упускать из виду того обстоятельства, что в Египте и Сирии вырабатывается *κοινὴ διάλεκτος*, влияние которого простирается далеко за пределы этих стран. В силу сказанного, понятен интерес к языку оторванных от арабского мира безграмотных среднеазиатских арабов. Влияние классического языка, так же как и диалектов арабских, в данном случае сводится к минимуму. С другой стороны, развивающиеся самостоятельно в продолжение веков диалекты не могли не подвергнуться влиянию

---

[1] Н. Бурыкина и М. Измайлова. Некоторые данные по языку арабов кишлака Джугары Бухарского округа и кишлака Джейнау Кашкадарьинского округа Узбекской ССР. Зап. Колл. востоковед., V, стр. 527—549.

[2] J. S. Vilenčik. Zur Genesis der arabischen Zweisprachigkeit. OLZ, 1935, p. 721 ff.

окружающих языков — таджикского и узбекского, отчасти также афганского и туркменского. Поэтому естественно ожидать сохранения старейших форм, с одной стороны, и тенденции к развитию новых явлений, — с другой, именно в среднеазиатском арабском, который, в силу особых условий своего развития, занимает совершенно обособленное место среди остальных диалектов арабского языка.

После опубликования указанной статьи Н. Бурыкиной и М. Измайловой прошло около 7 лет, но, к сожалению, новых сведений о среднеазиатском арабском в литературе еще не появлялось, хотя материалы уже накопились в достаточном количестве как в Ленинграде, так и в Тбилиси. За последнее время нам пришлось специально заниматься среднеазиатским арабским, и в настоящем докладе мы предполагаем вкратце коснуться некоторых особенностей этого языка, не ставя себе задачи дать здесь подробную характеристику изучаемого диалекта, а считая возможным ограничиться выводами общего характера, к которым мы пришли в результате работы над указанным вопросом.

1. ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Прежде всего следует отметить, что в настоящее время нам известны только некоторые районы с арабским населением, говорящим по-арабски. Но, несомненно, при дальнейших изысканиях удастся обнаружить еще новые центры распространения арабской речи, ибо, как выясняется, не только территория Узбекской ССР, но и территории Таджикистана и Туркменистана были населены арабами в огромном количестве. Во многих кишлаках Средней Азии местные жители до сих пор помнят свои арабские племенные названия и все еще считают себя арабами. Так же называет их окружающее население. Впоследствии арабы Средней Азии ассимилировались с местным населением и совершенно утратили свой язык. Процесс ассимиляции продолжается и сейчас. Во многих местностях Вабкендского, Гидждуванского, Бешкендского и других районов указывают на кишлаки, где еще несколько десятков лет тому назад говорили на арабском языке, от которого теперь сохранились только следы. В настоящее время известны только следующие места с арабоязычным населением: в Гидждуванском районе — кишлаки Ğāgarí, Črdaŕa (или Čaġdarí) и Šahan-Bag; в районе Вабкенда — кишлак ʿArab-hāne (или ʿArabín), иногда называемый местным населением по ошибке Mir-Sulei-mān-om или Rosbadaní. Второй центр арабоязычного населения находится несколько южнее, к северо-западу от г. Қарши Қашқадарьинской области, в Бешкендском районе, именно — кишлаки Қamaší и Ğeináu.

Кроме перечисленных кишлаков, местное население указывает на целый ряд селений,[1] где будто бы еще говорят по-арабски. Но, к сожалению, пока эти сведения не проверены.

Кроме того, арабы из кишлака Джейнау указывают, что в Афганском Туркестане, в сторону Маймоне, поблизости Ахчи и Шубургана, живут арабы в большом количестве и что сами они являются переселенцами из этих местностей. Переселение из Афганистана продолжалось до самых последних времен, и старики еще помнят отдельные случаи таких переселений. Так, напр., они указывают, что прадед одного колхозника Hōğa Murâd'a ʿAšír Barfáķ только в начале XIX ст. переселился из Афганистана. В связи с этим, характерно отметить, что влияние афганского сказывается на среднеазиатском арабском в большей степени, чем на окружающих его языках — узбекском и таджикском.

[1] Некоторые из них перечислены в работе Н. Бурыкиной и М. Измайловой (стр. 532—533).

Арабы Бухарской и Қашқадарьинской областей до последнего времени жили оторванно друг от друга. Они вели замкнутый образ жизни и были также оторваны от местного населения. В жены брали арабок. Только в последнее время стали они устанавливать родственные отношения с таджиками и узбеками.

Арабы Бухарской области, так же как и Қашқадарьинского округа, относят себя к разным племенам (ʿurūķ), вроде saʿnâní, šeibâní, šaʿbâní, ḥašimí, ķuraiší и т. д. Эти племена со своей стороны подразделяются на колена. Так, напр., арабы кишлака Джейнау насчитывают шесть колен: Baụ̊ara, ʿAụ̊ana, Ḥarrūķ, Andhói, Čukurķūl, Қattapói. Из них первые три колена говорят по-арабски, остальные — уже совершенно утратили свой язык.

Наша работа протекала, главным образом, в кишлаках Čardarí и Ğāgarí Гидждуванского района и в кишлаке ʿArab-hāne Вабкендского района. Кроме того, мы записали некоторое количество текстов в кишлаках Қamaší и Ğeináu Бешкендского района Қашқадарьинского округа.

2. МЕСТО СРЕДНЕАЗИАТСКОГО АРАБСКОГО СРЕДИ ДИАЛЕКТОВ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

В результате этой работы для нас стало ясно, что среднеазиатский арабский является самостоятельным диалектом, отличающимся от известных до сих пор арабских диалектов целым рядом явлений как в области фонетики, так и морфологии, лексики и главным образом синтаксиса.

С другой стороны, внутри самого среднеазиатского необходимо отметить наличие, по крайней мере, двух самостоятельных наречий: а) одного, распространенного среди арабов, обитающих в Бухарской области, и называемого нами бухарским наречием среднеазиатского диалекта арабского языка, и б) другого, свойственного арабам, живущим в Қашқадарьинском округе, к северо-западу от г. Қарши, называемого нами қашқадарьинским наречием того же диалекта. Указанные два наречия со своей стороны распадаются на отдельные говоры, отличающиеся друг от друга подчас в значительной степени как в области лексики, так и морфологии и фонетики. Разница чувствуется даже в разных maḥálla (кварталах) одного и того же кишлака (напр., в Джейнау арабы из колена ʿAụ̊ana сами указывают на некоторые расхождения их речи с языком Baụ̊ara).

3. ЗВУКИ

Согласные. В настоящее время в среднеазиатском арабском сохранилось большинство исконных арабских звуков. На ряду с утратой некоторых звуков прибавлено два чуждых арабскому языку звука: ρ и č.[1] При этом они не являются исключительно иноязычным вкладом, а возникли на почве развития соответствующих арабских звуков, быть может, не без влияния окружающих языков. Эти звуки появляются не только в словах таджикского или узбекского происхождения, но и в таких исконно арабских словах, как harap < هرب ʿубежал'; uču وجهه ʿего лицо';

[1] Н. В. Юшманов. Арабское наречие Советского Востока. Культура и письменность Востока, кн. X, М., 1931, стр. 77.

nïʿāč < نعاج ‘овцы’; čūriia (тадж. čōriia, класс. араб. جارية) ‘прислуга’; ḥač < حجّ (хаджж) ‘паломничество’ и т. д. Таким образом в обследованном диалекте č не является результатом палатализации задненебного k, как это имеем, напр., в месопотамском, а следствием оглушения соответствующего согласного. Точно так же первичный b часто дает глухой придыхательный p. Наряду с этим, встречается и промежуточный звук, глухой media b̥. Из глухих mediae, кроме b̥, следует также отметить d и g.

С другой стороны, в изучаемом диалекте констатированы утрата некоторых исконных согласных (ث, ذ, отчасти ع) и ослабление артикуляции отдельных типичных для семитических языков звуков.

Из лабиальных следует отметить сильное ослабление артикуляции лабио-дентального глухого f, что иногда приводит к его исчезновению (напр. ḫilā < ḫilāf). Констатировано также некоторое изменение артикуляции билабиального u̯, который приближается к лабио-дентальному v, особенно перед гласными *e* и *i*.

Междузубные щелинные ث и ذ в Ǧrī̯ дают s[1] и d — весьма любопытный случай отражения согласных одного и того же характера (щелинных), звонкого ذ и глухого ث по-разному: в одном случае зазубным смычным, а в другом — сибилянтом. В Ǧeī̯náu эти звуки переданы более последовательно: s и z, хотя и там встречаются такие случаи, как matal < مثل; hāda < هذا, и т. д. Эмфатический шумно-латеральный ض, который в бедуинском и феллāхском совпадает с ẓ,[2] в нашем диалекте произносится как ẓ, с сильной тенденцией к ослаблению артикуляции.

Из веляризованных переднеязычных сохранились, кроме того, смычный ṭ и щелинный ṣ.

Палатализованный латеральный l в Ǧrī̯ произносится значительно мягче, чем обычное арабское l, и приближается к i̯. Этим и объясняется его утрата в одних случаях (в конце слова, перед последующим согласным) или замена им щелинного палатального i̯ (liḫla < liḫia ‘борода’ в данном случае, очевидно, не без влияния первого коренного l).

Язычковый смычный ق в қашқадарьинском почти всегда произносится звонко, подобно месопотамскому g. В бухарском наречии этот звук обычно заменяется глухим k̬, но и здесь встречаются единичные случаи его звонкого произношения (giddämu < قدامه). Фарингальные ʿ ع и ḥ ح полностью сохранили старую артикуляцию, но при этом в конце слова (а в Ǧeī̯náu и в других случаях) и в соседстве с глухими гласными наблюдается изменение ʿ ع в ḥ ح в результате утраты им звонкости. Это явление, распространенное и в других арабских диалектах (хотя, может быть, не в такой степени, как в среднеазиатском арабском), естественно, если вспомнить, что ع не что иное как звонкий коррелятив глухого ح и что при утрате звонкости ʿайном слышится ḥ (Gairdner, Mattsson).

Из глоттальных согласных в обследованном диалекте сохранился только h. Хамза или бесследно теряется, или заменяется ʿайном (miʿa < مائة; ǧaʿ [-Ǧeī̯náu-] < جاء; қurʿān < قرآن, и т. д.), иногда палатальным i̯ (ср. аналогичные явления, напр., в иракском).[3] Она встречается только в некоторых междометиях и отрицательной частице laʾ (в паузе).

[1] Наряду с этим нередко встречаются случаи t < ث.
[2] Н. В. Юшманов, ibid., стр. 77.
[3] B. Meissner. Neuarabische Gedichten aus dem Iraq. Beitr. z. Assyriol. u. semit. Sprachwiss., Bd. V, hrsg. von Friedrich Delitzsch und Paul Haupt. Leipzig, 1906, pp. VII—VIII.

Гласные. Среди гласных в обследованном диалекте констатировано наличие пяти основных фонем, меняющих окраску в условиях палатализации, лабиализации, веляризации и т. д. На окраску гласного может влиять любой согласный. Долгота гласных уже не играет прежней роли, и заметно стремление к сокращению долгих гласных (особенно в конце слова, а отчасти в замкнутом слоге и в середине), хотя они все еще встречаются. Первичное долгое „a“ обычно произносится как å: ḳål ‘сказал’; ṭaʿåm ‘пища’; påšå ‘паша’;[1] måt ‘умер’; dumåg ‘настроение’;[2] и т. д. Кроме того, встречаются случаи сохранения старой артикуляции: šāfu ‘[-он-] видел [-его-]’; šālu ‘[-он-] поднял [-его-]’, и т. д. Очень часто å, вследствие дальнейшего затемнения, произносится как o. С другой стороны зафиксировано произношение первичного долгого ā как æ (kǣi̯n, kǣi̯ina и т. д.). В слове رأس ‘голова’, вместо ожидаемого rās (что и имеем в қашқадарьинском), в бухарском наречии встречаем форму ras с ‘чистым’ кратким гласным „a“. Кроме того, наблюдается затемнение и краткого „a“, особенно в соседстве с губными: åbi̯az ‘белый’; årbaʿ || årbaḥ ‘четыре’ и т. д. Ударяемое первичное долгое „u“ в конце слова, подобно бедуинскому, стягивается в ū: abūˈhˀ ‘его отец’; šalūˈhˀ ‘[они] подняли [его]’; šāfūˈhˀ ‘[они] увидели [его]’; dāsūˈhˀ ‘они сжали [то]’ и т. д.

4. УДАРЕНИЕ

В настоящее время трудно указать с точностью правила применения ударения в обследованном диалекте. Оно часто меняется в зависимости от различных условий и нередко в одних и тех же словах появляется в разных местах. Впечатления, получаемые нами в результате работы над языком среднеазиатских арабов, позволяют нам сделать в настоящее время по этому вопросу следующие предварительные замечания.

В области применения ударения, как и в других случаях, среднеазиатский арабский обнаруживает сходство с месопотамским и аравийскими бедуинскими диалектами. Обычно ударение предпочитается на первом слоге с конца, если этот слог долгий: ṣabí ‘юноша’; ḥüsainí (сорт винограда); mibīḥ ‘продавец’; muқakkilín ‘уполномоченные’. Нередко ставится ударение и на просто замкнутом слоге с кратким гласным, занимающим первое место с конца: ḥaṭáp ‘дрова’; ḳamár ‘луна’; ḥamál ‘овен’ (знак зодиака); или даже на вторичных гласных: baʿáz < بعض; šaʿár < شعر ‘волосы’; izín ‘ухо’, и т. д. Кроме того, часто встречается ударение и на нунации ǧildín ‘шкура’; ḥadīsín ‘рассказ, слово’. Глагольные окончания множ. ч. жен. р. обычно носят на себе ударение: ẓarabtín — 2-е л. жен. р. множ. ч. от ضرب; ẓarabín — 3-е л. жен. р. множ. ч. от того же глагола. Наряду с этим есть случаи появления ударения в двухсложных словах с краткими гласными на втором слоге с конца: u̯álad || u̯álat < ولد; ʿásad || ásat أسد (знак зодиака); bíket < بكت и т. д. В двухсложных словах со вторичным кратким гласным часто предпочитается ударение на втором слоге с конца ẓåfir < ظفر; ẓåhir < ظهر; báṭən < بطن; láḥəm < لحم и т. д.

Если второй слог с конца долгий, при условии, что первый слог краткий, то ударение падает на второй слог: ḥàtəm ‘перстень’; ḥámid (n. pr. мужа); giddāmu < قدامه; ḥāi̯it (sic) < حائط, и т. д.

[1] Употребляется не в обычном смысле, а в значении ‘эмира’.
[2] Класс. араб. دماغ, ‘мозг’, ‘череп’.

В трехсложных словах с краткими гласными ударение часто падает на третий слог с конца: ḳátalu < قتله; kátabu < كتبه; tíktibu < تكتبه, и т. д., но заметно стремление к передвижению ударения на второй слог, как это имеет место в месопотамском и аравийском: katábet; ẓarábet; i"ᵃ́bər; i"ᵃ́ḥáfər и т. д. В VII и VIII породах глаголов, подобно месопотамскому, в нашем диалекте также встречается ударение на втором слоге: inázam || inházam < انهزم; ingálab < انقلب. Дальнейшие изыскания в этом направлении, надеемся, позволят нам более уточнить правила применения ударения в отдельных говорах изучаемого диалекта.

5. ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

По части изменения звуков следует отметить, что редко где из известных нам арабских диалектов распространены явления ассимиляции, перестановки, падения согласных, замены и т. д. в такой степени, как в обследованном диалекте. Так, напр., t ассимилируется с любым последующим звонким согласным: midrīd < mitrīd < mi-tu-rīdu 'хочешь'; idgūm < tgūm < tagūm < taḳūmu 'встаешь'; raššēdni < raššeiṭni 'ты бросил меня' и т. д. Иногда ассимиляция происходит полная, вследствие чего согласный элемент глагольного преформатива настоящего времени, по утрате гласного, совершенно сливается с последующим глагольным основанием и теряется бесследно. В связи с этим, формы лица в глаголе можно отличить только благодаря наличию предшествующего глаголу местоимения. Таким образом в целом ряде случаев имеем такие формы: isəu̯u̯i 'он делает' (< isəu̯u̯i < يسوى) 'и она делает' или 'ты делаешь' (isəu̯u̯i < issəu̯u̯i < itsəu̯u̯i < tsau̯u̯i < (تسوى); misu (Ǧ̊agarí̯) 'он делает' и 'она делает' или 'ты делаешь'; išila (Ǧeiṇáu) 'он поднимает' (от يشيله) и 'она поднимает' или 'ты поднимаешь' (išila < iššīla < itšīla < tšīla < (تشيلها). То же самое происходит с конечным согласным элементом слова fäd || fat < فرد. В зависимости от того, какой мы имеем звук в начале следующего за этой частицей слова, встречаются формы: fad, faḏ, fat, fas, faṣ (faṣ-ṣabí), faz, faẓ и т. д.

Я думаю, не будет преувеличением сказать, что таким же явлением ассимиляции подвержено большинство согласных среднеазиатского арабского. Перечислить в этом предварительном сообщении все случаи таких ассимиляций вряд ли представляется возможность. Необходимо лишь отметить, что такая тенденция к уподоблению привела в среднеазиатском арабском, быть может, не только под влиянием узбекского и туркменского, к гармонии гласных, которая в ḳашḳадарьинском наречии (т. е. наречии, находящемся под сильным влиянием узбекского и отчасти туркменского) сказывается в большей степени, чем в бухарском. В результате этого мы имеем в глаголах совершенного вида полное однообразие гласных. При этом в языке ʿArab-ḥ̊ane и отчасти Ǧ̊agarí̯ преобладающее значение имеет гласная второго коренного, которой и уподобляются остальные гласные, а в ḳашḳадарьинском все глаголы, независимо от того, какую гласную имели они при второй коренной, представлены в виде faʿal. Таким образом, с одной стороны, имеем формы zaḥak 'смеяться', ḥalak 'гибнуть, погибнуть', labas 'одеваться', а с другой — ẓiḥik, hilik, libis и т. д., точно так же, как и в некоторых бедуинских наречиях.

Гласный элемент глагольного префикса несовершенного вида нередко меняется в зависимости от характера гласного второго коренного согласного.[1] Так, в силу той же гармонии гласных, в ḳашḳадарьинском имеем,

[1] Н. В. Юшманов, ibid., стр. 78.

с одной стороны, i"ᵘḳtul, tuḳtul, tuḳtulín, с другой — i"ᵃ́au̯ən, t"ᵃ́au̯ən (|| itʿā́u̯ən (Ǧeiṇáu); или же *müzrubu*, но *mišílu* (Ǧ̊agarí̯).

В обследованном диалекте сильно развита замена согласных. Однородные согласные часто заменяют друг друга; так, напр., часто меняются: r || l — agal < перс.-тадж. agar 'если'; iǧil < iǧir 'нога'; tulid < turid 'рождать' (3-е л. жен. р. ед. ч.). У нас записана такая фраза: Amīr kā̊l-ki máratak bint túrid [< tulid —] agár, i u̯áladi mā̊ḥeda, iláị marati bint túrid agar, i u̯áladak mántiáh, т. е.: 'Амир сказал [-,что-] „если жена твоя родит дочь, сыну своему возьму ее (в качестве жены), если жена моя родит дочь, сыну твоему отдам ее'. Таким же образом чередуются и другие плавные согласные.

Сильно развито падение согласных, часто теряется t в конце слова: ašrafiiā < ašrafiiāt; naḥnā < naḥnāt (в противоположность náḥna, которое употребляется в ḳашḳадарьинском в значении pl. maiestatis); kun < kunt; так же теряется r (ḥaị < ḥaịr 'хорошо'; fad < fard [форма, употребляемая и в месопотамском диалекте]) и n (akun, перс.-тадж. aknun 'теперь'; kǣị || kǣii < kə̄ē̯in كائن и т. д.).

Утрата гласного в начале слова в Ǧeiṇau и ʿArab-ḥ̊ane, редко в Ǧ̊agarí̯, возмещается простетическим гласным, появляющимся для устранения двухсогласного начала. Таким образом имеем: əbrū̆ḥu < be-rūḥ-hu < بروحه 'он сам'; itʿārakín < taʿārak-na (3-е л. жен. р. множ. ч. от تعارك 'ссориться'); itʿā́u̯ən تعاون ... 'ты помогаешь', и т. д.

В ḳашḳадарьинском наблюдаются случаи слияния конечного гласного с начальным гласным последующего слова: idrūn < iadrūn (adrūn < перс.-тадж. اندرون 'в', 'внутри'; mā̊ḥesa < ma ā̊ḥesa 'не возьму'; madrí < ma adri 'не знаю'; mangalib < ma 'angalib 'не вернусь'; maǧi < ma aǧi 'не приду' (ср. ирак. maḳdur < ma'aḳdir [1]); tálbisa 'одену' < ta-álbisa < تألبسه и т. д.

Односложные слова в обследованном диалекте, так же как и в некоторых других диалектах, становятся двухсложными. Гармония гласных сказывается и здесь; ša'ar < ša'r 'волосы'; izin < 'uzn 'ухо'; ʿi̯dil 'мешок'; baṭən < baṭn 'живот'; tibin < tibn 'солома'; ẓå̊hir < ẓahr 'спина'; sabiḥ < sab' 'семь' tisiḥ < tisʿ 'девять' и т. д. С другой стороны, двухсложные слова в status constructus стягиваются в один слог: u̯alt mibīḥ; u̯alt i̯oldáš и т. д.

Несмотря на все эти изменения, язык среднеазиатских арабов с чисто внешней стороны, в смысле артикуляционной базы, интонации, акцентуации, манеры изменения голоса в вопросительных, так же как и в положительных предложениях, является типичной арабской речью. В этом сразу может убедиться всякий, имеющий возможность слышать эту речь непосредственно.

6. МЕСТОИМЕНИЕ

Значительный интерес представляет собой местоимение. Из личных местоимений следует отметить местоимение 1-го лица ana (ед. ч.) náḥna (множ. ч.) для обоих наречий. Форма, известная нам и по другим диалектам. Во 2-м лице имеем hint (муж. р.), hinti (жен. р.) в бухарском наречии и inta (муж. р.), inti (жен. р.) в ḳашḳадарьинском. Во множественном числе, подобно месопотамскому, имеем hintu, hintin в бухарском и intu, intinna в ḳашḳадарьинском. Формы naḥna и intu в ḳашḳадарьинском имеют значение pl. maiestatis; для образования обычного же

[1] B. Meissner, ibid., p. VII.

множественного числа здесь использовано именное окончание множественного числа женского рода āt: naḥnā́t, intuṷā́t (во 2-м лице, во избежание зияния между конечным *u* слова intu и начальным гласным элементом суффикса -āt, часто появляется antihiatus в виде ṷ: intu-ṷ-āt). Личное местоимение 3-го лица в нашем наречии самостоятельно не употребляется. Оно сохранилось лишь при отрицательной частице mā, в виде mā̊-hu (муж. р.), mā̊-hi (жен. р.) (в бух.) и ma-haṷ mā-haị (қ.-дар.). Из этих форм первые (mā̊-hu, mā̊-hi) идентичны с соответствующими формами бедуинской речи Петры,[1] а вторые напоминают арамейские формы местоимения. Для 3-го лица использовано демонстративное местоимение dük, düki (в 'Arab-ḫā̊ne: dəki) в бухарском и zā̊k, zika в қашқадарьинском. Обе эти формы, повидимому, находятся в связи с класс. араб. ذاك, но при различных тенденциях к изменению в разных диалектах они приняли разный вид.

Во множественном числе, соответственно, имеем dukōlá (в 'Arab-ḫā̊ne dəkālāṷ), dukālān, с одной стороны, и ziklōnāt, ziklánna, с другой, — формы, привлечение которых, при сравнительном обзоре семитических местоимений, принесло бы немалую пользу.

Указательное местоимение 1-го лица, которое в сирийском звучит hada, hadi, hal (со значением детерминатива), в нашем диалекте тоже имеет форму had, hadi, hat, hal (бух.) или hāza, hāzi (в қ.-дар.). Любопытна форма множественного числа hālān, почти идентичная с арам. hālēn.

Относительное местоимение в среднеазиатском арабском исчезло. Вместо этого прибегают к описательному способу с помощью иранской частицы ki 'что'.

Вопросительное местоимение mæn 'кто' сохранилось старое. Для выражения понятия 'что' употребляется обычная для большинства арабских диалектов форма eš ‖ ẹš < أي شيء.

В местоименных суффиксах больших отклонений не наблюдается. В 3-м л. ед. ч. в бухарском имеем u (после согласных) и h (после гласных), в қашқадарьинском — типичное для месопотамского диалекта *a*. Это явление мы считаем одним из основных признаков отличия между бухарским и қашқадарьинским наречиями. Во 2-м л. муж. р. в обоих диалектах имеем *k* после гласных и *ak* после согласных, как, вообще, принято в арабских диалектах. Только в форме женского рода появляется своеобразие. В бухарском наречии местоименный суффикс 2-го л. жен. р. ед. ч. представлен в виде *ki* даже в тех случаях, когда предшествующее этой частице слово оканчивается на согласный: ḳataltki 'я убил тебя'; ana maḳtilki 'я тебя убиваю' и т. д., т. е. совершенно так же, как и в литературном языке. Қашқадарьинский в данном случае придерживается общей схемы.

Местоименный суффикс 1-го лица -i (в имени) и ni (в глаголе) обычен для всех арабских диалектов.

Во множественном числе следует отметить hum ‖ um для мужского рода и hin ‖ in для женского. Во 2-м лице, соответственно, имеем kum, kin в бухарском и kum, kinna в қашқадарьинском. В 1-м лице — везде na. Таким образом, в отношении местоимений, среднеазиатский арабский обнаруживает достаточную консервативность.

В качестве возвратного местоимения использовано слово rūḥ روح с частицей [bi > b >] əb в начале и с местоименным суффиксом в конце: əbrūḥu 'он сам'; əbrūḥna 'мы сами'. В Ǧeị́náu, кроме того, между

[1] Ср. Musil. Arabia Petrea, III, p. 350.

частицей bu [bi] и словом rāḥa [< rūḥa روحه] появляется (повидимому, на фонетической почве) согласный d: budrāḥa 'он сам'. В обоих наречиях часто употребляется также в качестве возвратного местоимения слово rūḥ без предшествующей частицы; rūḥna, rūḥkum и т. д.

7. ГЛАГОЛ

Глагол обнаруживает ряд форм и явлений, свидетельствующих о сравнительно древней стадии развития изучаемого диалекта. С другой стороны, констатировано развитие новообразований, чрезвычайно интересных с точки зрения общего языкознания. Кроме того, надо отметить, что глаголу обследованных диалектов свойственны некоторые черты, характерные для речи бедуинов.

Прежде всего обращают на себя внимание глагольные окончания. В совершенном виде сохранились формы женского рода, оканчивающиеся в классическом языке на na, известные нам только в речи бедуинов и совершенно утраченные в других диалектах. Эти окончания, представленные в виде in, полностью совпадают с аналогичными формами бедуинских диалектов: ẓaḥakín (3-е л.), zahaktín (2-е л.), (Ǧā̊gari̯) или ẓiḥkín, ẓiḥiktín ('Arab-ḫā̊ne).

В қашқадарьинском наречии формы женского рода множественного числа представлены несколько иначе. Здесь, вместо бухарского in, имеем окончание ánna (в 3-м л.) и ínna (во 2-м л.): ẓaḥakánna, zaḥaktínna. Несколько отличается также окончание 3-го л. множ. ч. муж. р., которое в қашқадарьинском совершенно так же, как и в бедуинском, звучит au: zaḥaḳau (в Ǧā̊gari̯ и 'Arab-ḫā̊ne эта же форма представлена в виде ẓaḥaku и ẓiḥku). Форма 3-го и 2-го л. муж. р. множ. ч. ẓaḥakau, ẓaḥaktu в қашқадарьинском большей частью употребляются в значении pl. maiestatis; для обычного же множественного числа там образована новая форма с помощью окончания āt, заимствованного и здесь, как в местоимениях, от имен. Во избежание зияния, во 2-м лице, между глагольным окончанием и частицей āt, появляется ṷ. Таким образом указанные формы в қашқадарьинском звучат: zaḥakaṷā́t 'они смеялись'; ẓaḥaktuṷā́t 'вы смеялись'.

Не менее интересны формы несовершенного вида. Прежде всего следует отметить наличие тех же самых окончаний женского рода in в бухарском и inna в қашқадарьинском (на этот раз уже одинаково для обоих лиц жен. р. множ. ч.). Кроме того, сохранились окончания īn (2-го л. жен. р. ед. ч.) и ūn (2-го и 3-го лиц муж. р. множ. ч.), свидетельствующие также о некотором сходстве нашего языка с бедуинским.

В связи с этим следует отметить, что среднеазиатский арабский до сих пор сохранил отличия наклонений, хотя формы изъявительного наклонения, с характерными для него окончаниями in (2-го л. жен. р. ед. ч.) и ūn (3-го и 2-го лиц муж. р. множ. ч.), вследствие утраты понимания их первоначального значения, нередко употребляются для обозначения сослагательного или условного наклонений.

Для бухарского наречия характерно также одно явление, которое отдаляет его не только от других арабских диалектов, но и от речи Ǧeị́náu. В форме несовершенного вида всех трех лиц появляется частица[1] m ‖ mi, значение которой не ясно: miẓḥak 'смеется'; maẓḥak

[1] Во 2-м лице трехбуквенных глаголов она исчезает, в силу, повидимому, стремления к сохранению количества слогов в глагольной форме. Поэтому, наряду с mi-drīd, имеем tiẓḥak.

'смеюсь'; mi-trīd ‖ mi-drīd 'хочешь', 'хочет' (3-е л. жен. р.); mitridīn ‖ mi-dridīn 'хочешь' (2-е л. жен. р.) и т. д. Вопрос о том, является ли эта частица заимствованием из иран. می, придающего глаголу значение длительности действия, или это обычный префикс несовершенного вида сирийского и египетского, — пока остается открытым. Не исключена возможность, что она образована по аналогии с причастием. Во всяком случае, эта частица не является средством противозияния в форме „я" несовершенного вида, так как она появляется не только в 1-м лице, местоимение которого звучит ana, но и в 3-м лице, где местоимением служит dūk и где, следовательно, надобности в antihiatus'е нет.

В қашқадарьинском указанная частица совершенно отсутствует, что также является одной из характерных отличительных черт для этого наречия, сравнительно с бухарским. В связи с этим следует указать на один любопытный случай. Мы уже отметили, что в қашқадарьинском гласный элемент отрицательной частицы mā при его употреблении с 1-м лицом несовершенного вида глагола сливается с глагольным преформативом, в результате чего, вместо формы mā aṣḥak 'не смеюсь', появляется форма maṣḥak (с кратким „a"), которая внешне идентична с положительной формой бухарского глагола. Таким образом, по случайному совпадению, внешне одна и та же самая форма maṣḥak в бухарском означает 'я смеюсь', а в қашқадарьинском — 'я не смеюсь', maḳdir 'я могу' (бух.) и 'я не могу' (қ.-дар.), marīd 'я хочу' (бух.) и 'я не хочу' (қ.-дар.) и т. д. Неудивительно поэтому, что бухарские и қашқадарьинские арабы друг друга понимают с большим трудом или вовсе не понимают и предпочитают говорить между собой по-узбекски.

В глаголе необходимо также отметить образование, с помощью причастия действительного залога и местоименных суффиксов, форм со значением прошедшего неопределенного турецкого или turmeobiti (თურმეობითი) картвельских языков: šāi̯ifinni 'я видел'; ma sam'i̯nni 'я не слышал', и т. д. Здесь причастие действительного залога с утратой у трехбуквенных глаголов гласного второй коренной, с прибавлением неопределенной частицы in и притяжательных местоименных суффиксов, образует формы, аналогичные с прошедшим неопределенным тюркских языков, под влиянием которых возможно они и возникли.[1]

Благодаря влиянию тюркских языков в среднеазиатском арабском глаголе возникли формы настоящего определенного (настоящее данного момента), неизвестного в семитических языках. Для этого к глагольной форме прибавляется причастие от вспомогательного глагола nām 'спать, лежать' (соответствует узб. jatmaq): nā̆i̯im; i'ğ̆i nā̆i̯im 'он идет'; tiğ̆i nā̆i̯im 'ты идешь' и т. д. При переходных глаголах, в зависимости от изменения лиц основного глагола, меняются и лица причастной формы вспомогательного глагола с помощью местоименных суффиксов: təḳtulu nā̆i̯iminnak 'ты убиваешь', iktibu nā̆i̯iminnu 'он пишет', напр., il min tiktibu nā̆i̯iminnaḳ 'кому пишешь'?; il fad adami aktibu nā̆i̯imánni[2] (sic!) 'одному человеку пишу' и т. д.

[1] Глагольные формы, образованные с помощью причастия и притяжательных местоимений, как известно, характерны также для арамейского языка (где, между прочим, это явление рассматривается крупнейшими современными исследователями как результат влияния переднеазиатского субстрата), и не исключена возможность, что указанное явление среднеазиатского арабского глагола находится в какой-либо связи с этими арамейскими формами. Но идентичность этих форм, по содержанию, с турецким неопределенным и наличие в обследованном диалекте, наряду с этим, форм настоящего определенного (ср. ниже), образованных под несомненным влиянием тюркских языков, дает нам основание предполагать, что и указанные формы возникли в результате турецкого влияния.

[2] Следовало бы ожидать nā̆i̯imínni.

Глаголу свойственна еще одна черта. Переходный глагол (особенно в говоре Ğ̊agarī̊) почти всегда снабжен местоименным суффиксом при наличии реального дополнения в предложении так же, как и в тех случаях, когда дополнение существует лишь потенционально. Таким образом местоименные окончания глагола являются в то же самое время объективными суффиксами, а сам глагол как бы приобретает характер объективного строя, знакомаго нам по кавказским языкам. iḥmā̊r ḫadáh 'осла взял его'; ḫēt ḫadáh 'веревку взял'; illai ḫallāṣni 'он меня спас [меня]'; hint ilai̯ handūk güliḳoḳó íntu 'ты мне эту розу дай [ее]'; Nāsu ba'asum 'людей послал [их]' и т. д. Явление это не выдержано со строгой последовательностью, но встречается так часто, что некоторые формы переходных глаголов без местоименного суффикса, можно сказать, не употребляются. Отсюда один шаг к тому, чтобы переходные глаголы стали двуличными подобно глаголам кавказских языков. Явление чрезвычайно интересное с точки зрения общего языкознания.

Повелительное наклонение недостаточных глаголов образуется по бедуинскому образцу с утратой конечной гласной: imš, ibk и т. д., вместо imšī, ibkī других диалектов и اِمْشِ, اِبْكِ классического языка.

В удвоенных глаголах в нашем диалекте также появляется разделительная гласная, обычная и для других диалектов.

Хамзовые глаголы ḫadá < اخذ 'брать' и kalá < أكل 'есть, кушать' в повелительном наклонении, вместо обычного ḫuz, kul, образуют по аналогии формы: uḫud, ukul (Ğ̊rī̊) или uḫda, ukla (Ğ̊eī̊náu).

Породы сохранились почти полностью. Только IV порода вытеснена интенсивом, хотя и она встречается: anta ‖ anṭa (ср.: 'irāḳ. anta, палест. anṭa).

Подобно сиро-палестинскому и месопотамскому, в обследованном диалекте возникли формы будущего времени, образованные с помощью частицы ta < منى: ta - tiḳtila 'убьет ее'; ta-noğ̆di 'пойдем'; taiəkūn 'будет' и т. д.

Глаголы جاء 'приходить' и غدا (лит. 'отправиться рано утром', ср.-аз. араб. 'уходить; отправиться') в 3-м л. муж. р. ед. ч. имеют суффикс -*k*: ğ̆ak, ğadák (с краткими гласными). Происхождение этой частицы очень долго оставалось для нас непонятным. Теперь, благодаря наличию параллельных форм в қашқадарьинском, можно высказать некоторые предположения. В среднеазиатском арабском очень часто встречается причастная форма глагола كان: kōi̯in, kēi̯in, kēn, kīn, kin, выполняющая функции вспомогательного глагола. Так, напр., в Ğ̊eī̊náu, для образования как бы plusquamperfect'а от глагола جاء, к глагольной теме ğa' (جاء) присоединяется причастие kēi̯ín : ğa'kēi̯in '[—оказывается—] он пришел'. В Ğ̊āgarī̊ и Arab-ḫ̊āne встречаются также формы ğakkīn (от جاء и كان), ğakīn и ġadakīn ġadakkīn[1] (от غدا и كان). В результате утраты конечного n (ср. выше, стр. 139) и дальнейшего исчезновения гласного ī[2] могли возникнуть формы бухарских арабских глаголов ğ̆ak, ġadák, отсутствующие, между прочим, в қашқадарьинском. Н. В. Юшманов указал нам по поводу ğ̆ak, что этому глаголу вообще везет в диалектах на наращения: أجا без изменения значения, جاب (из جاء بـ) с каузативным значением 'приносить' (употребляется и в нашем наречии) и, наконец, бух. ğ̆ak. Но

[1] С удвоением *k* между двумя гласными.

[2] Ср. выше аналогичный случай в повелительном наклонении недостаточных глаголов.

если глаголу ğak везет на наращение, то глагол كان, наоборот, проявляет тенденцию к сокращению, если вспомнить об утрате коренного n еще в классическом языке или отрицательной частицы māku (ʿирāḳ).

Таким образом, если наше объяснение верно, то мы имели бы любопытный случай сокращения самостоятельного слова и его перерождения в глагольное окончание.

Форма маṣдара унифицирована. Все глаголы даже I породы одинаково образуют маṣдар. В ʿArab-ḫ̊ane и Ǧeinau — с помощью ạhān и an (kalān от اكل; garān от وقع; ẓabaḥān от ذبح; в ʿArab ḫ̊ane: ḳaulahān, ẓabḥān, ḳatlān, ẓarbān и т. д.), а в Ǧ̊āgarí — с помощью iiānu, с утратой гласной у второй коренной (ḳaʿdiiānu от قعد; harbiiānu от هرب; ṭalʿiiānu от طلع и т. д.). Интересны формы маṣдара пустых глаголов: ḫaifiiānu < خاف; maitiiānu < مات; šeifiiānu < شاف; seiḳiiānu < ساق. В производных породах в бухарском наречии, по аналогии с причастием, появляется mi || mu: mirakbiiānu < ركب; mitʿarkiiānu < تعارك; minkisriiānu < انكسر; muḫtuliiānu < اختلط и т. д.

8. ИМЯ

В имени можно отметить сохранение неопределенного члена in (без выражения падежных отличий). При сочетании существительного с прилагательным снабжается неопределенным членом только определяемое, как это имеет место в речи бедуинских говоров Аравии:[1] ḥadisin kabir ʿбольшое слово'; dēuin asuad ʿчерный див'; farasin ābiaz ʿбелая лошадь' и т. д. С другой стороны в бухарском говоре нунация отсутствует, и в противоположность большинству арабских диалектов, вместо marḥaban, ahlan ua sahlan и т. д., имеем marḥabā̊ и т. п. — обороты, идентичные с аналогичными формами речи бедуинов.[2] Только в ḳашḳадарьинском встречается адвербиальная форма с нунацией, хотя и здесь наблюдается колебание, и, наряду с ʿuguban и ʿugubin || ʿugbin, имеем ʿugub.

Сохранилось также правильное множественное число с окончанием на in (с долгим гласным): muḳakkilin < مكلون чаще встречается форма множественного числа на āt, вместо ломаного: iid || iit || it ʿрука' — iidāt; даже в словах мужского рода: faras ʿлошадь' — farasāt; kitā̊b ʿкнига' — kitā̊b-āt; kalb ʿсобака' — kalbāt. Нередко употребляется и множественное ломаное: iğil || riğəl ʿнога' — riğūl; izin ʿухо' — izūn; ḥāğib ʿбровь' — haụāğīb; iḥmā̊r ʿосел' — ḥamīr, наряду с iḥmārāt, и т. д.

В имени сохранились также формы двойственного числа: iidēn < يدان; ḥāğibēn < حاجبان; ʿænēn < عينان; ḥaiṭēn < حيتان; leiltēn < ليلتان; naḥā̊rēn < نهاران и т. д.

Для понятия „один" в значении неопределенного члена употребляется fat || fad < fard, обычное для ирāḳского[3] и констатированное и в речи бедуинов.[4]

9. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Арабских числительных почти не сохранилось. В Ǧeináu большинство населения умеет считать по-арабски только до пяти. Но и здесь арабские числительные уступили место таджикским. В бухарской области арабские

[1] Н. В. Юшманов, ibid., стр. 79.
[2] Ср.: Wallin, ZDMG, XII, p. 674.
[3] Где, между прочим, наряду с fard встречается также и fad, как в нашем диалекте.
[4] A. Socin. Diwan aus Centralarabien, III, § 69 в, p. 96; а также 1, 26, 14; 32, 16; 37, 17; 36, 18 и др.

числительные хотя и встречаются, но и там предпочитают вести счет по-таджикски. В настоящее время числительные имеют следующий вид: ụaḥed || ụaḥda (fataḥed), isnēn, salās, ārbaʿ (или ārbaḥ), ḫams, sit(t), sābəḥ, samā́n, tisiḥ, ʿašər = 10; ʿašər-ụaḥda = 11; ʿašərəsn ēn = 12; ašərsalās = 13, и т. д.; ʿašrūn = 20. Начиная с 30 счет идет по десятичной системе, подобно иранскому: salās ʿašrāt = 30; ārbaʿ (и ārbaḥ) ʿašrāt = 40; ḫams ʿašrāt = 50.

Miʿa (с ʿайном, вместо хамзы) ʿсто', сохранилось во всех наречиях.

10. ОТРИЦАНИЕ

Для отрицания употребляется обычное для арабских диалектов lā, laʾ (в паузе) и ma. При формах несовершенного вида согласный элемент частицы lā в ʿArab-ḫ̊ane ассимилируется с глагольной приставкой, и получается nā > na: na maḳdir, вместо lā maḳdir ʿне могу'.

Для отрицания употребляются также ṃāmin (к.-дар.) и man (бух.) ʿнет'.

Любопытны случаи употребления частицы mā || mā̊ в сочетании с местоименными суффиксами: mā̊-hu, mā̊-hi (бух.) mā-hau, mā-hai (к.-дар.) ʿнет его, ее'; mā̊nni mānnak (с удвоением n между двумя гласными), mā̊nkum и т. д. ʿя, ты, вы — не...', ʿнет меня, тебя, вас' и т. д. Напр. dēụ ḳā̊l-ki ana ʿabt mā̊nni diaḷ ʿдив сказал [,—что—] „я ведь не раб!".

11. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Утвердительная частица „да" „ja", „yes" в нашем наречии отсутствует. Для утверждения повторяется вопрос без вопросительной частицы (tiktib-mi? ʿпишешь ли?' < maktib ʿпишу') или же употребляется междометие hāā.

12. ЧАСТИЦЫ

Из многочисленных предлогов следует особо отметить частицу i < || il (< ʿilā), употребляемую, подобно ʿирāḳскому, в самых разнообразных значениях.[1] Исходный согласный этой частицы почти уже совершенно исчез, так что предлогом в большинстве случаев служит одна гласная i. В сочетании с местоименными суффиксами еще сохранилась старая форма: ilai, ilēk || ilēk.

13. ВОПРОС

Вопрос большею частью выражен с помощью сложных частиц: eš, ēš ʿкак'; ši-ni (< ši-li?), li ʿпочему'.

Широкое распространение получила турецкая вопросительная частица mi: tiḳdir-mi? ʿможешь ли'?; tōġdi-mi? ʿуходишь ли'? и т. д.

14. СТРОЕНИЕ ФРАЗЫ

Конструкция арабской фразы совершенно разрушена, как уже правильно отметил Н. В. Юшманов. В нашем наречии возникли необычные для арабского и семитических языков синтаксические явления, которые отдаляют его от известных нам остальных арабских диалектов.

[1] Н. В. Юшманов, ibid., стр. 80.

Старый семитический порядок status constructus'a — определяемое определение — в обследованном диалекте еще сохранился (bint pāšā ʿдочь паши'; um[m]bint ʿмать дочери'), но нередко встречается необычное для семитических языков сочетание (определение-определяемое), воспринимаемое как детерминативный композит (tatpuruša) индоевропейских языков: ḥaṭab mibíḥ ʿдров продавец'.

Большое распространение получил так называемый турецкий изафет, когда существительное-определяемое, поставленное после определения, снабжено местоименным суффиксом: ḥamīr saḥbīn hīnu? (бух.) ʿвладелец ослов где?', букв. ʿослы—владелец их где [—он—]?'; zŭcki ænáh hīnin (бух.) ʿглаза твоего мужа где?', букв. ʿмуж твой — глаза его где [—они—]?; láḥəm gídiru ğābu (бух.) ʿкотел [—для—] мяса принес он', букв. ʿмясо — котел его принес он [—то—]'; dʲēu mˆ ʿrta (Ǧeináu) ʿжена дīва', букв. ʿдīв — жена его'.

Порядок слов в предложении таков: подлежащее обычно предшествует сказуемому: ʿualdaiīn kʲbir gāl-ki... (Geináu) ʿстарший сын сказал, что...'; ḥaṭīb ḳāl (бух.) ʿхаṭīб сказал' и т. д. Дополнение также ставится впереди сказуемого: i ğarba ḳāl (бух.) ʿщенку сказал'; handûk tapsīn kabír ḥadáh (бух.) ʿту большую тарелку взял'; i nasībinu ḳāl ki „ummi ḥač maʿudi a" (бух.) ʿсвоим соседям сказал [,—что—] „мать мою на ḥаджж веду"; Abûh ḳāl-ki binti i hamát aḥtēta (бух.) ʿее отец сказал [,—что—] „дочь свою этому я даю" [=дал]'; ḥimāra sāḳa ğadák ʿослицу погнав — ушел'.

Таким образом порядок слов обычно подчиняется схеме: подлежащее, дополнение, сказуемое.[1] Ḥōğākūš i ʿualt pāšā i-suhru ḳāl (бух.): Х сыну паши, зятю своему, сказал'; kasīr adamīn i-bint ğābūa i-bē(i)tum ʿмного людей привезли девушку в их дом'; bint faz zabība láḳet (бух.) ʿдевушка одну изюмину нашла'.

Если логическое ударение падает на дополнение, то оно ставится перед подлежащим: ī ha-adamám (sic) Hōğākūš ḳazabuhʿ ʿи этого человека Х схватил'; hal-matal Ḥairəllá ʿualt Aḥmát gāla (Ǧeinau) ʿэту сказку Х, сын А., сказал'; máratak dük ḥadáha (бух.) ʿтвою жену он взял'; illái[2] hinti ḥillīni ʿменя ты (жен. р.) освободи'; hamaī márati fat ádœmí ḥadáha (бух.) ʿэту мою жену один человек взял'; ḳāl-ki abūī ana la mánta taṭktilu (бух.) ʿсказал [,—что—] „я не дам тебе убить моего отца"'.

Эти изменения в строении фразы являются, повидимому, причиной появления в глаголах объективных суффиксов, ибо отличить субъект от объекта, при отсутствии падежных окончаний у имен, не было бы возможным, если бы местоименные суффиксы не указывали на дополнение. Впоследствии эти суффиксы, часто употребляемые с глагольной формой, сращаются с ней, как бы образуя двуличные глаголы с внутренними субъектом и объектом. Образование подобного типа глаголов в семитическом диалекте представляется нам чрезвычайно важным явлением, интересным для изучения истории возникновения двуличных глаголов вообще.

Определительное придаточное предложение в обследованном диалекте отсутствует. Придаточное предложение, вместо слова „который", связывается с главным с помощью заимствованной с персидско-таджикского частицы ki: hal-adami, ki ğāī... (бух.) ʿэтот человек, что [—который—] пришел...'; hai mara, ana ki ḥadēta (бух.) ʿэта женщина, что [—которую—] я взял (в качестве жены)', и т. д.

[1] Н. В. Юшманов, ibid., стр. 80.
[2] Так.

Эта же частица использована для введения прямой, так же как и косвенной, речи. ʿAiiaī ki ziḥket (бух.) ʿувидел, что засмеялась'; ʿaiiaī, ki fūḳ rasu fad moisafét ʿuōḳif (бух.) ʿувидел, что над его головой один старик стоит'; ʿaiiaī, ki adamīn amir ḳa'dīn (бух.) ʿувидел, что люди эмира сидят'. Или же: dük ḳāl-ki ana maʿrifu bētu (бух.) ʿон сказал [,—что—] „я знаю его дом"'; ḥilāf zaǧīr ḳāl-ki „imš ʿudni" (бух.) ʿпотом юноша сказал [,—что—] „иди, возьми меня"'; ḥilāf fad adami ğak-kēn ḳāl i hamat zaǧīr ki „marat ak dük ḥadáha" (бух.) ʿпотом один человек, который пришел, сказал этому юноше [,—что—] „жену твою тот взял"'; d(i)ēuāt kālīn ki (il hat zaǧīr) „šuǧlak ṣōr-mi iō šugl ʿændak?" (бух.) ʿдīвы сказали [,—что—] (этому юноше) „исполнилось ли дело твое или еще есть у тебя дело?"'; ummu ṭala-ʿet ḳālet-ki „eš mitḳūlūn?" (бух.) ʿего мать вышла, сказала [,—что—] „что вы скажете?"'.

Согласование в лице, числе и роде в общем следует обычной схеме, хотя и в этой области наблюдаются некоторые необычные отклонения от арабской нормы, свидетельствующие о значительном изменении арабского мышления благодаря влиянию окружающих языков.

15. ЛЕКСИКА

Словарь, в основном, состоит из семитического материала. В этом отношении наш диалект близко примыкает опять-таки к ʿирāḳскому, отчасти аравийскому. Разница между бухарским и ḳашḳадарьинским наречиями чувствуется и в области лексики. Так, напр., обычное для бухарского наречия ḥilāf ʿпотом' неизвестно в ḳашḳадарьинском, где вместо этого употребляется ʿugub, ʿuguban || ʿugubin (ср. ирāḳ. ʿag[u]b, арав. ʿoğub); или же бух. esāb ʿгде' — ḳ.-дар. eškō; ḳ.-дар. madd ʿуходить' неизвестно в бухарском. С другой стороны, обычное для Arab-ḫāne и Ǧeináu sār ʿуходить' вызывает насмешку у жителей Ǧāgarī.

В словаре сильно отражается также влияние окружающих языков. Но интересно отметить любопытные случаи, когда в арабский диалект попадают арабские же слова при посредстве чужих (персидско-таджикского, узбекского) языков, как, например: raiīs ʿпредседатель'; šūra ʿсовет'; maktab ʿшкола', и т. п.

Таким образом работа над обследованным диалектом приводит нас к следующим выводам.

I. Среднеазиатский арабский является самостоятельным диалектом, занимающим, подобно мальтийскому, совершенно обособленное место среди известных нам до сих пор диалектов арабского языка. Мало того, если к вопросу о делении на языки и диалекты определенных языковых единиц подойти с точки зрения степени понимания, в данном случае понимания представителями стран арабского Востока нашего языка, мы бы смело могли его назвать самостоятельным языком, вроде того, как, напр., принято называть современные южноарабские языки Mehri, Soḳoṭri и т. д., ибо сомнительно, чтобы для какого-либо палестинского феллāха наш язык оказался бы более понятным, чем современная древнееврейская речь Иерусалима. Но степень понимания критерием служить не может, и, несмотря на всевозможные изменения, разрушения синтаксиса и т. д., при более детальном изучении языка среднеазиатских арабов мы все больше убеждаемся, что все те явления, которые отдаляют его от арабского, являются или следствием совершенно закономерного внутреннего развития самого языка, или же привнесены извне. И если очистить наш язык от привнесенных элементов,

перед нами предстанет настоящий арабский со свойственными исключительно ему языковыми явлениями.

II. Этот язык среднеазиатских арабов обнаруживает близкое сходство с месопотамской и отчасти центральноаравийской бедуинской речью, хотя, наряду с этим, в нем встречаются отдельные формы и явления, характерные и для других диалектов арабского языка.

III. Внутри самого среднеазиатского арабского следует отметить наличие, по крайней мере, двух самостоятельных наречий. Выше мы лишь мимоходом касались отдельных случаев расхождения между бухарским и кашкадарьинским наречиями. В действительности этих расхождений значительно больше. Разница чувствуется не только в фонетике и морфологии, но и в лексике, подвергнувшейся сильному иноязычному влиянию. Это и понятно. Бухарские арабы, наряду с арабским, хорошо знают также таджикский и узбекский. Но они указывают, что несколько десятков лет тому назад арабов, владевших узбекским, было очень мало. При этом и лица, умеющие говорить по-узбекски, знакомились с этим языком лишь после изучения таджикского. В Джейнау наблюдается обратная картина. Там только немногие старики могут объясняться по-таджикски. Зато вторым обиходным языком для местного арабского населения является узбекский язык, которым постепенно вытесняется родной язык арабов. Кроме того, в Джейнау распространено также знание туркменского. Таким образом влияние тюркских языков сказывается в кашкадарьинском в большей степени, чем в бухарском. Но эти различные влияния относятся к значительно более поздней эпохе, и расхождения, вызванные ими, тоже позднего происхождения. Более интересны расхождения, обнаруживающиеся на основном семитическом материале. Эти различия в области фонетики, глагола, местоимений и т. д. не могут быть объяснены как результат различных влияний окружающих языков. Они, по всей вероятности, восходят к более древней эпохе и свидетельствуют о том, что разница в языке существовала еще до переселения предков наших арабов в Среднюю Азию.

В настоящем кратком сообщении мы не могли коснуться отдельных форм и явлений, встречающихся в нашем диалекте и представляющих подчас значительный интерес как для арабской диалектологии, так и для общего языкознания в широком смысле. Мы надеемся коснуться этих вопросов более подробно в ближайшем будущем, когда собранные нами диалектологические материалы будут полностью опубликованы.

Н. В. ЮШМАНОВ

ЗАГАДКА „ДВУХПАДЕЖНЫХ ИМЕН“ АРАБСКОГО КЛАССИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Вопрос о так называемых „двухпадежных именах“ арабского классического языка принадлежит к довольно большому числу вопросов семитского языкознания, до сих пор не разрешенных зарубежными семитологами. Отсутствие стадиального подхода к языку, ограниченность кругозора искусственно созданными расовыми границами языков, разрыв между формой и содержанием, — все эти недостатки методологии у зарубежных языковедов, вообще, и семитологов, в частности, делают невозможным разрешение труднейших вопросов семитского языкознания, к которым бесспорно относится и интересующий нас вопрос о так называемых двухпадежных именах. Между тем, каждый темный вопрос в языке представляет трудность и для преподавания языка: сознательное усвоение той или иной грамматической категории учащимися подменяется зубрежкой, с которой так упорно борется всякая передовая педагогика, в особенности же советская.

Эмпирическая сторона вопроса такова: в арабском классическом языке нормальное склонение единственного числа имен различает три падежа — именительный, родительный и винительный, которые выражаются окончаниями -un, -in, -an в неопределенном состоянии, т. е. в тех случаях, когда западноевропейские языки ставят неопределенный член, но окончаниями -u, -i, -a в других состояниях — определенном, т. е. при определенном члене al-, и сопряженном (status constructus), т. е. при соединении имени с последующим родительным падежом или притяжательным местоименным суффиксом; часть имен, однако, представляет аномалию в том смысле, что в неопределенном состоянии не принимает неопределенного члена -n (по арабской терминологии tanwīn, что европейцы перевели ‘нунация’, от буквы ن nūn) и различает лишь два падежа — именительный на -u и косвенный, т. е. родительный и винительный вместе, на -a. Таким образом общепринятые у европейских востоковедов термины „трехпадежные“ и „двухпадежные“, в западноевропейских языках triptŏta и diptŏta (с греческого), оказываются однобокими: указывается лишь на число падежей, но не указывается на принятие или непринятие неопределенного члена -n. Древнеарабские филологи пользовались терминами munṣarif и ɣayr munṣarif (равно другими производными от ṣarf). Эти термины сохранились и у современных арабов, которые склонны понимать munṣarif в смысле ‘склоняемое’, а его противоположность ɣayr munṣarif в смысле ‘несклоняемое’; правда, на деле и те и другие имена склоняются, а потому приходится дополнять перевод какими-нибудь оговорками, например ‘склоняемое полным склонением’ и ‘несклоняемое полным склоне-

нием'.[1] Между тем, определение, которое дает древний источник — туземный словарь арабского классического языка „Lisān al-ʿArab" (т. XI, стр. 91), подходит к рассматриваемому нами явлению значительно лучше: صَرْفُ الكلمةِ إجراؤها بالتنوين, т. е. 'флексия слова — снабжение его нӯнацией'. Таким образом мы могли бы перевести арабские термины munṣarif и γayr munṣarif как 'флектируемое' и 'нефлектируемое' (так и делают некоторые европейские авторы), но арабское ṣarf и европейская „флексия" не всегда и не совсем переводят друг друга, а поэтому точнее и осторожнее будет перевести munṣarif как 'принимающее нӯнацию', а γayr munṣarif — как 'не принимающее нӯнации'. Любопытно, что такое же понимание арабских терминов обнаруживает голландский арабист XVII в. Фома Эрпений: „Nomina Invariabilia quæ vocant Arabes, seu quorum ultima vocalis non admittit Nunnationem", т. е.: „то, что арабы называют именами неизменяемыми, т. е. последняя гласная которых не допускает нӯнации".[2]

Довольно значительную пестроту проявляют те группы имен, которые идут по двухпадежному склонению и, следовательно, не принимают неопределенного члена -n в неопределенном состоянии. Это обстоятельство непомерно затрудняет и исследование и преподавание интересующей нас грамматической категории: обобщить все группы одним принципом не удается, а сокращение числа групп путем объединения нескольких однородных ничуть не облегчает нашего трудного вопроса. Приведем эти группы в возможно большей полноте:

1. Собственные имена иноязычного происхождения, например ʾIbrāhīmu, Baγdādu.
2. Женские собственные имена, например Kalʔamu, Makkatu (см. п. 3).
3. Собственные имена с суффиксом -at (ة); например Kabšatu (мужское имя).
4. Собственные имена с суффиксом -ān, например Sufyānu (см. п. 8).
5. Собственные имена по типу q u t a l, например Zufaru (см. п. 11).
6. Собственные имена, подобные глаголу, например Yaškuru ('он поблагодарит').
7. Имена с некоренными -ā (ى) и ā' (آء), например, ṣaḥrāʾu, ḥalwā (حلوى).
8. Прилагательные на -ān с женским родом на -ā, например sakrānu, жен. р. sakrā.
9. Прилагательные типа ʾaqtal с женским родом по типам q u t l ā и q a t l ā' u, например ʾakbaru, жен. р. kubrā; ʾaḥmaru, жен. р. ḥamrāʾu.
10. „Множественное ломаное" по типу q a t ā l ĭ l, например maʿārifu.
11. „Множественное ломаное" по типу q u t a l, если единственное число — по типу qutlā, например kubaru (от kubrā, см. п. 9).
12. Числительные разделительные по типам maʔlaʔu и ʔulāʔu.

Приведенный список не содержит колеблющихся и отклоняющихся случаев. Отметим те из них, которые носят групповой характер. Прежде всего собственные имена иноязычного происхождения и женские собственные имена бывают трехпадежными, если их основа односложна, например Lūṭun (евр. Lōṭ), Hindun (женское имя), но Miṣru 'Египет'. Затем, любопытное раздвоение присуще числительным: они трехпадежны в своем вещественном значении, например ʔalāʔatun tufarriju l-qalba 'три вещи увеселяют сердце', но двухпадежны в своем отвлеченном значении математических величин, например tisʿatu akʔaru min ʔamāniyata

[1] Т. Кезма. Элементарные основы грамматики арабского языка в популярном изложении. Киев, 1928, стр. 188—198.
[2] Thomaæ Erpenii grammatica arabica. Amstelodami, 1636, p. 136.

'девять больше восьми'; в последнем случае древнеарабские филологи рассматривают числительные как собственные имена (Lisān al-ʿArab, т. IX, стр. 382). Таков же взгляд древнеарабских филологов на двухпадежность поэтических олицетворений вроде barratu 'благочестие' и faǰratu 'нечестивость', т. е. на арабское подобие европейских нарицательных с большой буквы („свобода" и „Свобода"). Упомянем еще имена, оканчивающиеся на неизменяемое -i. Так как этот гласный не выражает никакого падежа (признак родительного падежа -i свойственен лишь трехпадежным именам), то подобные имена обычно не включаются в двухпадежные (между тем как имена на тоже неизменяемое -ā [ى] включаются сюда, потому что их несклоняемость вызвана лишь техническими причинами: сочетания -ayu и -aya закономерно стягиваются в -ā, т. е. вместо *kubrayu || *kubraya имеем неизбежное kubrā, كبرى). Однако, так как имена на неизменное -i никогда не принимают неопределенного члена, они должны относиться принципиально к категории двухпадежных, но в смысле арабского термина γayr munṣarif, а не европейского термина „двухпадежное". Среди имен на неизменяемое -i нам известны: собственные имена иноязычного происхождения, как Sībawayhi; женские собственные имена по типу q a t ā l, например Ẓafāri (название города), Faǰāri (бранное прозвище или такое же олицетворение, как вышеприведенное faǰratu); особая категория между именем и глаголом, тоже по типу q a t ā l, служащая для команды, например nazāli 'слезай!', должна быть здесь упомянута, хотя она несклоняема уже в силу своей синтаксической функции.

2. ВЗГЛЯДЫ ИНОСТРАННЫХ СЕМИТОЛОГОВ

Загадка двухпадежных имен уже давно привлекала внимание семитологов, которые время от времени высказывались либо относительно категории двухпадежных имен в целом, либо относительно отдельных групп имен, входящих в эту категорию. Взгляды иностранных семитологов на интересующее нас явление собраны в капитальном труде по сравнительной грамматике семитских языков, до сих пор ничем не заменненном и вполне отражающем современное состояние вопроса за границей.[1] Brockelmann принимает следующее построение (Bd. I, p. 461). Двухпадежные имена представляют новшество по сравнению с трехпадежными, так как в набатейских надписях арабские собственные имена типа ʾAbǰaru нередко оканчиваются буквой ו wāw, каковая характерна для набатейской транскрипции арабских собственных имен трехпадежных типов, например זידו = زَيْدٌ Zaydun (тогда как ʾAbǰaru пишется по-набатейски то אבנר, то אבנרו). Кроме этого, в качестве довода в пользу того, что двухпадежные имена представляют относительное новшество, указывается на трехпадежность 'айнированных вариантов от прилагательных цвета и порока по типу ʾaqtal; например, наряду с двухпадежным ʾaǰǰalu 'толстобрюхий' имеется трехпадежное ʿaǰǰalun с тем же значением. Двухпадежное склонение (имен. п. -u, косв. п. -a) выводится из предполагаемого взаимодействия собственных имен глагольного происхождения; например перфект šammara 'быстро бежал' и имперфект yazīdu 'прибавит, увеличит' дали собственные имена Šammara и Yazīdu, окончания которых были переосмыслены как падежные и переработаны в новую парадигму: Šammaru, косв. п. Šammara, и Yazīdu, косв. п. Yazīda. Выработавшаяся таким образом парадигма распространилась на прилагатель-

[1] C. Brockelmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Berlin, 1908 (Bd. I) & 1913 (Bd. II).

ные типа ʾaqtal в силу их глаголообразности (именно близости к перфекту IV породы: ʾaqtala); отсюда эта же парадигма распространилась на женскую форму прилагательных цвета и порока qatlā (например ʾaḥmaru ʿкрасный' || ḥamrāʾu ʿкрасная'). Далее, от прилагательных типа ʾaqtal в значении сравнительно-превосходной степени двухпадежность перешла к их „множественному ломаному" по типу ʾaqātil (например ʾakbaru ʿбольший', мн. ʾakābiru), а этот тип „множественного ломаного" распространился и на многие другие случаи (например risālatun ʿпослание', мн. rasāʾilu; maktabun ʿшкола', мн. makātibu). Иностранные собственные имена последовали за собственными именами глагольного происхождения. В заключение Brockelmann констатирует, что до сих пор неясна причина двухпадежности женских собственных имен и собственных имен (хотя бы мужских) с женским окончанием -at. Как видим по сравнению с вышеприведенным списком, Brockelmann совершенно не касается собственных имен и прилагательных на -ān (пп. 4 и 8 нашего списка), собственных имен по типу qutal (п. 5), различных имен на -ā помимо типа qutlā (п. 7 с учетом п. 9), „множественного ломаного" типа qutal (п. 11) и числительных разделительных (п. 12). Таким образом иностранные семитологи не охватили интересующего нас явления во всей его полноте и, как мы увидим далее, не дали сколько-нибудь убедительных объяснений для той части явления, которая затронута в изложении Brockelmann'a.

Уместно будет упомянуть, что Brockelmann не привлекает к интересующему нас вопросу язык южноарабских надписей, который на месте северноарабской нӯнации проявляет мӣмацию — неопределенный член, выражаемый на письме буквой 𐩣 mīm; употребление мӣмации южными арабами сходно с употреблением нӯнации северными арабами, но Brockelmann вслед за Hommel'ем не придает этому значения, так как неогласованность южноарабских надписей лишает нас возможности убедиться в наличии там двухпадежных имен. Между тем, наличие имен, принимающих мӣмацию, и имен, не принимающих мӣмации, показывает, что перед нами не новшество северноарабского языка, а какая-то очень древняя черта, общая у обоих языков; это можно сказать, вовсе не касаясь вопроса о южноарабских падежных окончаниях, скрытых от нас неогласованностью надписей и, разумеется, нам неизвестных.

Теперь перейдем к критике построения, принятого Brockelmann'ом. Доводы в пользу того, что двухпадежные имена являются относительным новшеством, вообще носят случайный характер и ни в какой мере не связаны со всей системой арабской грамматики. Предположение, будто набатейское ן передает трехпадежную флексию арабских собственных имен, признано за последнее время несостоятельным,[1] да и вообще как-то нелепо, чтобы люди выражали нӯнацию не буквой nūn, а буквой wāw. Тип ʿaqtal является вторичным по отношению к типу ʾaqtal, как это признал и сам Brockelmann (op. cit., Bd. I, p. 372), но арабское языковое сознание воспринимает ʿayn как коренной согласный (ведь префикса ʿa- нет), следовательно какое-нибудь ʿaǯalun представляет четырехсогласный корень ʿΘJ̌L, тогда как нормальное прилагательное ʾaǯalu, где ясно выделяется обычный префикс ʾa-, представляет трехсогласный корень ΘJ̌L; поэтому ясно, что развитие обоих дублетов идет по разным путям во всех грамматических формах:

ед. ч. муж. р.	ед. ч. жен. р.	мн. ч. муж. р.	мн. ч. жен. р.
ʾaǯalu	ʒaǰlāʾu	ʒuǰlun	ʒuǰlun
ʿaǯalun	ʿaǯalatun	ʿaʒāǰilu	ʿaǯalātun

[1] J. Cantineau. Le nabatéen. Vol. II, Paris, 1930—1932, p. 167.

По поводу возникновения двухпадежного склонения из взаимодействия собственных имен перфектного и имперфектного типов нужно заметить, что по крайней мере в северноарабском языке перфектные собственные имена весьма редки и сомнительны; имперфектные же собственные имена весьма обычны. Непонятно, каким образом родительный падеж стал выражаться окончанием, известным в арабской грамматике лишь как показатель винительного падежа; особенно странным становится это, если двухпадежные имена являются новшеством, т. е. напластованием на грамматике, строго различающей уже три падежа разными гласными; если же двухпадежные имена являются пережитком, то -a раньше имело недифференцированными обе функции — родительного и винительного падежей, но тогда не при чем взаимодействие перфектных и имперфектных собственных имен, так как они вполне укладывались в существовавшую схему своим исконным окончанием (перф. -a, имперф. -u) и из нее же почерпали недостающее падежное окончание.

В дальнейшем у Brockelmann'a идет длинная цепь изменений по аналогии, предположенных без учета семантической и синтаксической функции воздействующих и воздействуемых слов, и получается какая-то сплошная порча языка... Между тем, каждый затронутый им тип словообразования имеет свою историю, и в этой истории очевидно нужно искать причину дальнейшей судьбы типа. Но, если в других случаях, хотя бы поверхностно, намечается какая-то связь между типами (глаголоподобность, корреляция по роду или по числу), то никакой связи не наблюдается между собственными именами глагольного происхождения и иноязычными собственными именами, которые почему-то должны были последовать за первыми...

3. МОЕ ПОСТРОЕНИЕ

Со времени выхода в свет моей арабской грамматики[1] я не раз старался проникнуть в загадку двухпадежных имен, но все попытки оставались бесплодными. Лишь совсем недавно мне случилось познакомиться с одним явлением аварского языка, которое навело меня на совершенно новый путь исследования злополучной загадки:[2] „Имена собственные мужчин и женщин склоняются только по архаическому склонению (кроме тех, которые произошли от употребления нарицательных имен в качестве прозвищ или которые по форме являются прилагательными). Архаическое склонение свойственно и всем собственным именам лиц, заимствованным из других языков". Противоположение архаического и живого склонений аварского языка напомнило мне противоположение двухпадежного и трехпадежного склонения арабского классического языка. Прежде всего иноязычные имена: ʾIbrāhīmu ʿАвраам', ʾIsḥāqu ʿИсаак', Yaʿqūbu ʿИаков', Mūsā (موسى) ʿМоисей', Hārūnu ʿАарон' и т. д.; далее, арабские мужские и женские имена целого ряда типов, о которых мы уже говорили, но, наряду с ними, и мужские трехпадежные имена из прилагательных (например Salīmun — Селим, т. е. ʿздоровый'), из причастий (например Muḥammadun, пресловутый ʿМагомет, и даже ʿБогомет', собственно ʿсугубо прославленный'), из нарицательных существительных (например Faḍlun — Фадл, т. е. ʿпреимущество' или ʿмилость'). Разумеется, столь разные по строю языки, как аварский и арабский, да вдобавок с весьма различной историей возникно-

[1] Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. Под редакцией и с предисловием И. Ю. Крачковского, Л., 1928.
[2] Л. И. Жирков. Аварско-русский словарь. М., 1936, стр. 171.

вения и развития, не могут настолько совпадать в типологии, чтобы данные аварского языка послужили ключом для всех трудностей, колебаний и противоречий, которыми так щедро наделен вопрос о двухпадежных именах. Но брешь была пробита...

Для того чтобы разобраться в крайне запутанном материале нашего вопроса, нужно установить, в какой хронологической последовательности возникали морфологические единицы, связанные с арабским классическим склонением. Прежде всего заметим, что определенный член al- является одной из поздних единиц, так как он встречается только в северноарабском; столь близкий древний южноарабский язык имеет определенный член -ān[1] в конце слова (а не в начале слова, как al-); древнееврейский язык имеет определенный член ha- в начале слова, арамейский язык -ā — в конце слова, ассиро-вавилонский и эфиопский языки вовсе не имеют определенного члена. Конечно, зная, что определенный член, вообще, вырабатывается из указательного местоимения, можно не сомневаться, что в основе всех наличных семитских форм al-, -ān, ha-, -ā лежит одна и та же указательная частица hā, осложняемая еще каким-нибудь местоименным придатком (l, n) и освобождаемая от легко исчезающего звука h, но можно сказать с уверенностью, что определенный член выработан каждым семитским языком самостоятельно и относительно поздно. Гораздо раньше появился и может считаться принципиально общесемитским неопределенный член, получившийся из неопределенного же местоимения mā (→-m, далее сев.-араб. -n) и пребывающий исключительно в конце слова; в северноарабском застаем еще живое -n, в южноарабском тоже еще живое -m, в ассиро-вавилонском уже отмирающее -m, в прочих языках находим лишь пережитки, например евр. yōmām 'днем' (= араб. yawman), арам. pūmā 'рот' (= араб. famun, в сопряженном состоянии fū-, fī-, fā-), эфиоп. təmāləm 'вчера', gēšam 'завтра' (ср. -an арабских наречий). В виду этого приходится считаться с тем обстоятельством, что в семитских языках была эпоха, когда определенность имени выражалась отсутствием неопределенного члена, а не прибавлением определенного члена, которого и не было.

Теперь о падежных окончаниях. Они появились раньше неопределенного члена, как показывает их положение в слове (например kalb-u-n 'собака': сначала появилась основа kalb, затем — падежное окончание -u, наконец — неопределенный член -n). Если это так, приходится считаться с еще более ранней эпохой, когда имя само по себе могло быть определенным или неопределенным в зависимости от контекста, как это в русском литературном языке. Как показывают двойственное и правильное множественное числа арабского классического языка, различающие лишь два падежа — именительный (дв. -āni, мн. -ūna) и косвенный, т. е. родительный и винительный вместе (дв. -ayni, мн. -īna), когда-то и единственное число различало лишь два падежа, но чем меньше падежей в языке, тем шире их функции: один падеж замещает несколько разных падежей таких многопадежных языков, какими являются, например, агглютинативные языки. Если, как нам подсказывают двухпадежные имена арабского классического языка, единственное число имело именительный падеж на -u и косвенный падеж на -a, то очевидно, что совмещение функций родительного и винительного падежей в одной и той же форме падежного окончания предполагает либо примат родительного падежа (как по-русски родительный падеж, выполняющий и функцию выделительного падежа, партитива, заменяет винительный

[1] I. Guidi. Summarium grammaticae arabicae meridionalis. Le Muséon, XXXIX, p. 15.

падеж одушевленных не на -a || -я и выражает неопределенность объекта при отрицании), либо развитие обеих функций из одной — направительной; в последнем случае, который для семитских языков вероятнее в силу наличия направительного падежа на -ā в древнееврейском (например 'arṣā 'на землю', Miṣráyimā 'в Египет'), функция винительного падежа вытекает из направления действия на объект, а функция родительного падежа идет по линии dativus possessōris, что подтверждается применением предлога li 'к' в подобной же функции, например kitābun li-'abīhi 'одна из книг его отца'. Настоящий родительный падеж на -i выработался из суффикса имени относительного (nisba) -īy, как это считается наиболее вероятным и по мнению Brockelmann'a, но, вообще, в семитских языках отношение определяемого и определения выражается обычно простым контактом имен (так и в новоарабском, например bint malik 'царская дочь', bint il-malik 'дочь царя'). Прибавление нового родительного падежа разгружает многозначный косвенный падеж, который становится винительным падежом, но еще сохраняет кое-какие побочные значения (особенно — наречное, как у русского творительного падежа). Так получается трехпадежное склонение: -u, -i, -a.

Наш обзор морфологических единиц, связанных со склонением арабского классического языка, будет неполным, если мы не упомянем еще одной категории пережиточного характера — показателей класса, впоследствии показателей рода, а в дальнейшем ходе развития — суффиксов весьма широкой значимости и применяемости. Речь идет о весьма ходких окончаниях, которые не раз фигурировали в вышеприведенных двухпадежных именах:

ـــان	ـــى	ـــآء	ـــة
-ān	-ā	-ā'	-at

Первое окончание, повидимому, представляет былой класс лиц (социальноактивный), а прочие три — былые классы вещей (социальнопассивные). Когда-то было гораздо больше классов, и их следы еще есть, но эти четыре класса оказались живучее других и продолжают свое существование, приспособляясь к новому, более отвлеченному мышлению. Дальнейшее развитие этих былых классов неодинаково и весьма неравномерно. Прежде всего при переходе от класса к роду первое окончание определилось как показатель мужского рода, а остальные — как показатели женского рода, но развитие первого и последнего окончаний пошло значительно дальше: -ān стало соединимо с -at, тогда как -at нередко появляется и у имен мужского рода (не нужно смешивать род с полом: ведь и по-русски слово „мужчина" с женским окончанием, отнюдь не означающим здесь женского пола). Вот эта-то неравномерность в развитии и позволяет иногда установить хронологию типов словообразования и словоизменения: архаические типы будут выражать род заменой показателей, а живые типы — прибавлением показателя (т. е. собственно остается одна возможность: образовать женский род от мужского путем прибавления женского окончания -at, которое может прибавляться к основе любого типа, тогда как -ā и -ā' связаны с определенным типом основы). Примеры:

архаический	ɣaḍbānu 'гневный', жен. р. ɣaḍbā (мена ـــان : ـــى)	
живой	'uryānun 'голый', жен. р. 'uryānatun (прибавление ö)	
архаический	'aswadu 'черный', жен. р. sawdā'u (мена — ـــآء : ـــأ)	
живой	'armalun 'вдовец', жен. р. 'armalatun (прибавление ö).[1]	

[1] В новоарабских диалектах существует только тип с постоянным -ān, например marḍān 'больной', жен. р. marḍāne (ö). В южноарабском наречии мехри есть своеоб-

Насколько обесцвечивается значение наших показателей в дальнейшем развитии, — лучше всего можно показать на „множественном ломаном“, где -ān и -at замещают друг друга почти свободно, не влияя сколько-нибудь существенно на значение, например ʾixwānun = ʾixwatun ‘братья’, γilmānun = γilmatun ‘мальчики’, niswānun = niswatun ‘женщины’. Конечно, из таких примеров нельзя выводить заключение, будто -ān совпало с -at по значению вообще, но в известных частных случаях совпадение явственно. Это обесцвечивание значения как нельзя лучше содействовало тому, что показатель может быть иногда отброшен без всякого вреда для содержания слова (особенно это относится к собственным именам); например в классической поэзии наблюдается иногда отбрасывание показателей -ān и -at в звательных оборотах: yā ʿUθmu вместо yā ʿUθmānu ‘о, Осман’, ʾa Fāṭima вместо ʾa Fāṭimatu ‘о, Фатыма’ (окончание -a не следует смешивать с новоарабским произношением ă в паузе; в классическую эпоху -at паузировало на выдыхе: -ah с действительно произносимым звуком h). Особо важно упомянуть слово fulānun ‘такой-то, NN’, жен. р. fulānatu, которое в звательных оборотах может звучать yā fulu (муж. р.) и yā fula (жен. р.), причем последняя форма свидетельствует о варианте fulatu; это слово, в силу своего оригинального содержания, колеблется между нарицательными и собственными именами. К числу родовых показателей можно было бы отнести также -īy (ـِيّ), образующее имя относительное (nisba); оно компенсируется показателем -at во „множественном ломаном“, например barbarīyun ‘бербер’, мн. barābiratun, но оно свободно принимает -at как для выражения женского пола или отвлеченности, например ʿarabīyatun ‘арабка; арабизм’, так и для выражения собирательности, например baḥrīyun ‘моряк’, мн. baḥrīyatun.

Теперь подойдем поближе к двухпадежным именам. Мы уже видели, что значительную их часть составляют собственные имена, т. е. имена, определенные по содержанию и принимающие приложение не иначе, как с определенным членом, например Luqmānu l-ḥakīmu ‘Лоḳман мудрый’. Многие собственные имена заимствованы из других языков и не имеют по-арабски нарицательного значения; имена же арабского происхождения обычно имеют таковое. Есть языки, которые, располагая определенным и неопределенным членами, вовсе не пользуются таковыми, чтобы превратить нарицательное имя в собственное (так, немецкий язык), но иные языки превращают нарицательное имя в собственное прибавлением определенного члена (так, французский язык); например русским фамилиям „Большов, Королев, Кузнецов“ отвечают, в лингвистическом отношении, немецкие фамилии „Gross, König, Schmidt“ и французские „Legrand, Leroi, Lefèvre“ с определенным членом le. Посмотрим, как обстоит дело в арабском классическом языке. Здесь мы имеем различные способы противоположения собственных имен соответствующим нарицательным; во-первых, посредством нӯнации, например fāṭimatun ‘отлучающаяся от груди’: Fāṭimatu (собств. имя); ʿuθmānun ‘птенец’: ʿUθmānu (собств. имя); zufarun ‘храбрый; лев’: Zufaru (собств. имя); во-вторых, посредством определенного члена, например madīnatun ‘город’: al-Madīnatu ‘Медина’; farqadun ‘теленок’: al-Farqadu ‘Звезда Арктур в созвездии Пастуха’; qāʾimun ‘стоящий; заведующий’: al-Qāʾimu ‘Каʾим, фатымидский халиф’; в-третьих, посредством контекста, это — трехпадежные собственные имена, как Zaydun. В последней группе случаев нӯнация уже не имеет того значения, которое она имеет в нарицательных именах (неопределенный член -n ‘один, некий, какой-нибудь...’) — собственные имена с нӯнацией принимают приложение с той же обязательностью определенного члена, что и собственные имена без нӯнации. Нужно заметить, что в арабском классическом языке имя находится обязательно в одном из трех состояний — неопределенном, определенном или сопряженном. Нельзя сказать просто „собака“, а можно лишь — „(некая) собака“, „(данная) собака“ или „собака (такого-то)“; между тем, при наречении имен часто требуется сказать просто „собака“, и арабы использовали неопределенное состояние для собственного имени племени или мужчины: Kalbun — Кельб, что значит ‘собака’. Значит, несуществующее безразличное состояние восполняется неопределенным состоянием; из контекста бывает видно, понимается ли имя как собственное или как нарицательное, а в связи с этим ясно, безразличность ли или неопределенность выражена окончанием -n.

В результате изложенного получается, что группы имен, составляющие категорию двухпадежных и не принимающие нӯнации в неопределенном состоянии (о чем см. выше), являются пережитками эпохи, когда еще не было определенного члена; это относится в равной мере и к северноарабскому и к южноарабскому, хотя у первого выработался препозитивный член al-, а у последнего постпозитивный член -an. Родовые показатели в своем тогдашнем значении не допускали неопределенного члена, так как сами являлись до известной степени членами (немецкий термин Geschlechtswort, плохо подходящий к самому немецкому языку, где члены выражают не только род, но также падеж и число, здесь подходил бы в полной мере). Таким образом разъясняются уже многие группы, приведенные в нашем списке: собственные имена иноязычного происхождения и подобные глаголу не приняли нӯнации как определенные по содержанию с самого начала (иноязычные не имели нарицательного значения на арабской почве, а глаголы вообще не принимают членов; к тому же имперфектные собственные имена первоначально не склонялись, как показывают пережитки в поэзии — см. Lisān al-ʿArab, т. IV, стр. 183, 184). Собственные и нарицательные имена (включая прилагательные), содержащие родовые показатели, не приняли нӯнации как определенные по форме, хотя бы собственные имена данных типов происходили из арабских же нарицательных. Женские имена без женского родового показателя равносильны женским именам с показателем, что видно из имен уменьшительных, например šamsun ‘солнце’ → šumaysatun ‘солнышко’; поэтому женские собственные имена без родового показателя тоже не приняли нӯнации. Очень возможно, что и мужские собственные имена по типу q u t a l предполагают виртуальный (не явно присущий) родовой показатель -ān. Относительно прилагательных типа ʾa q t a l в двух разных функциях со строго различными формами женского рода q u t l ā и q a t l ā’ можно высказать предположение, что ʾa q t a l является совпадением двух разных комбинаций: * ʾá-qutal при женской форме q u t l ā (← * qútal-ay) и *ʾá-qatal при женской форме q a t l ā’ (← * qatal-á’), стало быть, оба типа прилагательных восходят к разным основам — q u t a l и q a t a l. Вопрос будет сводиться к префиксу ʾa-, значение которого неясно, но который при сближении с местоимением *ʾ-a (в ʾanā ← *ʾan’a ‘я’ и в имперфекте, например aktubu ‘я пишу’) и со звательной частицей ʾa- представляется, во всяком случае, местоименным элементом, придающим определенность и, быть может, дублирующим мужское -ān. Нужно учесть, что сравни-

---

разное причастие будущего времени, где единственное число на -ōne (муж. р.) и -īte (жен. р.), а множественное число на -eye (муж. р.) и -ūten (жен. р.), например ‘имеющий сломать’ — tebrōne, tebrīte; tebrēye, tebrūten; здесь любопытно, что мужской показатель -ān (→ ōn) замещается женским показателем формы -at (→ īt), мн. ч. -āt (→ ūt), а женский показатель формы -ay (→ ēy) использован как показатель множества подобно арабскому классическому qatlā (قَتْلَى) ‘убитые’.

тельная степень ʾaqtal — общего рода и числа, в отличие от превосходной степени (как по-русски); поэтому -ān здесь было бы неуместно. Во всяком случае, ясно, что элемент ʾa- в типе ʾaqtal компенсирует родовые показатели своих женских коррелятивов qutlā и qatlāʾ. „Множественное ломаное“ типа qutal для прилагательных, имеющих в единственном числе тип qutlā, напоминает соответствующую трехпадежную форму, множащую существительные типа qutlat (например ruṭbatun ʿсвежий финикʾ, мн. ruṭabun); здесь мы, несомненно, имеем дело с именем единичности, но с утратой неударенного -a-. Вообще родовые показатели служат и показателями единичности (наряду с противоположной функцией — показателями множества, о чем уже говорилось), но в грамматиках дается лишь -at (например tibnun ʿсолома', ед. tibnatun ʿсоломинкаʾ); подобное можно показать для -ān: ʾinsun ʿрод человеческийʾ, ед. ʾinsānun ʿчеловекʾ, хотя для лиц эту функцию выполняет обычно имя относительное (например Rūmu ʿРим; Византия' → ar-rūmu ʿвизантийцы' → rūmīyun ʿвизантийский; византиецʾ), почему мы выше и сближали окончание -īy с родовыми показателями. Замечательно, что ед. qutlā, мн. qutal (например ʾuxrā ʿдругаяʾ, мн. ʾuxaru) сохраняет двухпадежность (в силу корреляции по числу и по роду), тогда как ед. qatlāʾ, мн. qutl (например ʿarǰāʾu ʿхромаяʾ, мн. ʿurǰun) не сохраняет двухпадежности, но причина, можно думать, в отсутствии правильной корреляции (ведь и мужская форма ʾaʿraǰu имеет то же множественное число) и в неисконности самого соответствия — единственное число из типа qatal, а множественное из типа qutul (сравните qazamun ʿподлыйʾ, мн. quzumun) или qutal.

Большие трудности для объяснения представляет двухпадежное „множественное ломаное“ типа qatālĭl. Ведь у него есть трехпадежные варианты qatāli и qatālilat (например ǰāriyatun ʿдевушка, молодая женщинаʾ, мн. ǰawārin для именительного и родительного падежей, ǰawāriya для винительного; ʾustāðun ʿпрофессорʾ, мн. ʾasātiðatun). По происхождению этот тип представляется бывшим трехсогласным типом qatāl, приноровленным к четырехсогласным (или трехсогласным же, но с долгим гласным в основе) типам единственного числа. Сам тип qatāl в функции „множественного ломаного“ не сохранился; его замещает ʾaqtāl из *ʾa-qatāl, подобно тому как частый в арабском тип qutūl замещен в эфиопском типом ʾaqtūl из *ʾa-qutūl. Что касается гласного -i-, это — вспомогательный гласный, который мы встретим и в имени уменьшительном от четырехсогласных или подобных им типов: ðaʿlabun ʿлисаʾ → ðuʿaylibun ʿлисичкаʾ, ɣulāmun ʿмальчикʾ → ɣulayyimun ʿмальчонокʾ при hirrun ʿкотʾ → hurayrun ʿкотикʾ. Но в происхождении незаметно что-либо, способствующее двухпадежности. Поищем в других обстоятельствах. Как известно, тип qatālĭl очень часто используется, чтобы образовать „множественное множественности“ от „множественного малости“ (от 3 до 10 предметов); например ḥadīðun ʿпреданиеʾ, мн. ʾaḥdāðun, мн. ʾaḥādīðu, или ʾarḍun ʿземляʾ, мн. ʾaraḍū(na) ‖ ʾaraḍātu(n), мн. ʾarāḍin. Не означал ли этот тип абсолютное множество, т. е. всё, что есть данной вещи в мире? Тогда содержание способствовало бы непринятию неопределенного члена, так как „всё“ может быть равносильным собственному имени (Brockelmann, op. cit., Bd. I, p. 469). К тому же в функции „множественности“ этот тип всегда четырехсложен, если считать с падежным окончанием. Тогда ясно, что при нарушении четырехсложности, когда меняется ритм, следовательно и тип, получается трехпадежный вариант qatāli, как ǰawārin, при уменьшении объема и qatālilat, как ʾasātiðatun, при увеличении объема. Оговоримся лишь о словах с одинаковыми предпоследним и последним коренными, что там убавление слога при стяжении одинако-

вых согласных компенсируется сверхдолгим -â- (вместо обычного -ā-), например dâbbatun ʿживотноеʾ, мн. dawâbbu, вместо *dābibatun и *dawābibu.[1]

По поводу числительных разделительных нужно сказать, что оба типа qutal и maqtal вполне сводимы к одному — *qutal (с осложнением *ma-qutal), который напоминает и встречавшееся уже „множественное ломаное“ типа qutal и названия дробей по типу qutl (например ðulð-un ʿтретьʾ, как ǰuzʾun ʿчастьʾ). Окончание -u в ðulāðu ‖ maðlaðu ʿпо триʾ и т. п. может быть сродни архаическим наречиям fawqu ʿнаверхуʾ, taḥtu ʿвнизуʾ, baʿdu ʿпотомʾ, qablu ʿпреждеʾ с локативным значением -u. Правда, на практике числительные разделительные чаще в винительном падеже на -a, но это объяснимо как переделка архаических типов на новый лад (ведущий способ образования наречий по-арабски — винительный падеж). Кстати, упомянутые архаические наречия-локативы являются живыми свидетелями эпохи до выработки -al и стоят как бы в безразличном состоянии против ведущего способа, уже тесно связанного с состояниями, например al-yawma ʿсегодняʾ, yawman ʿоднажды' (букв. ʿднемʾ).

Теперь дадим небольшую сводку классификации типов по причинам двухпадежности, поместив в скобки цифры пунктов нашего вышеприведенного списка:

По содержанию	По форме
Иноязычные собственные имена (1)	Собственные имена на -at (3)
Женские собственные имена (2)	Собственные имена и прилагательные на -ān (4)
Собственные имена типа qutal (5)	Имена на -ā, -āʾ (7)
Собственные имена из глагола (6)	Их коррелятивы ʾaqtal (9), qutal (11)
Множественное ломаное qatālĭl (10)	Числительные разделительные (12)

Самая техника превращения двухпадежных имен в трехпадежные при переходе в определенное или сопряженное состояние весьма проста: именительный падеж уже совпадает (-u), винительный падеж в подходящем контексте тоже совпадает (-a); остается только родительный падеж на -i, который автоматически добавляется в силу сходства основных условий контекста и оформления.

[1] Сверхдолгое â изображается в тщательно огласованных рукописях Корана и в сделанных с них печатных изданиях посредством ٓ, например وَلَا ٱلضَّآلِّينَ в последнем стихе первой суры. Здесь причастие ḍâllun ʿзаблуждающийсяʾ из *ḍālilun.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Тр. Второй сессии Ассоц. арзбистов

ПРИЛОЖЕНИЕ I (см. стр. 43)

Л. I-a

אבטח בצור [שם פה] אל חי מדבר
רצון אקו תמיד משוכני סנה

ישלח אלי עבדו עזרו ומציון
על פעלי אוחיל שכר וטוב משנה

חכמה מפוארת בלשון שפת יתר
אשתיק אלי עמי היתה ביד מונה

ספר מאד יקר נכבד לכל מבין
חבר אבו עלי השר אבן סינה (!)

נתן שמי נקרא אל שואלי אש׳ב
גד המאתי נא אותי להוד כנה

ПРИЛОЖЕНИЕ II (стр. 43)

Л. I-a

אמר נתן המאתי בנו אליעזר יצו אני הגבר ראה נדוד מזור היתי לאחי נזיר
ריע ודוד מעודי לא שקט לבי ולא חנה מדחי אל דחי הלך אנה ואנה עיני בקצה
הארץ היו רגלי בפאתי תבל... טלטלה גם טלטלה... בין עמים ולאומים שונים
הגלני... ואבין בלשונות הגוים ההם... שפת עבר וערב... בלבי צפנתים והיו
בידי לאחדים ויהי בראותי יום יום כי חכמי הנוצרים שפה עלינו... לעני שפתים
יגבירו בהפקד מאתנו ספרי הרפואה אשר חברו בימי שלמה ושאר אבירי אמונתנו
אשר היו לפנינו הנמצאים אתם לכן לבשתי... ממני העצלה... בעד עמנו שארית
הגולה להחיות החכמה... וגם כי ראיתי... בני תבון היקרים... בהיות את נפשם...
ואלך אני בזה בעקבותיהם... [וגם אמנה כי המחבר הזה נחה בלשונו מדרך שאר
המחברים והגיונו כי פרסי היה ממולדתו קוצר הדבר וכובד לשון במחברתו ולכן
הוצרכתי במקומות רבים להמציא לשונות חדשים מקרוב באו עד היום היו נטושים
ורבים דקדקתי כדי יכלתי וחכמי הערב ומרוב כובד מליצותיו]גם המה ייגעו מהשיג
תוכן גזרת מלותיו כי אם כפי כונת הבחינה ונם בקצת הספר הוכרחתי להניח חלק
בקצתם כי היה חלק מהספר מוטעה. ואני משביע כל קורא בו לבל יגיה דבר אם
לא מפי מומחה ומפורסם בלשון ואולם אם השם ית׳ יספיק מחלדי וצבאי יאריך
אחקור אחריהם בספרים אחרים ומפי החכמים ואבא להבינם על מתכונתם. אחרי
זאת עלה בלבי לעשות מאמר אחר להתום בו הספר ואזכיר רוב מלות ה בדות

הערביות והעבריות הנמצאות בספר הזה גם שמות הסמנים המשונים ושמותם הנזכרים בלשוננו למען לא ישעה הקורא בהבנתם ועל כונתי הרצויה בהעתיקי הספר הזה להיות למחסה ולמסתור מזרם לזות שפתי נאיונים ומעשה לסתור דברי נדופותם ומהתלותם. כל קוראו בנמצא יברכני כשאר המשבירים ובחסרון אל יקללני ולזכות ידיניני ומברכת החכמים יבורך הצעיר בבית אביו ומאתי הדלה במאות ישראל יזכה בתשועת יעקב ובקבוץ נפוצות ישראל ובא לציון גואל והיה כשכבי עם אבותי ואלידהם יוצר יאספני ואחר ככוד יקחני מבין עם תלמיד לטובה יזכני.

Cp. Steinschneider, HÜb. S. 679; Margoliouth, Catal. British. Museum, P. III, no. 1027

ПРИЛОЖЕНИЕ III (стр. 44)

Л. I-а

כל אוהבי חכמה תמיד שאו ידכם — לאל לקול צעק הן יחנן חנון. ישלח אלי עמו גואל וצור ישע — נצר ונין ישי צמח שמו ינון יקנה שאר עמו מכוש ומעלם — מהר יביאם אל ההר והלבנון אזכה אני נתן עמם היות נלוה — המעתיק ביום ספר שמו קאנון.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV (стр. 45)

Там же и л. I-б

ספר הקאנון באורו ספר העקר הכולל

אמר המחבר השר אבו עלי אבן סינא שבח לאל כי לו יאות לנודל רוממותו ורוב חסדיו ורחמיו על כל נבראיו. אחרי אשר בקשו ממני קצת סנלת אחי מאותם שאתחייב להפיק רצונם במה שידברו בי הרהבתי לחבר להם ספר ברפואות כולל כל עקריה ודרכיה הכלליים והפרטים... וכאשר ינמר הספר הזה אחבר אחריו ספר הרקוח... ואם יאריך השם אותי בימים... אציב לזה מצבה שניה ואמנם עתה הנה חברתי הספר הזה וחלקתיו לספרים חמשה על הדרך הזה

הספר הראשון בענינים הכוללים מחכמת
הרפואה. ספר שני בסמים הנפרדים.
ספר שלישי בחליים הפרטיים הנופלים באברי
האדם מן הראש עד כף הרגל מבית ומחוץ
ספר רביעי ... בקשוט (неудобочитаемо)
ספר חמשי בהרכבת הרפואות והוא ספר
הרקוח הנקרא אקראבדין כלום מזכרת הרפואה

ПРИЛОЖЕНИЕ V (стр. 45)

הספר הראשון הוא ארבעה אופנים...
והאופן הראשון... הנה ששה למודים...
ובלמוד הראשון שני פרקים ...

ובלמוד השני פרק אחד...
ובלמוד השלישי שלשה פרקים...
ובלמוד הרביעי שני פרקים...
ובלמוד החמשי פרק אחד וחמשה כללים
הכלל הראשון בעצמות ובו שלשים פרקים...
הכלל השני בעצלים ובו שלשים פרקים...
הכלל השלישי בעצבים ובו ו' פרקים...
הכלל הרביעי בשירינים ובו ה" פרקים...
הכלל החמשי בורידין ובו חמשה פרקים...
הלמוד הששי ברוחות... ובו
כלל אחד ובכלל ו" פרקים
האופן השני ובו נ" למודים...
הלמוד הראשון — שמונה פרקים...
הלמוד השני — שני כללים...
הכלל הראשון — עשרים פרקים...
הכלל השני — כ"ט פרקים...
הלמוד השלישי — י"א פרקים ושני כללים...
הכלל הראשון — י"ט פרקים...
הכלל השני... — י"נ פרקים...
האופן השלישי — פרק אחד וה' למודים...
הלמוד הראשון — ארבעה פרקים
הלמוד השני — י"ז פרקים
הלמוד השלישי — ו" פרקים
הלמוד הרביעי — ה" פרקים
הלמוד החמשי — פרק אחד וכלל אחד —
הכלל ההוא... — ח" פרקים
האופן הרביעי — ל"א פרקים

Конец индекса (Л. 3-а):

והנה כלל פרקי הספר הזה
מאתים וששים וארבעה פרקים

ПРИЛОЖЕНИЕ VI (стр. 45)

Для сличения с еврейским печатным изданием (инкунабула) приводим рукописную еврейскую версию с имеющимися надстрочными вариантами, сделанными другой рукой. Последние показаны рядом в квадратных скобках, а варианты первого — в круглых скобках. Параллельно приводим некоторые извлечения из арабского рукописного текста, характеризующие перевод, как дословный. Слова и фразы, имеющиеся в рукописном еврейском тексте и отсутствующие в изданном, подчеркнуты.

Арабский фонд. B 865.

Л. 4-б

الفصل الاول من التعليم الاول من الفن الاول من الكتاب الاول فى حدّ الطبّ اقول ان الطب علم تعرف منه احوال بدن الانسان من جهة ما يصح ويزول عنها ليحفظ الصحة حاصلة وتسترد زايلة ولقايل ان يقول ان الطبّ ينقسم الى نظر وعمل وانتم فقد جعلتموه كلّه نظرًا... فاذا قيل ان من الطب ما هو نظر ومنه ما هو عمل فلا يجب ان يظنّ ان مرادهم فيه هو ان احد قسمى الطب هو تعلم العلم والقسم الاخر هو المباشرة للعمل الخ

Там же

الفصل الثانى فى موضوعات الطبّ... وقد تبين فى العلوم الحقيقية ان العلم بالشى انما تحصل من جهة العلم باسبابه ومباديه ان كانت له وان لم تكن فانما يتم من جهة العلم بعوارضه ولوازمه الذاتية لكن الاسباب اربعة اصناف... والاسباب المادية هى الاشيا الموضوعة التى فيها تقرن الصحّة والمرض الخ

Л. 38-б, стр. 11 св.

وقد اتينا على تشريح الاعضا المتشابهة الاجزا واما الاليه فسنذكر تشريح كل واحد منها فى المقالة المشتملة على احْوالهِ ومعالجته ونحن الان نتكلم فى القوى التعليم السادس الخ

Л. 3-б

הפרק הראשון מן הלמוד הראשון מן האופן הראשון מן הספר הראשון בנדר הרפואה—אומר הנה הרפואה (שהרפואה) היא חכמה יודעו ממנה עניני גוף האדם מצד שיהיה בריא ויכור מן הבריאות (מהבריאות) לשמור (כדי שתשמור) הבריאות עומדת ולהחזירה (ותשתדל להחזירה) בסורה (כשתסור) והאומר (ולאומר) שיאמר שהרפואה נחלקת לעיון (אל עיון) ומעשה ואתם כבר שמתם אותה כלה עיון... וכשיאמר שיש ברפואה ממנה עיוני וממנה מעשי (מן הרפואה מה שהוא עיוני ומה שהוא מעשי) אין ראוי שיחשב שרצונגו בזה (שרצונם בו) הוא שהאחד (שאחד) משני חלקי הרפואה הוא למוד ההכמה והחלק האחר הוא [ה]התעסקות (ההתעסקות)... אבל ראוי עליך שתדע וכו'

Там же

הפרק השני בנושאי הרפואה... הידיעה בדבר תושג מצד הידיעה בסבותיו והתהלותיו אם יהיו לו סבות והתהלות ואמנם [אם לא יהיו לו לא תשלם אם לא] תשלם מצד הידיעה במקריו [והדברים הנלוים לעצם המתהייבים לו] וחיוביו העצמיים אך הסבות ארבעה מינים... והסבות החמריות אשר [ברפואה הם הנושאים] בהם ישוער הבריאות החולי[וכו']

Л. 25-б

כבר השלמנו נתוח האברים המתדמים ההלקים ואולם הכלליים המורכבים עוד נזכיר נתוח כל אחד מהם במאמר הכולל על ענינו ורפואותיו ואנחנו עתה נתחיל לדבר בעניני הכחות. נשלם הכלל החמשי והלמוד החמשי.

Вместо всего этого абзаца в печатном тексте имеются следующие слова:

תם ונשלם

Книга I, конец

Л. 82-б

וראוי שיהיה זה השעור מדברינו המקוצרים בשרשים הכלליים למלאכת הרפואה מספיק (ועתה נתחיל) ונתחיל בחבור ספרינו (בחלוק ספרינו) בכמים הנפרדים (בתוכות הנפרדות) בע"ה (תם ונשלם תהלה לאל עולם בריך דסייען מריאש(!) ועד כאן) יתעלה עלוי גדול. נשלם הספר הנותן אמרי שפר הוא החלק הראשון מן הקאנון לזקן הנכבד בן מלך השר אבו עלי אבן סינא ואופניו שהם ארבעה... ופרקיו שהם מאתים וששים וארבע(!)... חזק... הסופר לא יוזק... חזק.

Л. 121-а

Книга I, конец

فليكن هذا القدر من كلامنا المختصر فى الاصول الكليه لصناعة الطب كافيا ولناخذ فى تصنيف كتابنا فى الادوية المفردة تم الكتاب الاول من القانون فى الطب تصنيف الشيخ... يتلوه... الكتاب الثانى فى الادويه المفرده الخ

ПРИЛОЖЕНИЕ VII (стр. 45)

Л. 83-а

Книга IV, начало

ספר רביעי וספר הקאנון לאבן סיני(!)

Трехстишие переводчика:

אהודה לאלהי ונוחי ויוצרי — אשר*) בן לרעי וארחי ורבעי
ועזרו אבקש היותו לצדי — הלא הוא למאז מאורי וישעי
ואהל ביום זה לכונן בקכתי — ועטי בעזרו בספר רביעי

*) Ср. псал. 139, 2, 3.

Начало переводного текста:

בקדחות — הקדחת היא חום נכרי מתלקח בלב ויצמח ממנו במצוע (באמצעות) הרוח והדם בשריינים והעורקים בכל הגוף ויבער בו הבער מזיק בפעולות וכו

Арабский фонд. D 179-a. Книга IV, начало:

Л. 313-б

بسم الله... الفنّ الاوّل من كتاب الرابع من القانون الحمى حرارة غيريبة تشتعل فى القلب وتنبث منه بتوسّط الروح والدم فى الشرايين والعروق فى جميع البدن فتشعل فيه اشتعالاً يتضرر فى الافعال الخ

Л. 89-а

המאמר השני — התחלתו בקדחות העפוש ויתום המאמר בדמיות ובאדומיות

— דבור (בקבוץ) כללי בקדחות העפוש וכו

Там же

Л., 317-а, 9 стр. св.

ابتداء القول فى حمّيات العفونة وتمام القول فى الدمويّة والصفراويّة المقالة الثانية كلام كلّى فى حمّيات العفونة الخ

Л. 143-б

האופן הרביעי בפרוק החבור ומה שהוא תלוי בו מהשברן וחבישה ודבוק — המאמר הראשון בחבורות. מאמר כללי בפרוק החבור כבר בארנו בספר הראשון מיני פרוק החבור על הדרך וכו

Л. 328-а, 8-я стр. св.

الفنّ الرابع فى تفارق الاتصال سواء ما يتعلّق فى الكسر والجبر القسم الاول فى الجراحات المحيطة كلام كلى فى تفرق الاتصال قد بينا فى الكتاب الاول اصناف تفارق الاتصال على نحو الخ

Л. 172-а

אצבעות הרגלים רפואתם בשבר והקעה כרפואת אצבעות היד ולפעמים ישוה אותם החובש בכף רגלו שידרוך בהם...

Л. 347-б, 2-я стр. сн.

اصابع الرجل فى الخلع والكسر علاج اصابع اليد وربما سواها... ويتلوه الكتاب الخامس فى القراباذين

האופן הששי באיסים וסמי המות והוא חמשה מאמרים המאמר הראשון בשרש מה שיודע מעניני הארסים וסמי המות מאמר כללי בשמירה מסמי המות השתויים ורפואתם וכו

Л. 348-а, имеются лишь следующие слова:

والحمد لله ربّ العالمين

Л. 348-б

المقالة الاولى فى اصول ما يعلم من احوال السموم المشروبه... كلام كلّى فى المحرور من السموم المشروبة وعلاجها الخ

Ср. печатный оригинал, стр. 119, где это оглавление относится к 1-му трактату 6-го отдела IV книги соответственно еврейской версии в рукописи и печатном издании

Л. 211-а — конец

ואין ראוי שתדחוק הבשר כי יעורר כאב גדול יותר מן דאחם אבל שתניח עליו בנחת ותצוק על הצפורן מים (החמים!) ושמן פושרים ותניח עליו אחר זה ואחריו אספלנית (באשריקון) באסליקון — נשלם ספר רביעי

Л. 373-б, 4-я стр. сн.

ولا يعدى الحم فيهيج وجع عظيم اعظم من الداحس بل عظه به وانطل على الظفر الما والدهن الفاتر وضع عليه من بعد باخره مرهم الباسليقون

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII (стр. 46)

Книга V

Л. 212-а

Начинается трехстишием переводчика:

אחנן לאלי בדעה מחונן — לבב איש תבונות ומוסיף בלקח
וספר חמשי בעזרו אבונן — הכי קם עלי כל סחר טוב ומקח
חרותים בתוכו מזורים וגהות — ומעוג ועונות זני כל מרוקח

Заглавие: הספר החמשי לחבור הקאנון מן השר אבן סיני ונקרא אקראבדין כלומר מזכרת הרפואה והוא ספר הרקוח ובלשונם אנדיטוטארי

אמר המחבר

כבר נמרנו בספרים הארבעה זכרון כללי החכמה העיונית והמעשיית... וראוי לנו שנחתום ספר הקאנון בספר החמישי הזה... וחלקנו הספר הזה למאמר חכמיי... ולשני כללים... ובהביאני הפנים השלשה האלה יחתם הספר וכו

Л. 373-б, 3-я стр. сн

الكتاب الخامس من القانون فى الادوية المركبة لقد فرغنا فى الكتاب الاربعة عن ذكر جل العلم النظرى والعملى... ان يختم كتاب القانون الكتاب الخامس... وقسمنا هذا الكتاب الى مقالة علمية... والى جملتين... فاذا اوردنا هذه الوجوه الثلاثة ختمنا الكتاب الخ

Л. 274-а, конец

וכל קיראט ד׳ שעורים י״ג אתולים הם ט׳ קראטים — קראנום אוקיא וחצי ושני קראנוסים שלשה אוקיות... תשעה ועשרים קיראט נשלם ספר הרקוה וספר הקאנון תם... חזק

Л. 403-б, конец

كل قيراط اربعة شعيرات الثلث الابولات تسعة قراريط الغواثوش اوقية ونصف تمت الكتاب الخ

Ср. печатн. текст гл, Romae 1593.

ПРИЛОЖЕНИЕ IX (стр. 47)

ВОКАБУЛАРИЙ С ПРЕДИСЛОВИЕМ

Л. 275-а

אמר המעתיק השבעתי אתכם מתי השכל... לבל יפקד המאמר הזה מן הספר הזה... בו באור רוב המלות הזרות הנכריות... כונת המחבר וכובד לשונו הכרחני לקצתם וקצתם חדשתי... הכינותים באלפא ביתא... ואתחיל במלות הפעליות וביניהם יתערבו קצת שמות הסמנים עבריים לא נודעו אצל ההמון ואחריהם אזכיר שמות שונים מלשונות גוים רבים הנכתבים אצלנו... ומהשם העזר בכל המבוקש. אביב קראתי הפרק הנקרא חום... והחום נקרא אביב ובלעז פרימאוירא... בלשון הערב נקרא אנביב וכו

Л. 279-а, конец

אות תיו — תנודה — הנה קראתי התנועה הנעשית להעמיד הבריאות כשחוק הכדור... ובמקומות רבים שמתי במקום תנודה התעמלות... תם

ПРИЛОЖЕНИЕ X (стр. 47)

О СИНОНИМАХ

Лл. 280—285

שנוי השמות הנקרא צינונימש

אות אלף — אכליל אלמלך — ליטי מלילוט לעי לבמנט...

Л. 285-б, конец

תיו רפה — תיל — נרם. תלג — שלג.
תורבדי — שום מדברי. תות — מירא
בריך רחמנא דסייען — ישמה הכותב וינל הקורא

ПРИЛОЖЕНИЕ XI (стр. 47)

Еврейский фонд, B 75

Л. 1-а

ההכם הגדול הפילוסוף המופלא והמומחה ושמו... אבן סינא הרופא המומחה וכלו רמוז וחוז והעתיקו הרב הגדול המעולה רב שלמה הרופא ב״ר דויד הרופא זצ״ל מלשון הלרוזים אל פירושם:

יין... הורק לכלי מכלי — טעמו וריחו בו ולא נמר ופג כסף מזוקק בעליל חכמה והוא — מאין בדיל כי לא ככסף סיג וסג הוצק בפי הרב שלמה בחצי — כסליו בארבעת אלפים תתקצ״ג. בעבור היות הספר הזה כלו רמזים והרוזים פירשתיו אני שלמה המעתיקו... ומכלי אל כלי שכלי הריקו על כן עמד טעמו בו... ולא פג לבו בהרחיבי נתיבי למען ירוץ קורא בו... והמעיין בו... יתחכם ממנו כי בו כלל רפואת כל החלאים. א״ נבול הרפואות... צ״ו — רפואת שמטת העצם.

ПРИЛОЖЕНИЕ XII (стр. 47)

Л. 2-а-б

נבול הרפואות נחלק לשני חלקים האחד לשמור האדם על בוריו כדי שלא יבוא לידי חולי והשני לרפאתו מחליו ותשלום הנבול הזה שנאמ״ שהרפואות היא מלאכה פועלת יוצאה מהחכמה והבחינה תשמור הבריאות ותסיר החלי וכו

1 ״ ונחלקת תחלה לחלקים — שנים הם בשירותי הקוקים

2 ״ והם מעשה וגם דעת ואולם — בשגש יעלה דעת ויושלם. כלומר שהרפואות נחלק תחלה לשני חלקים גדולים האחד נקרא חכמה והשני מעשה... שהחלק הנקרא חכמה ישלם בשלשה חלקים ואני עתיד להזכירם

3 ״ ושבעה הטבעים הם וששה — צריכים הם אליהם איש ואשה מפני שאמר שהחלק הנקרא חכמה נחלק וכו

4 ״ ואחריהם שלשת הדברים — ועל ספרי רפואות הם ספורים

5 ״ והם סבה וגם מחלה ומקרה — והמחלה תגר מקרה ויקרה יאמר שהחלק השלישי משלשת חלקי החכמה וכו

6 ״ ומעשה הרפואות על דרכים — שנים הם שמורים וערוכים

7 ״ והאחד בידו איש יתכן — ובו יחבש לנשברים ויכן

8 ״ והשני במשמרים גבולים — ובתרופה לשיעור מאכלים. לפי שחלק את הרפואות וכו

Л. 1-б, стр. 5-я св.

Арабский фонд, B 866

ذكر قسمة الطب[1]

1 الطب حفض صحّة يبرى المرض * من سبب فى بدن منذ عرض
2 قسمة الاولى لعلم وعمل * والعلم فى ثلاثة قد اكتمل
3 سبع طبيعات من الامور * وستة و كلّها ضرورى
4 ثم ثلث سطرت فى الكتب * فى عرض ومرض والسبب
5 وعمل الطب على صوبين * فواحد يعمل باليدين
6 و غيره يعمل بالدوا * و سا يعد زمن الغدا

[1] Правописание нижеследующих стихов сохраняется по рукописному подлиннику.

л. 2-б זכרון הטבעים וחיסודות תחלה א וכו

л. 3-а השני במזג א ב וכו

л. 5-а זכרון מזגי הזמנים ג וכו

„ זכר חלקי הפורה ד וכו

л. 6-а זכר מזגי האדם ה וכו

„ זכר הזכרים והנקבות ו וכו

л. 6-б זכר הגדות ז" וכו

л. 7-а זכר הגוונים ח וכו

„ עיני השער

л. 7-б זכר עיני העין ט וכו

л. 1-б ذكر الامور الطبيعية والاولى فى الاركان

л. 2-а ذكر امزجة الانسان

„ ذكر الذكورة والانوثة

„ ذكر السمن (السخن?)

„ ذكر الالوان واوّلاً في البشر

л. 2-б الوان الشعر

„ الوان العيون

л. 3-а الثالث من الامور الطبيعية وهو الاخلاط

л. 3-б الرابع منها وهو الاعضاء

„ الخامس منها وهى الارواح

ПРИЛОЖЕНИЕ XIII (стр. 47)

л. 42-б הנהגת שתיית היין שער ה"
אל תשתה מין הרבה — די לך במעט אם לי(?) תאבה
גם אל תשתה תמיד כל יום — גם לא על צום כי הוא איום
גם לא על אוכל רקיק הוא — גם על חריף אל תשתהו
כל הימים אל תשתכר — די יום חד בחודש שכר

Там же הנהגת השנה שער ו

л. 43-а הנהגת התנועה שער ז"

л. 27-а تدبير النوم

л. 27-б تدبير الحركة

л. 42-а تدبير النبيد وشربة

فى الشرب لا تقصد الى الكبير * واقنع من النبيد باليسير
لا بد من النبيذ كلّ يوم * ولا تكن تشرب بعد الصوم
ولا على الطعام ذى لطافة * ولا على الغدا ذى الخرافة
اياك ان تسكر طول الدهر * فان يكن فمرة فى الشهر

л. 47-б Последний абзац

זכרון מיני התרופות
זכור אזכור מעיקרים...
גם אזכור... מזג כובש — אם... לא יוציא חובש
... ... — ואשר יצמ[ח] ואשר יהתום

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КОМИТЕТ НАУК
при
СНК Киргизской ССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Акад. И. Ю. Крачковский. Арабистика в СССР за 20 лет	5
Чл.-корресп. Акад. Наук СССР А. Э. Шмидт. Рукописи произведений Авиценны в Гос. Публичной библиотеке Узб. ССР	31
И. И. Гинцбург. Арабская медицина и произведения Авиценны — „Канон“ и „Урджуза“ — по еврейским рукописям Института востоковедения Академии Наук СССР	35
Н. В. Пигулевская. Арабы VI в. по сирийским источникам	49
В. И. Беляев. Собрание арабских папирусов в Москве и Ленинграде	71
А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение	81
С. Л. Волин. К истории среднеазиатских арабов	111
А. П. Рифтин. К происхождению форм наклонений в арабском и аккадском языках	127
Г. В. Церетели. К характеристике языка среднеазиатских арабов	133
Н. В. Юшманов. Загадка „двухпадежных имен“ арабского классического языка	149
Приложения	161

Редактор издательства А. М. Барабанов
Подписано к печати 18/III 1941 г.
М 42667. Об'ем 11 печ. л. Кол. печ. зн. в 1 печ. л. 61248. 13 уч.-авт. л. Тираж 1000 экз. Цена книги 11 руб. 75 к.
Типо-литография Издательства Академии Наук СССР Ленинград, В. О., 9 линия 12. Заказ № 1076.